

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

парадигмы

*Борис
Нарциссов*

Письмо самому себе

СТИХОТВОРЕНИЯ
И НОВЕЛЛЫ

Annotation

Родился в России, вырос в Эстонии, спасся в Германии, сформировался как поэт в Австралии, написал все свои лучшие стихотворения, похоронен в США, - такова география судьбы выдающегося русского поэта первой волны эмиграции Бориса Нарциссова. Творческая его биография совсем иная: это едва ли не самый близкий у нас продолжатель поэтической традиции Эдгара По. Не просто романтик звезды Канопус (нередко именуемой Южной Полярной звездой), не просто визионер с колдовской фамилией, одаренный и мастерством и чуткостью большого поэта, - Нарциссов известен у нас только скудными публикациями в антологиях, тогда как оценит его лишь тот, кто прочтет оставленное им наследство целиком. Именно такой и приходит ныне к читателю "Письмо самому себе" - блистательная "эдгариана" поэзии русского зарубежья.

- [БОРИС НАРЦИССОВ](#)
 - [СТИХИ](#)
 - [ГОЛОСА](#)
 - [ПАМЯТЬ](#)
 - [ПОДЪЕМ](#)
 - [ШАХМАТЫ](#)
 - [ЗВЕЗДНАЯ ПТИЦА](#)
 - [ПИСЬМО САМОМУ СЕБЕ](#)
 - [НОВЕЛЛЫ](#)
 - [ПИСЬМО САМОМУ СЕБЕ](#)
 - [НАДЯ? КОГДА БУДЕТ НАДО, НАЙДЕТ...](#)
 - [ЧЕГО НЕ СЛЕДУЕТ ДЕЛАТЬ С ЗЕРКАЛОМ](#)
 - [Евгений Витковский](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

БОРИС НАРЦИССОВ

ПИСЬМО САМОМУ СЕБЕ

(СТИХОТВОРЕНИЯ И НОВЕЛЛЫ)

СТИХИ

(Нью-Йорк, 1958)

*«Горе! Я кличу тебя!» – обрело отчаяние
голос,*

*И, безнадежный, кто-то сказал: «Я кличу
себя...»*

Вячеслав Иванов

ДРЕВНОСТЬ

ДРЕВНОСТЬ

Он костер положил у подножия храма
И украсил его.
Дым всклубился, и к небу направился прямо,
И питал Божество.

На тяжелом, еще не-арийском, наречьи
Говорил он слова.
И одеждой его были шкуры овечьи,
И поката была голова.

Трепетало под солнцем прозрачное пламя.
Стал костер угасать.
Он смотрел на закопченный жертвенный камень
И бессилён был что-то понять.

А вверху, среди шершавых камней воздымаясь,

Над кустами в цвету,
Необтесанный мраморный бог, улыбаясь,
Напряженно глядел в пустоту.

ЖИЗНЬ

*Тихо дымятся тяжелые, темные воды,
Лижут порфиры и черные грани базальта.
Пеплом летучим набухли землистые тучи,
Пар от горячей земли в себя принимая.
Всюду ржавые, лавой ожженные скалы.
И в тишине торжественно-строгой,
В мутном рассоле вод Архейского моря
Плавно колышутся нити тягучие плазмы:
Только что облик приявшая жизнь.*

МАМОНТ

*Он приходит походкой тяжелою
К берегам застывающих вод,
И огромную бурую голову
Опускает, и хоботом бьет.*

*Обомшелой ногою, как молотом,
Тяжко охнувший лед он дробит,
И на торосах, морем наколотых,
Он, как сторож полночный, стоит.*

*И, качая точеными бивнями,
Видит он, как светящийся пар,
Низвергаясь багряными ливнями,
Зажигает полярный пожар.*

*Внемли о днях последних хладающих светил:
Когда остыло солнце, мир черно-красным был.*

*Как уголь, от деревьев тени
Лежали на земле,
И сучья, как рога оленьи.
Чернели в мутно-красной мгле.*

*Змеились трещины среди иссохшей глины
И, точно щупальца голодные, ползли.
То были дряхлости и немощи морщины
На высохшем лице земли.*

*И солнце, точно медный шар.
На горне раскаленный, жгло зловеще
У дымных туч края. И медленный пожар.
Качалось, умоляет и трепещет.*

*И солнце облака лизали и съедали.
Чудовищами ползая кругом
И сполохи с высот кидались дико в дали.
Борясь со тьмой крадущимся врагом*

*И Страх, летучий Страх, струящеюся тенью
Дрожал над зеркалом багровых вод
И верить не хотел в смятеньи,
Что солнца час последний настает.*

ГИППОГРИФ

*За Ливийской, в камнях, живет гиппогриф.
В этом крае, Богом забытом,
На рассвете, по кручам, – и с кручи в обрыв, –*

Слышен цокот его копыта.

*Распаяясь от резвости бронзовых ног
И ярясь в непрерывном усильи,
Он взмывает золотой, разновесный песок
Волосатым и потным воскрыльем.*

*Оперенную шею, как конь, изогнув,
Направляет свой лёт высоко.
И под полдень, открывши изгорбленный клюв,
Испускает довольный клетот.*

*Череп по пустыне, как белый сев.
Крик услышишь – и сердце застынет.
Распрострешься, птицей к земле присев.
И тогда он тебя настигнет.*

ЭЛЕВЗИН

*Бабочка-Психея, ты – дневная,
Солнцу навсегда наречена,
Элевзинских ужасов не знаешь,
Пропастей без меры и без дна.*

*В глубях обитает Персефона,
Позабыв лазоревую твердь.
И незнающий, непосвященный
Думает, страшась, что это – смерть.*

*Откажись от солнечной Психеи,
Не страшись пещерной черноты:
Ты войдешь, и холодком повеет,
И во сне захолодеешь ты.*

Ты проснешься в глубях посвященным

*И в преддверьи встанешь, не дыша:
На пороге будет Персефона,
Страшная бессмертная душа.*

ОСЕНЬ

АВГУСТ

*Поля уходят и сереют,
И греют ночь сухим теплом.
В прорыве туч – Кассиопеи
Двойной мерцающий излом.*

*Нависли и грядой железной
Легли на небе облака.
Седых небес слепая бездна,
Как мутный омут, глубока.*

*Но темноту беззвучно жалит
Живого золота клинок:
На миг клубятся, как поток,
Зарницей испугнутые дали.*

* * *

*Тепло и сухо. День осенний
Похож на раннюю весну:
Ползут от голых сучьев тени,
И клонит ласково ко сну*

*Но листья золотисто-медны
На блеклой, выбитой траве,
И пусто, холодно и бледно
В стеклянно-плотной синеве.*

*И розов на эмали синей
Узор редящих ветвей,
И разгораются живей
Кораллы-бусы на рябине.*

ОРИОН

*Поздней-поздней осенью, к рассвету,
В час, когда всего сильнее сон,
В черный бархат с золотом одетый.
Вышел осторожно Орион.*

*Он был занят огнестрельным делом:
Тихо — так, что ветер не слышал, —
Метеоров огненные стрелы
Он с размаху по небу метал.*

*Нежной дымкой, волокнистым газом
По небу струилась полоса.
На Быка с кроваво-красным глазом
Он пускал серебряного Пса.*

*А когда оранжевым и черным
На востоке вырезался лес,
Орион, сверкнув плащом узорным.
За эмаль зеленую исчез.*

*Медлительно светает в октябре.
Чуть голубеют облачные окна.
Забор в росе. На выгнившем ребре
Доски паука наткал свои волокна.*

*В усталом ветре, тихом и сыром.
С полей идет осенний, грустный залах.
Уже светло. Но спят глубоким сном
Сады в нападавших кленовых лапах.*

*И пылью серебристою блестят
Вьюнка сухие плети у балконов,
Неряшливый багровый виноград
И золото заржавленное кленов.*

ПОД ЗНАКОМ САТУРНА

ГОРОСКОП

*Его составил сам де-Браге,
«Весьма искусный астролог...»
На желтой рвущейся бумаге
Рисунок с тонкой вязью строк:*

*«...Здесь мною в символах записан
Прочтенный в звездах жребий той:
Под сенью скорбных кипарисов
Белеет камень гробовой.*

*И Жизнь угасишу рыданьем
Зовет бессильная Любовь –
К утрате тяжкой и нежданной*

Отныне дух свой приготовь.

*Над беломраморною урной
Блестит упорный тусклый взор
Зловеще-бледного Сатурна.
Пророча горе и позор,*

*И Некто в черном одеяньи.
Как смерть, высокий и худой.
Зовет движеньем властной длани
Во тьму ночную за собой...»*

* * *

Глагол времен, металла звон!

Г. Р. Державин

Энтропия мира стремится к наибольшей величине.

Термодинамика

*Роняют башни тяжкий звон
И смутный ужас в смертном будят:
Вот клялся ангел из времен.
Что больше времени не будет.*

Ты слышишь властный, непреложный.

*Ритмичный шелест в пустоте?
Как пульс горячечно-тревожный.
Стучат секунды в темноте.*

*Но перебой из уравнений
В их утомленный бег вплетен,
И бой часов – как вопли нений. [1]
Как Хроноса больного стон.*

*Он слышит час, когда в пространстве
Оцепенеет всё. Тогда
Окончит путь бесцельных странствий
В эфире каждая звезда.*

*И, одряхлевшее с веками,
Замедлит Время свой полет,
Взмахнет последний раз крылами
И, неподвижное, умрет.*

* * *

*Я не знаю теперь — был то сон или нет, —
Но виденье осталось желанным:
Мне открылся безрадостный, пепельный свет.
Мир спокойный, безмолвный и странный.*

*Над сыпучим и острым, холодным песком
Колыхались иссохшие травы,
И никто на песке этом, красном, сухом.
Кроме ветра, следа не оставил.*

*Фосфорились, из сумерек белой дугой
К берегам набегая, буруны.
И на небе зеленом, одна за другой,
Восходили огромные луны.*

*И я понял тогда, что совсем одинок
Я на этой далекой планете.
И я видел кругом лишь кровавый песок
Да травы неживые соцветья.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

When the earth was sick and the skies were gray,

And the woods were rotted with rain,

The dead man rode through the autumn day To visit his love again.

R. Kipling. «Plain Tales From the Hills»

Когда небеса были серы, и осень
Болела, и мир был туманом покрыт,
Сквозь шелест дождя долетал из-за сосен
По мокрой дороге хлюп грузных копыт.

Грибы, ядовито ослизнув, желтели,
И воздух отравлен был прелым листом,
И тонкие плесени сучья одели, –
Так медленно гнили леса под дождем.

И между деревьев измокших и голых,
Дорогой грибных бесконечных колец
Усталую поступью, мерно-тяжелой,

Шел конь, и кивал головою мертвец.

ШАХМАТЫ

...Жизнь я сравнил бы с шахматной доскою:

То день, то ночь...

Омар Хайам

*То ночь, то день. На черно-белых
Полях борьба – за ходом ход.
Игрок невольный, неумелый,
Влекусь в игры водоворот.*

*Я сделал ход мой: я родился.
И черный принял вызов мой.
Прекрасной Дамой заградился
Я от угрозы теневой.*

*Но Дама светлая потеря
В такой игре обречена:
Кто день исчислит и отмерит,
Когда с доски сойдет она?*

*То день, то ночь. Теперь всё ближе,
Всё туже вражеский охват.
По черно-белым клеткам нижет
Противник ход за ходом мат.*

И вот конец борьбе упорной,

*Неотвратимый для меня:
Игру выигрывает Черный
Началом Бледного Коня.*

ВЕТЕР

*Весь день надрывался, безумный,
И к ночи совсем распоясался:
По крышам катался с шумом,
А потом зверел и набрасывался.*

*И ходило по комнате струями,
И пламя свечи колебалось.
А тени кралась лемурами
Ко мне из темного зала.*

*Я был совсем одинокий.
Другими людьми оставленный,
И следил я до ночи глубокой
За огнем и за воском оплавленным.*

*И когда завывало и ухало,
Скрежеща листьями железными,
Синело пламя и тухло,
И жалось книзу болезненно.*

*И я видел себя этим пламенем.
Окруженным потемками хмурыми.
И задуть его струями пьяными
Торопилась Она с лемурами.*

МОЗГ

Мозг

1

*В прозрачных массах есть очарованье,
И льдистый полированный кристалл
Есть некий путь к сверхмысленной нирване
И некий новый выход и провал.*

*Таится в человеческой природе
Дилемма: сказка или будней гнет.
А выход здесь равняется свободе:
Пускай в провал, но все-таки – полет.*

*Полез в стремительную неизвестность:
Глаза впиваются в стеклянный шар.
И шар, непроницаемый и тесный,
Теперь источник несомненных чар.*

*Зеленое – колышется и тонет.
Прозрачное – всплывает из глубин.
Смотрел ли ты среди камышей в затоне
В глаза подкравишихся ундин?*

2

*И шар другой, налитый туго светом.
Морщинистый от пятен и от гор.
Плывет и тянет за собою сети –*

Гипнотизирующий, лунный взор.

*И бедные лунатики не властны
Над чем-то посторонним – над собой –
И сладострастью хладному причастны,
Впивая свет зелено-голубой.*

3

*Двадцатый век не любит бутафорий:
Стекло есть кальций-натрий силикат.
Луна – планета лавовых нагорий.
И действие есть поле и разряд.*

*Но если сказка – расписные ножны.
То знание – отточенный клинок –
Запретное нам делает возможным
И губит нас, как неизбежный рок.*

*И я нашел прозрачный и бездонный.
Морщинистый, налитый светом шар.
Лучами нервов густо оплетенный,
Одетый кровью в тепловатый пар.*

*Вонзи в свой мозг, как лезвие ланцета,
В себя восставь упорный, острый взгляд:
Ты выйдешь в волны голубого света,
И эти волны челн твой застрелят.*

*И ты узнаешь дикое паденье
В безмерную свободу пустоты.
И, раз вкусив от древа наслажденья,
Вернуться к жизни не захочешь ты.*

*Каждую ночь крадется
Над крышами лунный спрут.
Ползучие руки уродца
Твой мозг обнаженный найдут:*

*Лабиринт бесконечных извилин
Переходы, подвалы, мосты.
И в нем, как бессонный филин,
Светишь глазами ты.*

*Есть комната где-то в подполье, –
И двери всегда на ключ, –
Но шарит настойчиво голый
И гибкий зеленый луч.*

*И в этом неверном сияньи,
Разбужен зачем-то луной,
Второй – пустоглазый – хозяин
Становится рядом со мной.*

ПАУК

*Горело электричеством упорным,
Сухим и мертвым светом над столом.
Шел ровный дождь. Снаружи к стеклам черным
Прильнула ночь заплаканным лицом.*

*Ложились вычисления рядами.
Блестели мирно капельки чернил.
И вдруг каким-то чувством над глазами
Я чье-то приближенье ощутил.*

Услышал шорох, быстрый и скрипучий;

*Взглянул и на обоях, над столом,
Увидел лапы острые паучьи
Угластым, переломанным узлом,*

*Вчера он был. И вот сегодня снова
Приполз и омерзительно застыл.
И ужас одиночества ночного
Колючей дрожью голову покрыл,*

*Убить его я не могу. Не смею.
Он знает это. В хищной тишине
Смотреть я должен, как сереют
Его кривые лапы на стене.*

* * *

*Я был заперт в сырых погребах.
Были стены в белесых грибах.
И зеленая плесень светила
Из углов паутиных и стылых.*

*Это было совсем на краю:
Истончив оболочку свою,
Я подполз к обиталищу этих,
Сероватых, не видных при свете.*

*И в ответ проступал из-под низу
Мягкотелый, расплывчато-сизый,
Этих мест постоянный жилец –
Со своей мертвечихой мертвец.*

ДВОЙНИКИ

ТРОЕ

*Зеленеет стеклянный холод.
Перед зеркалом я застыл.
И, граненой толщиной расколот,
Мир стеклом себя повторил.*

*Через глаз – колебания света,
И потом колебание – мысль.
Разве тоже не зеркало это —
В глубину опрокинута высь?*

*Это старое зеркало тускло, —
Но качну — и колеблется твердь.
И я тоже – стеклянный и узкий, —
Отражаю: и жизнь, и смерть.*

*И я сам себя отражаю,
И зову это коротко: «я».
– Перед зеркалом в скобках ржавых
Остаться долго нельзя:*

*Исчезает один «я» законный,
– И кого же за «я» считать? –
Трое: два двойника отраженных,
И меж нами – холодная гладь.*

СТАРЫЙ ДОМ

*В этом доме, огромном и старом.
По спине холодило недаром:*

*По карнизам, на пыльных шарах,
Ночевал паутинчатый страх,*

*И печное остывшее тело
Тонким голосом к ночи гудело.*

*А в гостиную стиля ампир
Приходил элегантный вампир*

*И у девушки хрупкой и спящей
Горловой перекусывал хрящик.*

*Кто вступал в этот сумрачный зал,
Погружался в провалы зеркал.*

*Нет страшней и коварнее яда
Устремленного в зеркало взгляда.*

*Ибо там отраженный двойник
Удалялся в стеклянный тайник,*

*И блуждало потом оцепело
В темных залах бездумное тело.*

*Двойники обитают вдвоем:
Если хочешь, ищи этот дом.*

* * *

*...с вечера свечи. Вещает в вещах
И пыльный, и сдавленный голос:
«За зеркалом, шкафом, за ложкой во щаж
Сквозит потаенная полость.*

К вещам прикрепляется прожитый день

*И прячется сбоку и сзади;
Вот – в лавке старья огляди дребедень:
Она – точно кошка в засаде.*

*Не вывернуть мира с лица на испод,
Но мозг – и возможно, и должно.
Тогда постепенно проступит, как пот,
Сквозь явное мир позакожный.*

*Как пленка, порвется обычное вдруг.
Слова потеряют значенье.
– Ты влезешь сквозь легкий, приятный испуг
В надбавку к людским измерениям...»*

* * *

*Худой, голубой и спящий
По городу лунный человек пошел,
Огибая острые ящички
Домов, окутанных месяцем в шелк.*

*К Светлому были направлены
Зрачки, помутневшие, как опал.
И рот он кривил, как отравленный,
Попадая в черной тени провал.*

*Прозрачные и легкие знакомые
По воздуху плыли перед ним.
Лица, события и комнаты
В памяти лунной скользили, как дым.*

*Проснувшись, дневной и нормальный,
Временами он слышал на миг,
Как звал его опечаленно*

Его голубой двойник.

* * *

*Пыльники, пауки и свещеглазники
Населяли старый чердак:
Третьесортная нечисть, грязненькая
И страшная не так.*

*Пробегали и прятались шорохи.
Проследи – зададут слуху дел!
В полинялых изломанных шторах
Жил скелет – и желтел, и худел.*

*И о мире тихий печальник,
Залезавший днем под кровать,
Жил вампир там, великий молчальник,
Признававший лишь слово «сосать».*

*Так, событиями не обильна,
Протекала чердачная жизнь.
Только раз режиссера страшного фильма
Удалось им насмерть загрызть.*

* * *

*Ночью в сарае темно.
Двери от ветра в размахе.
Белое, в длинной рубахе,
Изредка смотрит в окно.*

*Некого ночью пугать-то:
Скрывшись, – опять на чердак;*

*Где-то под крышей горбатой.
Там, где уютнее мрак,*

*Снова белеет. А ветер
Ломится в дверь чердака.
Пробует окна, пока
Серым восток не засветит.*

УГАР

*Улеглись и уснули люди.
На столе в потемках допел самовар.
И тогда, почуяв, что не разбудит,
Из мочки тихонько вылез угар.*

*Нырял и качался летучей мышью,
По комнатам низко паря.
Худыми руками, незрим и неслышим,
Ощупывал бледный свет фонаря.*

*А когда услышал дыханье ребенка,
Подполз с перекошенным липом,
И пальцы его, как нити, тонкие,
Сомкнулись на горле кольцом*

*Так за ночь никого в живых не оставил,
Ползал и нежился в печном тепле,
И только будильник, как лунный дьявол.
Круглым лицом сиял на столе.*

*** * ***

*В этом доме чертей плодили
По чуланам и темным углам.
По запечьям кикиморы выли,
Шевеля позабытый хлам.*

*А кикиморы любят, где жутко.
А в потемках кикимора – вскачь.
Тоже любит, свернувшись закруткой,
Слушать в спальнях придушенный плач.*

*Ну, а этого в доме довольно:
Сжатых губ и заплаканных глаз.
Знай, что если кому-нибудь больно,
То у пыльных под крышею пляс.*

*В этом доме сначала намучат,
И потом утешают – «не плачь».
А от этого нежить мяучит,
А потом кувыркнется и вскачь.*

СКАЗКИ

СКАЗКА

*В этом царстве был толст император,
Как фарфоровый самовар.
Бриллиантом во много каратов
Был украшен держанный шар.*

*У министров по два шарнира
Было в очень в гибкой спине
Отклоняться – для прочего мира,*

И другой ну, понятно вполне...

*Шут был очень важной персоной,
Как и надо в сказке шутам.
Но дочурке больной и бессонной,
Он про зайчика пел по ночам.*

*Очень храбрые офицеры
Были в золоте и шнурах,
А солдаты вовсе не серы,
А румяны и в черных усах.*

*У принцессы был маленький носик
И агатовые глаза.
У нее был китайский песик
И жемчужная стрекоза.*

*Но уже от своих игрушек
И от няни: «...оставьте одну!..»
И к Пруду Среброзвонных Лягушек
Уходила смотреть на луну.*

*А луна проступала сквозь ветки
Темно-красным и страшным пятном,
И ручные цикады в клетке
Заливались сухим дождем.*

*– Ну, не всё ли равно, что – сказка?
Ведь цикады где-то поют,
И ведь этот, заросший ряской,
Так похож на сказочный – пруд.*

СКАЗКА

*Как сказнили русалоча милова.
Королевича северных стран.
Над рекой ни одной не помиловал,
Все ракиты заплакал туман.*

*Палачу от царя удовольствие,
Позумент на кафтан и почет.
Он получит за то продовольствие,
Что секирой по шее сечет.*

*За избою река поворотами,
А в избе на полатях палач
Иссуши же его приворотами,
Отомсти, водяная, не плачь!*

*Остеклень от луны,
И овсы холодны.
Замани его в синь тишины.*

*А в избе-то тепло,
Запотело стекло:
На полатях палач Пал Палыч*

*Доедает калач
Под плач
Русалоч.*

* * *

*Ты колдуешь туманом ползучим
В заповедном, дремучем лесу.
Бродит месяц холодный по тучам,
По лугам расстиляет росу.*

В челноке, обомшелом и древнем,

*Я по заводям тинным скользил.
Я тянулся к нависшим деревьям,
Метил путь, пробираясь сквозь ил.*

*А в лесу, точно серые тряпки,
Висли клочья измокшие мхов,
И я шел, наступая на шляпки
Ядовитых белесых грибов.*

*И теперь я потерян в трясиных, —
Нет из чащи болотной пути...
И я слышу: ты криком совиным
Манишь в гиблые топи идти.*

ВЕДОГОНЬ [\[2\]](#)

*Нехороший наш край, гниловатый:
По болотам комар да слепень.
Зарастает, как пухлою ватой.
Белой цвелью березовый пенъ.*

*Подосиновик с тонкой ногою
Да багульная одурь от трав.
Солнце пухнет за вербой нагою,
На закате в калину запов.*

*А зайдет — всё как будто как было:
Та же ель и поленница дров.
Только темень муругой кобылой
Заезжает понуро на двор.*

*А посмотришь — почмокав устами,
Закачался уже, как туман,
Растекаясь внизу под кустами,
Головастый болотный губан.*

*Вот смотри на такое в окошко. –
Вам-то что, а мне с ними тут жить...
Я и сам уже начал немножко
Ведогонью по лесу кружить.*

ТОСКА

ТОСКА

*Это вьюга над камнем лежащим.
Он под снегом, а слышит лежак,
Как мотается в свисте лешачьем
Над забытой поляной лозняк.*

*А потом у холодного мая
Так хороши вечеров изумруд:
Звезды бледную зелень ломают,
Шевельнутся и в листьях замрут.*

*Перед августом ночи как уголь.
Но бесшумные крылья зарниц
Распахнутся, от гнева, с испугу ль,
Как у стаи бессонных жар-птиц.*

*Костяника поддельным рубином
Заалеет в усталой граве.
Хорошо в сентябре паутинам
Пролетать серебром в синеве.*

*А по осени ветер вернется,
Затоскует, помнет облака,*

*Завихрится в небесном колодце...
Заговорное слово кладется
На тоску: «Камень бел у песка,
Под песками змею тоска...»*

До нее не достать – глубока.

РОДИНА

...И взлетает мяч Навзикаи...

Ю.Терапиано

*Мяч взлетает в руках Навзикаи...
О, бездомный Улисс, посмотри,
Как на нежных щеках возникают
Лепестки розоперстой зари.*

*Благосклонны и люди, и боги;
Навевает зефир теплоту.
Так зачем же ты парус убогий
Снова ладись на утлом илоту?*

*Камениста и скудна Итака:
Это скалы уступами вниз...
Но от берега блаженных Феаков
К ней вернется усталый Улисс.*

УТРО НА БРОДВЕЕ

*Как окна темного собора –
Пролеты улиц на восток.
Серееет ночь. Теперь уж скоро.
Но срок потемкам не истек:*

*Еще с досадой и устало,
Желтея, светят фонари;
Ледок, нетоптанный и талый,
Неоном огненным горит.*

*За черным переплетом сада,
Как темный щит, блестит вода.
Висит тяжелою лампадой
Большая тусклая звезда.*

*И на Бродвее наяву,
На краткий миг, я вижу четко
Гранит, чугунную решетку,
Зарю и бледную Неву.*

* * *

*Во тьме зеркала, точно лед под мостом,
И время кукует настойчиво в зале.
Я сам не поверил бы, если б сказали,
Что жизнь – как бессонница в доме пустом.*

*Размеренный маятник, скрип, и за этим
Чуть слышный, но вкрадчивый звон тишины.
Мы путаем долго, пока мы не встретим
Простого решенья, и вот решены*

*Все прежние «дайте», «хочу» и «мне надо».
Не надо. Не будет дано. Это ночь.
Бессонница, время, бегущее прочь,*

И отсвет фонарный из голого сада.

ОТРАЖЕНЬЯ

СИБЕЛИУС

Туонела – страна мертвых.

Калевала

*Сумрачные северные ели
Встали у несчитанных озер.
Девы леса валуны одели
В домотканый моховой ковер.*

*Утром это – свежесть смоляная,
Сладкий запах клевера с полян.
Но колдует вечером, я знаю,
Цепкими волокнами туман.*

*Где-то тут же, рядом, недалеко,
За какой-то тонкою чертой,
Рвется к нам и плачет одиноко
То, что стало памятью простой.*

*Тише! Сядь над каменным обрывом,
Слушай звоны северной струи:
Дунет в елях тягостным порывом
И глаза откроются твои.*

*Жалобой протяжной вырастая,
Из ночных холодных камышей
Выплывет медлительная стая
Туонельских черных лебедей.*

ГОФМАН

*Мы отправимся в гости к патрону
В старомодный его городок.
Где на башнях заснули вороны,
А юстицрат напудрен и строг.*

*Совершенно особого рода
Путешествие в эту страну:
Дать веселому бреду свободу
И пуститься в его глубину.*

*Будет бред в романтическом стиле:
Бой часов будет важен и глух;
Жестяной, на готическом шпиле,
Принатужившись, капнет петух.*

*Неожиданно явят предметы
Совершенно особенный лик.
Но с неважной подробностью этой
Ты, конечно, освоишься вмиг.*

*Мейстер Гофман учтиво смеется:
«Так и знал, что вы будете тут!..»
Он горшки золотит, и уродцы
В них под крышкой стеклянной растут.*

ШЕСТАЯ СИМФОНИЯ

Первый лемур

Кто строил дом такой плохой

Лопатою и ломом?

Хор лемулов

Не беспокойся, гость немой,

Доволен будешь домом!

Гёте. «Фауст», часть вторая

1

*В преддверьи усыпальницы, в пещере, –
Преддверье смерти – сумерки стоят.
Квадратной стерегущей пастью двери
Распахнуты в живой зеленый сад.*

*В саду она. Но ведомо лемурам,
Чьи докатились до предела дни.
И вот исходят, серы и понуры,
Из стен сырых и сумерек они.*

*И станут в круг, и заклинаят хором,
И снова ходят, ищут и зовут.
Глаза их пусты. Руки их не скоры, –
Но неизбывней неразрывных пут.*

2

*«...Кто строил дом такой плохой?..»
Откуда эти строки?
Как отзвук дальний и глухой,
Они твердят о сроке.*

*– Напрасен дней привычный лёт
И золото восходов.
Тебя уже избрал и ждет
Хозяин черных сводов.*

*В моем саду поставлен склеп,
Но сад живет и зелен.
О, как жесток и как нелеп,
О, как конец бесцелен!*

*– По капле жизнь течет твоя,
Как кровь из жил открытых.
Сладка незримая струя
Для наших ртов несытых.*

*Бродя бесцельно, нахожу
Себя перед этой дверью.*

*Я вижу страшную межу,
Но я шагов не мерю.*

*– Но ты идешь к себе домой...
Лемур, не звякай ломом!
Не беспокойся, гость немой,
Доволен будешь домом...*

3

*Закат и осень золотые,
И ветер тоже золотой,
Когда он в заросли густые
Впорхнет, осыпанный листвой.*

*Балкон, и время листопада,
И позабытая скамья.
С моим последним другом, садом,
Сегодня прощаюсь я.*

*Мне клен неспешно машет лапой,
Как будто хочет приласкать.
Ты, боль, по сердцу не царапай:
Сегодня – надо перестать...*

*Ловлю шагов неясных звуки, –
Но ветер ринется ко мне,
Холодным ртом целует руки
И сеет шелест в тишине,*

*Как будто заглушить он хочет,
Заботливый и нежный брат,
Шаги крадущегося ночью,
Как тать, проникшего в мой сад.*

*Но пусть! И я цветком осенним
Склонюсь, бессильная, к земле,
И ночь меня покроет сенью
И растворюсь я в серой мгле.*

*Огни, цветы, круженье
И пестрый хоровод.
Пускай мое мгновенье
Плывет, плывет, плывет!*

*Гирляндами повисли
По залам фонари.
И сердцем я, и мыслью
Твержу себе: «Гори!»*

*За черной маской маска
На празднике скользит.
Но знаю я – развязка
Теперь мне не грозит.*

*Теперь я вся из воли,
Прошел мой темный бред.
Теперь я скрытой боли
Сама кладу запрет.*

*Я вся – борьба и вызов
Следящему за мной...
Зачем вдруг с карнизов
Сорвался ледяной*

*Порыв, и бледны лица,
И гаснут фонари?
Зачем в окно глядится*

Свинцовый лик зари?..

5

*Из черных масок плотен круг:
Они ее с собой ведут.
Нерасторжима цепь их рук,
Необоримо-тяжких пут.*

*Они уходят в темноту.
Как шорох листьев их рассказ:
«Я выпью тела теплоту...»
«Я занавешу окна глаз...»*

*«Я обману и скрою слух...»
«Я обесцвечу розы губ:
Да будет нем, и слеп, и глух,
И хладен так, как должно, труп...»*

*«Но сердце, – сердце только Он
Остановить имеет власть:
Жених, кто тайной окружен,
Пред кем должны лемуры пасть...»*

6

*Пришли. Как пыль легли, забились в щели.
Она одна в неверной полутьме,
Без памяти, без ужаса, без цели.
Как сад, готовый к мертвенной зиме.*

*И только сердце, неустанный сторож,
Тревожит стуком каменную тишь.*

*Увы, ты, Темный Гость, его поборешь.
Ты, сердце, тоже скоро замолчишь.*

*И вот уже за самую спиною,
Как черный исполинский нетопырь,
Как зыбкий плащ, забытый темнотою,
Как паука раздувшийся пузырь...*

*Обнял. И впился. В долгом поцелуе
Душа и смерть. Не надо, не тревожь:
Спусти завесу. Глухо сад бушует.
Светает. В облаках озябших дрожь.*

ЗВЕЗДНАЯ ПТИЦА

** * **

*Розовым по небу полосы.
Хочет сказать про звезду
Ломким стеклянным голосом
Птица в продрогшем саду.*

*Хрупко по мокрому гравию
В воздухе сонном — шаги.
Листья завесами ржавыми
С кленов свисают из мги.*

*Стой! Точно взрывом, рассеяны
Искры играющих брызг:
Это — из дымной расселины —
Золотом плавленным — диск!*

ЧТО БЫЛО С МЕСЯЦЕМ

*Он вышел, с натуги багровый,
С подвязанной косо щекой,
Уселся над лесом, и кровью
Истек, и, блестящий такой.*

*Отравился в путь. А прохлада
Ночная ласкала его.
Но выше ему было надо
Светить золотой головой.*

*Никто не мешал. Успокоен,
Он пристально сверху смотрел,
Как в озере был он удвоен
И в стеклах, холодный, горел.*

*Но в пятом часу застеклянил
Пространное небо рассвет.
Не сдался еще на поляне
Насвеченный месяцем след.*

*Потом рассвело. И, вставая,
Все заняты были своим.
И месяц, ненужный, истаял,
И, белый, сквозил голубым.*

ДЕТСТВО

*Домовитым, ласковым уютом
Сумерки ложились по углам.
Мы тогда назойливым минутам
Не вели отсчета по часам.*

В сумерки немного непохожим.

*Сказочным казался старый дом.
Помнишь, дверь зияла из прихожей
Черным угрожающим пятном?*

*Но, стуча заслонкою тяжелой,
Торопясь завиться в дым седой,
Хохотал в печи огонь веселый,
Потрясая рыжей бородой.*

*Васильком в узорах снежной пыли
Синий Сириус в окне дрожал.
Засыпая, мы за ним следили
Из-под теплых, мягких одеял.*

*И во сне видали райский терем
И звезду любимую свою,
Как она ручным, пушистым зверем
Бегает по горницам в раю.*

*Поздним утром розовое солнце
Белые стеклянные цветы
Осторожно отблеском червонца
Озаряло, – помнишь это ты?*

*И когда уйду в туман жемчужный,
Это всё, – как отсвет золотой, –
Что от жизни длинной и ненужной
Унести хотел бы я с собой.*

ЗВЕЗДНАЯ ПТИЦА

*Кончено. Вызрел и вывезен плод.
Листьев покорен медлительный лет.*

Долго не меркнет багровый закат.

Медленно чахнет заброшенный сад

*Встань под холодным и мокрым стволом.
Встань и помедли и ты перед сном.*

*Дали яснее видны в холода.
Ясно и тихо всё, как никогда.*

*Скоро засветит на небе ночном
Звездная Птица туманным крылом.*

*Звездная Птица опустит свой клюв.
Тонкую шею к земле изогнув.*

*К сердцу и кленам приникнет зараз:
Ясен и короток звездный приказ.*

*Листьям не больно желтеть и слетать.
Кончено. Холодно. Хочется спать.*

* * *

*Ночью по-зимнему небо затлело
Россыпью звездных колючих огней
Инеем хрупким и иссиня-белым
Утро одело траву до корней.*

*Пусть еще мир остается зеленым,
Пусть припекает по-летнему днем;
За ночь одну почервонели клены.
Вспыхнул осинник багровым огнем*

*Я собираю последние розы.
Медлю под вечер в осенних садах.
Желтая проседь в плакучей березе. –*

Это – как снег у тебя на висках.

*Белым по синему стыннут громады
Тяжких, как мрамор, крутых облаков.
– Это уже холодком, не прохладой...
Тише и тише. Теперь ты готов.*

* * *

*Чувствуешь – тело тяжелое
За ноги держит земля?
Встань, запрокинь свою голову
Позднюю ночью в поля.*

*Это поля запредельные,
Звездный волнистый ковыль.
Дальней дорогой расстелена
Тонкая млечная пыль.*

*Давит обузою жадною
Плечи земная душа.
Льется усталость прохладная
Белой рекой из Ковша.*

*Что-то дрожит и колеблется.
Взмыть бы, вздохнуть и взмахнуть...
Крыльями Звездного Лебедя
Смерть распахнула твой путь.*

СТИХИ О ПОЭТЕ

СТИХИ О ПОЭТЕ

*Со зрачками пустыми невидящих глаз,
Растворяясь в потоке предметов,
Он ловил и предметы, и призраки фраз,
Проплывавшие где-то в поэте.*

*Во блаженном рассеяньи боком толкнул
– Без поклона – знакомую даму,
Но запомнил глаза, и пропеллера гул,
И огни пробежавшей рекламы*

*Заглядевшись на облачно-синюю твердь, –
На араба с летящим бурнусом, –
Он едва не обрел себе жалкую смерть
Под трубящим слоном автобуса.*

*В направлении смутном куда-то домой
Изучал на витринах ненужный
Абсолютно ему пылесос и трюмо.
Но забыл запастись себе ужсин.*

*И когда на углу засветился фонарь
Бледной зеленью – газовым светом, –
Он, довольный, сосал прошлогодний сухарь.
Дописав окончанье сонета.*

* * *

*Земля задыхалась. Но капали
В потемки над городом жадным
Падучие буквы реклам.*

*Земля задыхалась. По кабелям, –
И без кабелей, – в выси прохладной*

Бил в уши настойчивый гам.

*Но не было жизни насыщенной,
И острее не натягивал нервов
И не был бешеной бег.*

*Чем в дни до величия хищные.
Чем в еще небывалый и первый,
В мой бьющий безумием век.*

*А ночью торжественным пологом
Текли по бездонному своду
Стихи пламенеющих строф.*

*И только поэты-астрологи
Принимали по звездному коду
Далекий сигнал катастроф.*

1933

*Видали ли вы, как сейсмографы
Ловят землетрясения незаметную дрожь,
Выводя на барабане в безмолвии погребя
Линию пульса – волнистую дорожку?*

*Заводное сердце прибора
Отстукивает стальной такт,
А где-то по скатам горным
Низвергается грузно раскат.*

*Но точней гальванометров одержимый,
В общежитии именуемый: поэт,
Ибо слышит он, как шагами незримыми
Печатает будущее след.*

*Он слышит: из черных глубин Апокалипсиса
Сквозит ледяной электрический ветер.
И поэтово сердце раскаливается
Аудионом радиосети.*

*Внимание! Указатель дрогнул, и вертится
В миллиметровом кружесе барабан.
Регистрирую время: девятьсот тридцать третий.
Отмечаю: близится ураган.*

1933

РЕВОЛЮЦИИ

Шаг вперед – два шага назад.

В.Ленин.

*О, век Маратов и Бастилий.
Знамен и шапок алый мак!
На смену обреченных лилий
Вздымаешь ты свой дерзкий стяг.*

*Идут века. Они уносят
Твои наивные мечты:
Опять, как прежде, хлеба просят
При забастовках те же рты.*

*И снова улицам взмятенным
Грозит багровый отсвет твой:*

*Гротишь двухсотым миллионом
И пентаграммой над Москвой.*

*Но есть бессилье роковое
В делах твоих любимых чад:
Твое решение простое:
Ты – «шаг вперед и два назад».*

*И вот итог твоей работе.
Итог один во все века:
Лавуазье – на эшафоте,
И Гумилев – в тюрьме Чека.*

ЖИЗНЬ

Михаилу Эйшинскому

1

*Она уходит в самом деле быстро:
Считаюсь с тем, что молодость прошла.
Совсем как детство: как-то между прочим.
И передо мной стоит одна лишь юность.
Как день вчерашний, в памяти свежа.*

*Оно понятно: юность – мастерская.
(Увы, кустарная),
Где личности пришлось
Из матерьялов сборных создаваться. –*

*Так лепит дом ручейный червячок:
По замыслу единое заданье.
Но матерьялом – всё, что ни попало.
Что на постройку как-нибудь годится.*

*Печально это: я в другой бы раз
Получше постарался юность сделать.
Дано теперь: мужчина в тридцать пять:
Как будто бы поэт, а прочее
Не столь существенно в моем заданьи.
Мое заданье – отыскать
И описать самонужнейшее.
Существенное, важное в той жизни.
Которая тянулась тридцать пять –
Каких, когда, совсем не важно, – лет*

*Теперь могу: не многое,
Но кое-что могу.
И даже больше: знаю то,
Чего уже никак я не могу.
Ну, вот, хотя бы написать роман:
Такой, как тот, что нравится при чтеньи.
Как справка: ранее казалось,
Что всё сумею: стоит лишь начать.*

*Могу: себя заставить и принудить,
Держать себя в строю командой «смирно»,
Себя в пружину обратить,
В рабочий механизм,
И, стиснув зубы, позабыть,
Что мир есть что-то, кроме напряженья.
И этим я могу
Мне нужного действительно добиться.
Но все-таки и это всё не то,
Не то, что в самом деле важно.*

*Из всех романов нам известно,
Что в них всего важней любовь.
И от любви на полках тесно,
И всё ж по старой теме вновь...*

*О ты, источник виршей длинных,
О ты, романов книжных ось!
Тебя мне отроком невинным,
Любовь, изведать привелось!*

*Нет мест опасней Аризоны:
Тому порукою Майн-Рид.
Но в том повинны не бизоны
И не индейцев мрачный вид.*

*Для нас в двенадцать лет опасно:
Ее похитил Джим-злодей;
Она – Жанетт; она – прекрасна;
А спас – отважный Мак-Ферлей.*

*И это было самым лучшим,
Увы, из бывшего потом.
И вот, стучусь, как сын заблудший,
Я в детство, точно в отчий дом.*

*Никогда так не было зелено
На дворе весной от травы,
И над серым забором расстелено
Столько пламенной синевы.*

Тожже сумерки помню осенние,

*А в канаве рыжела вода, –
И блаженное оцепенение
Оттого, что светит звезда.*

*Вы, конечно, сами припомните:
Если с дачи вернуться домой,
То совсем по-особому в комнате
Пахло после ремонта сосной.*

*И такое простое, обычное
Было ярким, как сон наяву.
Это было как чудо привычное:
Я всё вижу, всё слышу – живу.*

4

*Теперь не то: скользит по глазу,
По уху и по коже мир,
Но не проходит внутрь. Теперь ни разу
Не осеняет этот мир,
С которым ощущал я краски
И звуки голою душой:
Как будто на лице повязка
С тех пор, как вырос я большой...*

*...Я думаю, что я решил задачу:
Я отыскал самонужнейшее,
Существенное, важное для жизни –
И пусть не для других.
А только для себя, поэта:
Жить, чувствовать, что ты живешь,
Не отвлекаясь посторонним:
Жизнью.*

1940

ИСКУПЛЕНИЕ

ШУМ ВОД МНОГИХ

*В эту душную ночь умирали
От бездождья цветы на лугах.
Колыхал распростертые дали,
Полыхая зарницами, Страх.*

*Из людей я один был на страже.
Не окованный мертвенным сном.
Было слышно: молчание вяжет
Паутиною липкою дом.*

*Мне открылось: отчаянья тени
Черным дымом по мраке углов
Мне мешают сойти по ступеням
И расслышать приглушенный зов.*

*Точно кровь, истекали минуты.
В темноте задыхалась земля,
Я откинул отчаянья пути,
Я решился и вышел в поля.*

*На полях, неживых и бесплодных,
Замирая, к земле я прильнул:
Мне ответил глубинный и водный,
Вдалеке нарастающий гул.*

ТРИПТИХ

Вечер

*Закат был кровь. Закат был пламя.
И ветер леденил, как смерть.
Как купол в подожженном храме,
Была пылающая твердь.*

*Но неизбежное свершалось:
Закат покорно истекал.
И обреченная усталость
Гасила тлеющий раскал.*

*И засинели облака,
Ложась тенями убиенных.
И тьмы тяжелая рука
Сдвигала давящие стены.*

Ночь

*Мы, точно травы при дороге,
Бессильно полегли во прах.
Но только б жить!.. И нас, убогих,
Повел вперед звериный страх.*

*Чернела ночь. Ни зги. Ни крова.
Мы оцупью во тьме брели:
Рабы, влачившие оковы
В пыли истоптанной земли.*

*Неправый судия судил
И веселился о мученьях.
А если петел нам гласил, –*

То знаменуя отреченья.

Рассвет

*Еще не свет, но призрак света
Сереет по полям пустым.
И ветер ночи без ответа
Взывая, шевелит кусты.*

*И тишина для спящих духом
Еще, как ночью, глубока.
Но слушай обостренным слухом,
Как на коленях облака,*

*Привстав по краю небосвода,
Друг другу тихо говорят:
«Молите Бога – да сгорят
Достойные в огне восхода...»*

ИСКУПЛЕНИЕ

*Вечером звонили ко всенощной.
Пели колокола хвалу.
Попик старенький, немощный
Служить побрел по селу.*

*Сторож шептал озабоченно:
«Панихидку, отец Игнат,
Отслужить вас просили очень
Каких-то двое солдат.*

*Струсил я виду военного:
Надругаться пришли. Да ничуть:*

*Николая, раба убиенного,
Заказали они помянуть...»*

*Были ризы темно-лиловые.
Полз тихонько шепот старух.
Да от ладана шел елового
Горьковатый смолистый дух.*

*Стояли в церкви заброшенной
Каких-то двое солдат,
Попик голодный, взъерошенный
Кадил возле царских врат.*

*А когда он прибрал Евангелье
И престол пеленой покрыв,
Темный купол два Божьих ангела
Осветили взмахами крыл.*

ПРОМЕТЕЙ

*Титан, мятежный дух, зарница
Того, что знаньем мы зовем...
Не ты ли тот, кого потом
Израиль в страхе звал Денницей?..*

*Был дик и жалок человек:
Он грыз сырые кости жадно,
Следил несмысленно и стадно
Светил необъяснимый бег.*

*Он был как зверь. Но были боги.
Была отрадна жизнь богов.
Олимпа трудные отроги
Скрывала пена облаков.*

*Был Зевс ревнив: воздвиг на страже
Провал, и пропасть, и закон –
Да смертный не помыслит даже,
Что может быть как боги он.*

*Но был огонь похищен с неба
И тайно человеку дан.
На сонмище в день оный не был
Лишь он, нахмуренный титан:*

*«Я свет принес и вам, и многим –
Запретный, мысленный эфир.
Смотрите, как яснее мир:
Отныне будете как боги...»*

*Титан к скале прикован. Тщетно
Пробитой дланью цепи рвет
И мох терзает безответный.
Внизу стогласый Понт ревет*

*И, воздымая мерно руки,
Рыдает хор Океанид.
И ветер множит плача звуки
И солью слез глаза слепит.*

*«О брат, смирись!...» «Мой враг не вечен!»
«Проси пощады!...» «Знаю: срок
Зевесу Мойрою отмечен.
Древней титаны: ведом рок*

*Титанам лучше, чем Кронида...»
Но блеск и грохот. Страшен гнев
Отца богов. Рассвирепев,
Скалу он вержет в тьмы Аида.*

*«Клянусь я Стиксом: коршун Ночи
Уснувший Тартар возмутит,*

*И над тобою заклекочет,
И клюв копьем в твой бок вонзит...*

*Так будь, пока в Аид не снидет
Своею волею другой...»*

.....

*Титан! Ты помнишь, как в Аиде
Он шел пронзенною стопой?*

НЕБЕСНЫЕ

*Когда потемнеет, выходят они.
Сначала увидишь ты только огни,*

*Но после, всмотрясь, очертания тел,
И дланей, и крыл, и нацеленных стрел.*

*В морозную ночь Скорпиона изгиб
Ползет, и как будто бы шорох и скрип*

*Суставчатых ног и сухой чешуи
Расслышат сторожкие уши твои.*

*А в книгах старинных, где желты листы,
Найдешь ты всё тех же Небесных черты:*

*Охотник наотмашь заносит копье,
И гладкая Гидра свернулась и пьет.*

*Их жизнь высока. Как священный обряд,
На запад свой путь совершает их ряд.*

*Не вечны, но длительны. Божьи рабы,
Они отмеряют теченья судьбы.*

*И наш соучастник в грядущих скорбях,
У самого моря в закатных кровях,*

*И ночью их книгу сквозь звездный туман
На острове малом читал Иоанн.*

ПРЕБЫВАЮЩИЙ

1

*Когда гудело и хлестало шквалом,
И озеро, внезапно озверев,
О плоский берег билось в исступленьи,
И голос грома говорил,
Другие дети прятались под лодки:
Не очень страшно, но смотреть
Нехорошо и неприятно.
А он стоял, смотрел на тучи,
Ползущие упорно серым,
Косматым пологом по небу,
И слушал ветер, влажный плеск,
И мерное дыхание грозы,
И Божьей красоте дивился.
Сам был как девушка.
Но в бурю парус
Умел поставить крепкою рукою,
А если парень дюжий,
Задира и буян, его толкал на ловле, —
Смотрел тому в глаза, молчал, —
И уходил задира прочь,*

И, уходя, ворчал: «Сын громов...»

2

*Когда подрос, ходил кИоканану
Иоканан был:«нет». Но где же было «да»?
Железный Рим давил народы,
Топтал, как гроздья виноградарь.
Точилогнева исполнялось кровью.
Закон Единого был старым свитком
В ларце убогой синагоги.
И брат, и Симон, и Андрей
Качали головами «Плохо...»
Иоканан грозил, но не было исхода.
Был мир прекрасен.
Иоканан был страшен — гласом льва,
В пустыне вопиющего. Однажды
В толпе он указал:
«По мне Сей больший: недостоин
Ремня Его сандалий развязать».
И вот пошли с Андреем, и внимали.
Когда ушли, был час десятый, —
Но Симону о всем
Поведали еще в тот самый вечер.*

3

*До встречи было: мир и Бог.
Один из них прекрасен, но ужасен.
Но тайну Бога объяснило слово,
И это Слово стало плотью
И даровало мир свой Иоанну.
Но Кифа-Камень возгорелся*

*Ревнивой, неумелою любовью.
Его светильник колебался ветром,
И стлался по земле, и паки
Перед Учителем сиял.
А Иоанн светился ровным светом.
Которому у нас подобий нет.
И Кифа ревновал. Сказал Учитель:
«Что в том тебе? Пусть он пребудет.
А ты ко Мне иди». И было так.*

4

*И вот прошли десятилетия;
Предания, как плевелы, росли.
Но вот свидетель верный пребывает:
Он истину о Слове возвестит.
И он нашел слова. И с неба
Не гром ли подсказал ему
Начальное: «В начале было Слово...»
И кто на Патмосе, пребывши с нами,
В грозе и буре слышал гласы
И ангела, который клялся,
Что времени не будет боле,
И нас, безумных, остерег, да слышим?*

5

Для нас, невоскрешенных, страшен
Уход во тьму, дыханье тленья.
И разрывает сердце скорбь,
Когда любимых полагаем в саван.
И тоже Иоанном звали
Того, кто здесь оплакал с нами

Ушедших в страшные врата
И скорбь одел в рыданья панихиды.
И не был ли Пребывший с Дамаскином?
А в наши дни, когда мы ожидаем
Суда за нами совершенное всем миром,
То разве Пребывающий оставит,
Безумных, нас и гласа не подаст?

СВЕТЛОЯР

Б. А. Филиппову

*Оно затоптано, место.
А место это – душа:
Идут и идут без присеста.
Шагами понуро шурша.*

*Душа – проходная дорога:
Крапива и пыльный бурьян, –
Идет и уводит из лога
В благое молчанье полян.*

*Там к древним и черным елям
Приникни больной головой.
Моли их о смысле, о цели,
Об отчей руке над тобой.*

*Молчат. Но на дымном рассвете
Над озером зыблется пар.
И вдруг ты расслышишь –ответил*

Тебе из глубин Светлояр.

* * *

Вы – соль земли.

Матфея 5.13

*Соленый вкус у слез и крови.
Присевши у чужих ступеней.
Вы горестно подъяли брови,
Как бы в застывшем изумлены.*

*Но радуйтесь! На искупленье
Остались считанные годы.
Уже вот ангелы народов
Ведут молву про истребление.*

*– А если соль не осолится,
Бросают вон, в огонь и воду...
Слезам и крови надо литься:
То соль земли. Завет свободы.*

* * *

...Уже и секира при корне дерев лежит...

Луки 3.9

*Усталый человек присел
На круглом одноногом стуле
И что-то ест. И синь, и бел
Бездушный, ровный свет. В кастрюле*

*Уныло булькает еда
Для всех таких, как он, усталых.
Он съест, заплатит и тогда
Уйдет и станет небывалым.*

*Он, может быть, пойдет домой,
А может быть, пойдет зарежет
С такой же самой пустотой
В глазах прокуренных, несвежих.*

*Пойдем за ним. Умножась, он
Течет по улице, безликий.
Мигает огненный неон.
Бросая радостные блики.*

*И ты прочтешь звериный страх
В пустых зрачках чужого мира.
При корне древа в теплый прах
Уже положена секира.*

ТРАВА

*Было место болотное пусто;
Понастроили тесно и густо,
Позабыли за блеском витрин
Про холодные корни травин.*

*Высоки освещенные окна,
А трава-то пускает волокна,
Под железом мостов шелестит,
Серо-сизые бритвы растут.*

*Точно шкура остистая зверя,
Ни годов, ни столетий не мера,
Облегла, притаилась и ждет:
Знает, время когда-то придет.*

*А трава-то, она ведь травища.
А жилье-то людское ей – в пищу.
Из каких еще надо вам уст:
Се, останется дом сей вам пуст?*

** * **

Все святые говорили по-русски

Н.В. Гоголь. «Женитьба»

И острый галльский смысл,

И сумрачный германский гений.

А. Блок. «Скифы»

*В Тригорском ветренник великий
Писал стихи – ронял страницы,
Не мудрствуя лукаво, – а теперь
Мы рады, если по складам
Читаем тайну этой легкой мысли.*

*Я в Лувре был. Гиганты Возрожденья
Михайло Ангел и львокрепкий бородач из Винчи
Творили красками и углем чудо:
На плоском углубляли мир,
Лепили тело в воздухе пространном.
Но было пусто и прекрасно в этом мире.
А паренек кудрявый, остроглазый
Загнул такой звериной, человеческой мукой
Вспотевшим бурлакам больные шеи.
А воздух – воздух был ему не нужен.*

*А как забыть Смирнова: на эстраду
Димитрий Алексеич выходил.
Совсем не романтичный, располневший.
Приятно улыбался, шурил по-котевьи глазки
И серебром чеканным рассыпался.
Но только в серебре фиоритуры
Взаправду Фауст бесталанный умирал
И за твое хватался сердце, умирая.*

*И много их, простых и немудрящих,
Поющих и глаголющих, взывая,
Имели и имеют Божий дар:
Единым словом всколыхнуть глубины
И человека в человеке разбудить.*

*Увы, не могут этого вершить
Ни острый галльский смысл.
Ни сумрачный германский гений.
И понял я:*

*Как в раковине на побережье
Гудит глубинным шумом океан,
Так в них, простых и глиняных сосудах,
Звучит душа великого народа,
Которого взыскал Господь
И мукой, и прозреньем искупленья.*

О ВСЕХ СВЯТЫХ, НА РУСИ ПРОСИЯВШИХ

А иное упало на добрую землю...

Луки 8.8

*Вот и было видение в тонце сне
К истощению времени, грешному, мне.*

*Я был как бы сугубый, двойной естеством:
Каждодневный один, и другой – невесом.*

*Но, как эхо, из дальних скитов и могил
Он настойчиво верой отцов говорил.*

*Над землю болотной кромешная тьма
Налегла, укрепляясь собою сама.*

*Но еще и еще, точно пламя свечи,
Там и сям возгорались сиянья в ночи.*

*И, приблизясь, узрел я, что мерзость и тля,
Под ногами святых простиралась земля.*

*Смрады тленья она источала и хлад,
И гнездилися в ней жабень и всяческий гад.*

*Но святые светились, не видя меня,
Точно воск, зажелтев от лица огня.*

*Точно воинством ратным из зерен взошли
И стояли на страже гиблой земли.*

*И в виденьи открылось, что молится рать,
Чтобы этой земле – просиять.*

О ПОТОНУВШЕЙ МЕДВЕДИЦЕ

НАЧАЛО

И Большая Медведица выла ночами...

П. Иртель

*С холодных стран, с Карелии, от Колы,
В промерзших елях голосит норд-ост.*

*Темно. Под звездным Северным Престолом
По небу перекинут Млечный Мост.*

*И я в себя вбираю жуть просторов.
И путь в снегах, и древний запах хвой.
От Чуди белой до земли поморов
Ты слышишь ли ночной гудящий вой?*

*И стынут пальцы в теплых рукавицах,
И холодом проходит по спине.
И пращуров обветренные лица
Со мной идут – невидимо – во мне.*

*Когда в мятьель предсмертная усталость
Клонила пращуров моих ко сну,
Медведица большая, им казалось,
Над лесом воем будит тишину.*

*Не заходя, алмазной колесницей
Семь звезд плывут, – как северным гербом.
Века здесь шли кровавой вереницей.
А кровь роднит. Не забывай о том.*

ПРЕДКИ

*Малые черные люди
Жили в пещерах. Сильней
Кожу их, чуяли, студит
Ветер с Полночных Огней.*

*Прямо в закатное море
С шумом бежала река.
Люди со страхом и горем
Видели: издалека,*

*Чаще и чаще разливы,
Дико стремилась вода,
Переливаясь бурливо,
Глыбы зеленого льда.*

*Малые черные люди
Помнят их первый приход:
Скрежет, как острою грудью
Челн продирался сквозь лед.*

*Враг ли неведомый, друг ли?
Вышли из дымных пещер...
Запад горел, точно угли.
Север, как камень, был сер.*

*Были обветрены лица
Белых высоких людей
В шкурах полярной лисицы,
Зверя Холодных Полей.*

*Молча смотрели на дали
Зеленоватые вод.
В страшных глазах увидали
Черные северный лед.*

СЕВЕР

*Лижет базальты волна:
Скудная, жесткая пища.
Мокнет годами гнилого челна
Черное, хрупкое днище.*

*Так, как при викингах. Тут
Нечего ждать перемены:
Хмурые сосны по скалам растут,*

Светится в сумерках пена.

*Только холодная сталь
Серых равнин океана.
Только клубится ненастная даль,
Родина зябких туманов.*

*Изредка гонят их прочь
Жгучие струи норд-оста:
Пламенем бледным вздымается в ночь
Смерть с Ледяного Погоста.*

ВЕЧЕР

*Все было просто: сосны и брусника
С фарфором пыльным ягоды сырой.
Покорно в серых паутинах никло
Еловой лапы жесткое ребро.*

*И надо всем – неторопливый шорох,
Всю жизнь потом нам слышный шепот хвой.
Смолистый, скользкий и сухой, как порох,
Ковер иголок под твоей ногой.*

*В закате солнце медленно сгорало.
Был вечер тих, по-северному прост, —
И в куполе вечернего опала
Всё те же семь привычных с детства звезд*

БЕГСТВО

*По лесным низам захолодело,
По болотам задымилось белым,*

От корней свежей запахло мхом

*И в последнем солнце по овражным склонам
Папоротник вспыхнул пламенем зеленым
В буреломе хрупком, сером и сухом.*

*По траве, еще никем не мятой,
По опушкам с клевером и мятой
Догонял нас призрак голосов.*

*Мы не замечали ни грибной прохлады,
Ни привычной с детства бороной отрады,
Тишины заказной северных лесов*

*Мы бежали – гибель нас искала,
Торопилась, путь пересекала,
Реяла вечернею совой,*

*И за нами солнце низкое бежало,
По лесным верхушкам плыло и ныряло,
Продираясь в чащах красной головой.*

ЖАЛО

*Весь день звенят ленивыми альтами
В долинах свежих погремки коров.
Уютно пахнет молоком, хлевами,
Дымками буковых тяжелых дров.*

*Здесь в городках всё каменно и чисто,
И крепок их порядок вековой:
Неодобрительно на век неистовств
Здесь бюргеры качают головой.*

Я, путник, проходил по их тропинкам.

*Ел гостем хлеб их. Слышал их «Gruss Gott».
Подслушивал смущенное, с заминкой:
– «Чужой? Ну, что ж? Ведь скоро он уйдет...»*

*Я шел на юг. Всё круче были склоны.
И в первый раз я, северный изгой,
Увидел полный облик Скорпиона
И жало, вознесенное дугой.*

БАРИ

*В декабре Адриатика хмура:
Мутной зеленью ходит волна
И на берег, скалистый и бурый,
Лепит камни морские со дна.*

*Пальмам холодно. Как жестяные,
Порыжели концы опахал.
Всё под серое: камни стенные,
И оливы, и старый портал.*

*В этом гужом, забытом соборе
Он почиет в литом серебре.
Но когда в ненадежное море
Ветхий парус идет в декабре,*

*То Джованни, Джузеппе за молотом
Шепчут все-таки несколько слов:
Бережет византийский Никола
Черномазых чужих рыбаков.*

ПРИБРЕЖЬЯ

*Пустыня, плоская, как блюдо,
И небо пыльной синевы.
Как шкура с падали верблюда,
Песок и нежины травы.*

*Здесь каждый день одно и то же:
Встает струящейся стеной
Слепит глаза и жжет по коже,
Как из печи, упорный зной.*

*И море не дает пролады:
Напрасно в поисках за ней,
Как спины допотопных гадов,
В лиловой чешуе камней.*

*Здесь мысы врезались в сверканья
Сафирно-пламенной воды.
Нет жизни. Ветер на бархане
Метет случайные следы.*

МОРЕ

*Корабль взбирается упруго,
Нырять: кажется – киты
Под киль неспешно друг за другом
Кидают скользкие хребты.*

*Под затуманенной луною,
Доколе видит глаз, бугры
Лоснятся сизой пеленою
В однообразии игры:*

*Нырок дельфиний, снова выгиб —
И встанет стекловидный холм.
Бегут ожившие ковриги*

Однообразных тусклых волн.

*А там, на дымном небосклоне,
Огромен, бледен и разъят,
Большой Медведицы квадрат
На севере, как призрак, тонет.*

ЗЕМЛЯ

Как толченный кирпич – эта красная глина,
И колются космы травы.
Как до кости, до камня промыты в долины
Пересохшие дикие рвы.

А взберешься и выйдешь: замаячат укропами
Дерева по пыльной степи.
Позабыта веками, позабыта потопами,
Ты, недвижимая, сонная, спи!..

Мы по самым паучьим местам проходили,
Мы устали по зною кружить.
Побуревшие травы и солнце над пылью:
Вот земля, на которой – дожить.

По равнине уставленной деревьями тошными,
Я который уж день бреду.
И птицы не наши голосами истошными
Точно с радостью кличут беду.

ЭВКАЛИПТЫ

*В эвкалиптах бежит, исчезает, как сетка,
По опавшей листве незаметная тень.*

*Эвкалипты: как будто посохли их ветки.
Не шумят, а шуршат. Колыхнуться им лень.*

*Эвкалипты растут без конца по отрогам,
По безводным холмам: не нужна им вода.
Как от судорог ствол их свело. Как из рога
Древесина стволов, тяжела и тверда.*

*Этот серо-зеленый покров – эвкалипты
Это – шкуры змеиные слезшей коры.
И вот так без конца. И ты знаешь: погиб ты
Здесь в краю эвкалиптов и тусклой жары.*

ПАМЯТЬ

*Мне припомнилось – узкою тропкою,
Меж ольхами, ложбиною топкою
Приходил я из леса домой.
Пальцы, жмите глаза. Вы картину обрамите,
Соберете обрывки измученной памяти:
Их не много осталось со мной.*

*Так, как будто вчера. Теплым клевером
И смолою, как солнечным севером,
Пахнет в памяти это вчера.
Я иду по меже и рукою по колосу
Провожу, точно глажу пушистые волосы.
Как белеет березы кора!*

*Заплелась плауном с паутиною,
Закустилась колючей малиною,
Заросла подорожным листом
Эта тропка сквозь сумрак ольшаника —
Через проблески памяти раненой —*

В опустелый, заброшенный дом.

TIMELESS LAND [3].

*Над плоским, пересохишим континентом.
От моря и до моря темнота.
Журчат сверчки. Серебряною лентой,
Волокнами туманного жгута,*

*Течет недвижно Звездная Дорога.
Но беспокойно ожидает юг:
Там далеко во льдах дугой пологой
Воспламеняется полярный круг*

*И светит медным пламенем досюда,
Как дикого становища костер.
Журчат сверчки. В сухих бурьянах груды
Из ветренного камня. С древних пор.*

ПОД ЧУЖИМ НЕБОМ

*Корабль Арго идет под парусами.
Его Канопус – кормовой фонарь,
И светит под чужими небесами
Он странникам, как аргонавтам встарь.*

*Но Скорпион, блестя спиной тугою,
Свивает кольчатую чешую.
И жало, вознесенное дугою,
Вонзается в тоску твою.*

КОНЕЦ

Да над судьбою роковою

Звездные ночи горят.

А. Блок. «Роза и крест»

*В древнее черное лоно,
Лоно судьбы роковой,
Звездный размах Ориона
Падает вниз головой*

*Берег родной и желанный,
Видишь, растаял в мечту.
Вот – Облака Магеллана
Вечно летят в пустоту.*

*«Путь твой грядущий – скитанье...»
Слушай, не всё ли равно,
Где и в каком океане
Судну тонуть суждено?..*

ГОЛОСА

Вторая книга стихов

(Франкфурт-на-Майне, 1961)

*И в бесконечном отдаленьи
Замрут печально голоса...
А. Блок*

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Женевьеве де-Шеллис

*Уже все знали: не выжить,
Но еще по привычке спасались
Вшительнях глинисто-рыжих,
Глубоко под землей. Но анализ*

*Дал результат: «смертельно»,
И все побрели под звезды.
Только я остался бесцельно
Бродить по ходам промозглым.*

*Еще электричество было,
И вдруг я увидел, что стены
Кипят муравьиною силой:
Из трещин выходят, как пена.*

*Я понял – конец. И скоро.
И надо к людям, наверх мне.
И странно – в пустых коридорах
Заблудиться боялся я, смертник.*

*Наверху были сумерки. Тучи
Были сизо-свинцовы и вески,
И по ним свеченьем бегучим
Возникали белесые блески.*

*Бородатый священник устало
Спускался к дощатым баракам.
Я пытался сказать ему: «Стало
Совсем как в Писании – мраком...»*

*«Апокалипсис...Да...» Он не кончил
И ушел понуро на потребу.
Ощутимо тоньше и тоньше
Становилось время, а с неба,*

*Расплываясь, слабо, но внятно,
Точно в погребке пухлые цвели,
На свинцовом белесые пятна
Ядовитого света серели.*

ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ

*Очень черные глыбы и клубы
Вспухших сажеею облаков.
Тихо. Ночь наступила игубы
Сжала плотно на много веков.*

*В небе диск воспаленный и красный –
То, что раньше называлось луной,
Роет путь в облаках и гаснет,*

Кроет кровь на лице пеленой.

*Снова выйдет и светит неверно
Вниз, на камни, обломки и рвы,
Мертвый город в черных кавернах –
Тех, что выел последний взрыв.*

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

*Он начался, как все предыдущие,
Обычной спешкой: поскорее, бегом...
И день-то был тоже, в сущности,
Обычайшим вторником или четвергом.*

*Там, где была весна, было пасмурно,
И пахло почками тополей.
И не думал никто, что насморки
Были последними на земле.*

*Правда, собаки выли перед этим
И поэты писали стихи.
Но кудлатым псам и кудлатым поэтам
Не было кредита в оценке стихий.*

*И вдруг, внезапно, около одиннадцати.
Всё перестало существовать:
Ничего и пусто. А души вынутые
Зеленели слабо в пустоте естества.*

*То была благостность Промысла,
Чтобы не мучить ожиданием конца:
Электронны, планеты и всё прочее бросила
И в миг растворила под ногами жильца.*

И когда всё было разрушено

*И, как путь, зазмеился замирный дым,
То пошли по пути зеленые душеньки
Вверх и вниз, по делам своим.*

ОГОНЬ

Ивану Елагину

*Был мир как обшлаг брандмейстера:
Красное с золотом пополам
На фоне кромеишной тьмы,
Склеенный лавовым клейстером
Из огненных орифламм.
А мы
На совсем минеральной ступени
Предавались космической лени.
Даже ангелы были растенья.
Но, архангелом мучим,
Орал минерал
И карабкался к огненным кручам.
Это – первый зон. А в хвосте – еще шестеро.
Был мир как мечта брандмейстера.*

*Всё пошло хорошо: наслоялись грузно периоды;
Поглядишь: тилозавра выудит
Из морей какой-нибудь бронтозавр.
А не то – с гиппогрифом выедет
Неподкованный ражий кентавр.
Но потом появился некий,
Имеющий узкий лоб.
Расплодился в щелях, как клоп, –
Съедобный, – от смерти отнекивался
И портил хороший космос:
Сначала в горилловых космах,
Потом – без штанов, но в тогах,*

*Потом – в штанах, но без тог.
Таща себе на подмогу
Всё, что зацапать мог.
И вот, без особого плана,
Уверяя, что сам с усам,
Трефовой мастью аэропланов
Козыряет по небесам.
Но, с мудростью агнца и кротостью змия,
Не видит, что всё это – зря,
Тонкой и пламенной стихии,
Из которой создан, не зря.
– Оттого, что текут зоны,
Для нас неслышно звеня,
И, как было во время оно,
Притекут пред Лице Огня.*

* * *

Марине Красенской

*Вечерами, ночами, в затишьи,
И в молчаньи, – когда я один.
Утомленной душою я слышу
Отдаленный призыв из глубин.*

*Это тот, кто не ведает смерти.
Отряхает рожденья покров
И в душе потревоженной чертит
Отраженья несознанных слов.*

*И в предчувствии вечной свободы
От земной и бескрылой души*

*Слышу: бурные, мощные воды
Из глубин набегают в тиши.*

* * *

Далеко, в глубине – «погибаю...»
Нагибаюсь я слышу – во мне.
Но завесами – мгла голубая,
И не видно мне – кто в глубине.

«Срок приходит, и времени мало...
Торопись: надвигается ночь...»
Но не знаю я – кто там в провалах,
И не в силах я, слабый, помочь.

Только чувствую: близкий и нужный.
Только знаю, что скоро замрет.
И опять из туманов жемчужных
Обреченный на гибель зовет.

– Кто ты, голос настойчивый? Где ты?
– Кто ты, житель моей темноты?
Только эхо. Ни звука ответа.
Только эхо, придушенно: «Ты».

К ПОРТРЕТУ БЛОКА

Но зловецкий восходит угар

К небесам. К высоте. К чистоте.

А. Блок

*Серафиму дано было бремя:
Искушиться в земном житии,
Позабыть на короткое время
Белоперые крылья свои.*

*Но телесные пути опасны:
Душной кровью туманится дух,
И над плотью, желанной и страстной,
Снег колеблет свой синий воздух.*

*Он такой же – взгляни – на портрете:
Светел лоб и греховны уста.
Мы читаем: боренье в поэте,
Плоть-угар и душа-чистота.*

*А стихи, – позабытые крылья, –
Не умеют набрать высоты.
И ты видишь: напрасны усилья
Воспарить от земной маяты.*

ЧАЙКОВСКИЙ

1

*Белая царевна в саркофаге,
Черная и спящая душа.
Добрые и солнечные маги
К ним пока на помощь не спешат.*

*В бархатных распластанных воскрыльях,
Граурная бабочка души,
Вздрагивай в томительных усильях,*

Но проснуться лучше не спеши:

*Падают сиреневые хлопья
Театральной борной кислоты.
Злая отравительница опий
Смешивает с синью темноты.*

*Холодно в синеющих просторах
Музыки, мятели и зимы.
Бейся на настойчивых повторях,
Бабочках таинственная тьмы!*

*– Память навсегда запечатлела:
Спящую царевну на снегу,
Балерины бьющееся тело
И тоску движенья: «не могу».*

2

*В настоящем времени, не тут,
Растут несуществующие рожи.
Там нам подобные живут.
Они стремительней и проще.*

*Сойдутся девы в хороводный круг
И горестно, в смятении великом,
Мольбы с заламываньем рук
Возносят Каменному Лику.*

*Но имя лику – Рок. И он горой
Вздымается над мерным плачем тристе.
И непокорен лишь герой,
Нагой и в мускулах бугристых.*

Он пальцами вбивается в гранит,

*Ломает ногти, напрягает спину:
Повержен идол, и гудит
Внизу падения лавина.*

*По лаврам розами горит венок:
Он в лоб герою тернии вонзает.
И это снова – новый рок.
Но этого герой не знает.*

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Арсению Ивановскому

*В сине-черном сначала – ни зги.
А потом колыхнется прилив,
И прибоя белесый изгиб,
И течений подводных извив.*

*И оттуда большой и крылатый
Негодует на пути и рвет
Их с себя, но расплата –
Это камень на грудь, это – гнет.*

*И гнетут облака точно плиты,
Слой за слоем ложатся и душат,
И с волнами свинцовыми слиты
Небеса и чуть видная суша.*

*Нов потемках свобода – как молния,
И – разгневанным громом в ответ.
А глаза вдохновенья исполнены.
Оттого что страдания – нет.*

*Это – крылья огромные скованы...
Это – рвутся они из-под бремени...*

*Я крутил конденсаторы времени
И случайно попал на Бетховена.*

* * *

*Тонкие ветки, серебряный иней.
Свет неземной, заколдованный, синий.
Жемчуг, сапфиры и бледный опал
Светят в парче снеговых покрывал.*

*Полной луной зачарованы ивы.
Видно далеко-далеко с обрыва
Черные тени на синем снегу,
Празелень льда на речном берегу.*

*Добела кем-то в выси накаленная,
Выше и выше, в пространства бездонные,
В сизую глубь уплывает луна.
Слышно, как светом поет тишина.*

ШЕСТВИЕ ГРОЗЫ

*Рот земли пересох,
Стал рассыпчатым мох,
И стеклянное марево зноя
Нависало завесой сквозною.*

*Над овсом молодым
Засинело, как дым.
Поседело у солнца косматого,
Побледнела жара виновато.*

И раскрыла глаза

*Голубая гроза:
Как взмахнет, как блеснет, да как ахнет,
Как их тучи каленым запахнет!*

*И, сорвавшись, как конь,
В обомлевшую сонь,
Закрутил и помчался клубами
Дикий ветер далекими ржамми.*

*Преклонилась трава
И шептала слова,
А над ней, как чугуи, и свинцово
Набухало прорваться готовым.*

* * *

*Позабудь про людей, про их лица,
Чтобы видеть единственный Лик:
Капля с морем, – ты можешь с ним слиться,
И увидишь: ты тоже велик.*

*Уходи, и иди, и исчезни
За крутыми излобьями гор.
На тебя Седокосмое в бездне
Устремит испытующий взор:*

*Из-под сизых, насупленных – серным
Ослепительно взглянет излом.
И, как зверь черно-бурый, пещерный,
Прорычит потревоженный гром.*

*Ты увидишь на глинистых скатах,
Остановленный быстрой рекой,
Многоцветные славы закатов
И ночной синезвездный покой.*

*Ежедневное чудо восхода
Для тебя одного совершат,
Чтобы знал ты, что синему своду
И светилам ты – названный брат.*

.....

*Ранним утром туманы застелются,
И, взглянув на седые поля,
Ты услышишь, как грузно шевелится,
Просыпаясь, земля.*

* * *

*Игрушкой хрупкой счастье наше
В хрустальном ящичке живет.
Но черный ветер в окна машет
И ночью плачет и зовет.*

*Тогда грядущую потерю
Определяет сердцу рок,
Но сердце бьется и не верит,
Пока не наступает срок.*

*Ведь ты случайно сам забудешь
Плотнее притворить окно,
И ты нечаянно разбудишь
Слепых причин глухое дно.*

*И слишком тонкой нитью свяжешь
Ты створки ставень за окном.
А нить того, что будет, та же,
Тонка и связана узлом.*

*И он ворвется, ветер колкий,
И хлопнет рамой, дернет нить...
Игрушки хрупкой нет. Осколков
Не собирай: не починить.*

ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ О ПОЭТЕ»

*Воды холодного света
С силою бьют с вышины.
Льется в мансарду поэта
Синяя зелень луны.*

*Вот уж ты больше не юный.
Вот отлюбил и затих.
Холодом осени лунной
Светит оброненный стих.*

*День или год понемногу
Канут, пройдут, – не вернуть...
Длинной, пустынной дорогой
Виден твой пройденный путь.*

*Сон о чужом человеке –
Прошлое. Это не ты.
Что растерял, то навеки
В лунных полях пустоты.*

*Это – безжалостность света
Полной осенней луны
Льдом, засветившимся где-то,
Льется в окно с вышины.*

*Я видел странный сон: в пещере,
В зеленоватом сумраке, цвели
Седого инея изогнутые перья
И ледяные хрустали.*

*Как свет луны молочно-синий,
Как зелень бледная морских глубин,
Холодной музыкой огней в аквамарине
Струились переливы льдин.*

*И в тишине из подземелий
Оранжевым и острым языком
Вздыхался и плясал, как в бешеном весельи,
Немого пламени излом.*

* * *

*Я заблудился в запредельных странах,
И мной, безвольным, овладели сны.
И я увидел в прорванных туманах
Пустую даль безрадостной страны.*

*С безжизненным отливом тусклой стали
Катила воды мертвая река.
Скупые слезы медленно роняли
Усталые седые облака.*

*Я знал, что солнце никогда не брызнет
Над спинами нагих и плоских скал.
И понял я: твоей бесцельной жизни
Течение в пространствах я видал.*

* * *

Я видал удивительный край –
Оглушительно-радужный рай:

Водопады и пропасти, алый туман.
Переливы торжественных фата-морган.

Как комет бирюзовых хвосты.
Перекинуты были мосты,

И по ним, как по звонкому синему льду.
Я, мерцая, скользил со звезды на звезду.

От сверкающих радостных дуг
Возникал ослепительный звук.

Каждый цвет волновался, струился и пел,
Каждый звук был подобием огненных тел.

И текли, и журчали года,
Как в реке незаметно вода.

Эту смесь алкалоидов я изобрел.
Это был только шприца короткий укол.

УСТАЛОСТЬ

*В подземной железной завелся вампир,
Ухмылялся в небритую бороду:
– Ну, и если когда пропадет пассажир,
Так и кто их считал там по городу?..*

*Средь подобных себе был в повадках новатором:
Не боялся толпы, залезал под вагон,
Чтобы скрыть, кто такой, вентилял в стрекотаторе
И железным визжал, набирая разгон.*

*Раз завелся, то, значит, так просто не выживешь:
Это он, нагружаясь на плечи, как кладь,
На стене оставляет разводами рыжими
Уговоры о том, как смертельно устать.*

*Подколесная тень, кувырком, схожий с крысой сам,
За тобой он – под ноги, вдогонку, в пыли...
Ты, усталый, приходишь домой. Но ты высосан,
Как и прочие – те, что его завели.*

ВРЕМЕНА ГОДА

*

*Апрель гудит охрипшим басом,
Аккомпанируя себе
На водосточной, час за часом.
Звенящей жалобно трубе.*

*Зернистый снег гниет за домом,
Питая лужу у крыльца.
Но непреложная истома
В свистках влюбленного скворца.*

*И скоро будет шум зеленый
И буйной вишни молоко:
Увы, обман определенный,
Что жить приятно и легко.*

*

*Сначала грубые куски
В изломах тускло-сизы.
Но пламя лижет им виски
И под котлом их дразнит снизу.*

*И вот, сверкает, рождено,
И радугой играет в зное
Из мира черного окно,
Великолепно-смоляное.*

*Газетчику захватит аль
Всемирно-едким нафталином:
Се, улиц летних царь, асфальт,
Стекает тягостно и длинно.*

*

*Был ветер пес. А осень-мясничиха
Дорезала и клены, и закат.
Подвыв, кидался ветер лихо
С полей наскоком в гиблый сад.*

*Свисали с сучьев красные лохмотья,
И сизым мясом блекли облака.
Сцедила кровь: конец работе.
А псу бы лужи долакать.*

*Листве догнить. Сметет тупая сила
Ее в промозглый, плесневый подвал.
Ушла. И лампу погасила.
А ветер сучья оглодал.*

*

*В отчаяньи холодными руками
Рвет ветер волоса земли – леса.
А из-под туч, тяжелых, точно камень,
Как плач, гнутят вороньи голоса.*

*Был снег как снег. Но, оттепель устроив,
Ни удержу не зная, ни границ,
Зима перестаралась вдвое, втрое
И, захлебнувшись, пала ниц.*

*Течет дорога жидкой сукровицей.
И на подстилке прошлогодних трав,
Бельем остатки снега разметав,
Валяется зима-самоубийца.*

КОРОЛЬ

*Черный и головастый, в короне кургузой,
Самый высокий из всех фигур,
Он блистал лакированным пузом
Средь коней плясовитых и грузных тур.*

*Тон его сначала был гордый:
«Два шага в сторону! Шаг вперед!
Позицию в центре держите твердо!
Пешка гибнет, и другая берет!»*

*На доске возникает напряжение,
Фигуры источают линии сил.
Гибкая сеть защит и нападений
Паутиной на ветру висит.*

*Но зазвучала тревожная нота
И превращается в трубный вой:
Квадраты доски – как пчелиные соты,*

Куда ворвался враждебный рой.

*Кособоко, двумя прыжками
Хитрый конь
Объявляет шах.
Удары косо и прямо;
За смертную грань задев,
Король хочет в сторону. Ах!
По линии f
Анфиладный огонь!*

*Издалёка напрасна на выручку спешка.
«Милая королева! Помогите же, наконец!»
Ох, больно бодается рогатая пешка...
Плебейской рукой – королевский венец.*

НАБРОСКИ

1

ОБРЕЧЕННАЯ

*Замигала, проснулась звезда изумрудная
В темно-синем квадрате стекла.
Вы сейчас услышали: как смерть, непробудная,
Тишина по углам залегла.*

*В этот час возникает над черными крышами
Желто-красной луны полукруг,
Паутину плетет меж ветвями нависшими
И таится в листве, как паук.*

*Непонятной, таинственной, тонкой отравой
Осторожно звенит тишина.*

*Вы боитесь уснуть оттого, что кровавая
Над садами свисает луна.*

2

Апрель

*Ты рождена под светлым знаком Девы,
Под серебристо-белою звездой:
Под ковшиком Медведицы, налево,
Ее находят раннею весной,*

*Когда хрустит хрустально-чистым звоном
На талых лужах тоненький ледок,
Когда так нежен свет луны бессонной
И молодой весенний холодок.*

*Тебя не знаю. Образ твой далекий
В моей душе с такою ночью слит,
И лунный свет, и отзвук одинокий
Моих шагов по камню стертых плит.*

3

Два голоса

*Я люблю тебя, чужестранец,
За озера холодные глаз
И за то, что бешеный танец.
Я в их глубинах видала не раз.*

– Быстроводны холодные реки

*В моей родной стороне,
И, должно быть, осталась навеки
Эта дикая воля во мне?*

*Волоса, твои мягки и тонки,
Но ты мягче своих волос.
Ты похож на большого ребенка
В плену моих черных кос.*

*– И пахучи, и тонки травы
В моем дремучем краю,
И, должно быть, они отравой
Напоили душу мою.*

*Но душа твоя, о любимый,
Непонятна, темна и страшна:
Точно туча, висит недвижимо
Над моею душою она.*

*– Тех, кто в скорбные годы заката
В обреченной земле рождены,
Всё равно не поймешь никогда ты,
Ты, дитя счастливой страны!*

4

Луна

*Ее одежды из тумана
И запредельной синевы,
И ночь течет за тонким станом.
И бледен свет вокруг главы.*

*Ее глаза полузакрыты:
Она извечно в полусне.*

*Планетной вязью перевиты
Ее шаги по глубине.*

*Неуловимо-тонкой тканью
Ее окутал звездный свет.
Она скользит по самой грани
Того, что – есть, того, что — нет.*

*И ей оттуда лучше видно,
Как нити жизнью сплетены.
И вот, – молить ее не стыдно
О том, чтоб цепкий свет луны*

*Завил и сплел две нити вместе
В каких-то глубях бытия
И к нам пришел с чуть слышной вестью,
Что эта нити – ты и я.*

5

Глаза

*В альпийских глетчерах пещеры
Сквозят глубоким синим льдом,
И камень древний, камень серый
Для льдов воздвиг свой строгий дом.*

*По камню горные потоки
Стремят взволнованный сафир,
Как бы разбитый гневным роком
Небес лазоревый потир.*

*И я люблю, когда во гневе
Глубоким льдом блеснет твой взор,
Как небо в грозовом запеве,*

Как рябь встревоженных озер.

*И я люблю – подобны льдине –
Твои бездонные глаза,
Когда сквозь лед сияньем синим
Сверкнет альпийская гроза.*

6

Встреча

*На севере сосны, и море –
Как викингов серая сталь
Тут море и небо не спорят:
Всё – теплая, синяя даль.*

*На севере тяжкие камни
Затупят мечи на излом.
Тут белая глыба легка мне
Под бронзовым верным резцом.*

*Я – варвар, ваятель в Элладе,
И тело чужой красоты
Резец мой ласкает и гладит,
И это – из мрамора ты.*

*Закрылись глаза и открылись:
Я – северный варвар опять.
И узкие брови, как крылья, –
– Тебе при свиданьи поднять.*

*В столетье машинного лязга
У глаз твоих снова воскрес
Такой, как на вазах пелазгов,
Овальный микенский разрез.*

*И смуглое тело Мелитты
В тебе вспоминается мне
Видением старого Крита
В открытой Колумбом стране.*

7

Прощанье

*Вечерами бывает,
В октябре, в листопад:
Принахмурит по краю,
И леса загрузят.*

*Но на самом закате
Вдруг прорвет облака,
И березы охватит
Ветровая рука.*

*И смеется, и рада,
И лепечет слова,
Золотым водопадом
Опадая, листва.*

*Так, при самом прощаньи
Ты, взметнув головой,
Вся оделась сияньем,
Как береза листвой.*

*И вот, в сумерках светят
До сих пор с того дня,
По плечам точно сети
Из живого огня,*

*Как в осеннем пожаре
На закате леса,
Золотой Ниагарой
Мне твои волоса.*

* * *

*Волны и ветер в бреду,
В ропоте вечного горя.
Черным монахом приду
На берег дикого моря.*

*Будет светиться в потемках
Белая пена у ног.
Черным, иссохшим обломком
Рухну тогда на песок.*

*Черная женщина-ночь
В сизых туманах возникнет.
Сердце подскажет мне: «прочь!»
– Сердце! Молчи и привыкни...*

*Будут нестись над водою
Крики последней тоски.
Черный, я тенью худую
Скоро приду на пески.*

* * *

*На небе, мутном и черном,
Редкие проблески звезд.
С Берега Смерти упорно
Тянет холодный норд-ост.*

Цели былые – забыты.
Путь по течению вод.
Острая стрелка магнита
К полюсу жизни ведет.

Скоро в тумане забрезжат
Темные камни земли.
Там, у скалистых побережий,
Тонут во мгле корабли.

На небе, мутном и черном,
Тусклые проблески звезд.
С Берега Смерти упорно
Тянет холодный норд-ост.

* * *

Искривленные щупальца сучьев
Протянулись к озябшей луне.
Острый ветер, деревья измучив,
Их оставил в томительном сне.

Но, одетая саваном белым,
От земли отвернулась луна.
Между ними без дна и предела
Голубая легла глубина.

Воздвигается выше и выше
Погребальных туманов опал.
Ты меня никогда не услышишь,
Как бы горько тебя я не звал.

И меня будешь вечно ты мучить.
Так застыли мы в нашей судьбе:

Я – бессильные, мертвые сучья –
Протянулся в пространство к тебе.

* * *

1

*О сновиденьях, о бериллах
Холодных глаз, о топких мхах,
Об одержимых лунной силой,
О лунной деве в дальних льдах.*

*Не вызывай ее ночами, –
Взгляни на прелесть дев земных.
Предай забвенью и молчанью
Свой сон, о, бедственный жених!*

*Сквозят зеленым светом льдины,
Горит Полярная звезда.
Движеньем ласково-змеиным,
Как ртуть, колышется вода.*

*Кругом леса из черных елей
И мхи заржавленных болот.
По ним безвольно к дальней цели
Лунатик брошенный идет.*

*Но чащи хмуры и дремучи.
Но топи спрятались и ждут.
В постели тинной и зыбучей
Лучи луны его найдут.*

*Его зрачки с немым укором
Блеснут холодным светом в них:
Так бесконечно-долгим взором
С Невестой встретится жених.*

2

*С каждым годом туманы забвенья
Беспросветнее ткут свой покров.
Отголоски и бледные тени –
Это всё, что осталось от снов.*

*Вот и я заблудился, лунатик,
В этом мире, как в темном лесу.
Только память о давней утрате,
О тебе, сохранил и несу.*

*Безотраднее сумерки бора...
В них мне чудится чаще твой лик...
Я устал. Это значит, что скоро
Будет страшный и радостный миг.*

ЗАБВЕНИЕ

*Ни тела радости, ни сладострастья
И ни твоих сведенных страстью рук:
Мне жаль иной, вотще желанной власти,
Мой незабвенный и забытый друг.*

*Над зимним морем ветер нас оплакал
Соленой пылью с мокрых, хлестких крыл,
И парк ненастный гулким влажным мраком
Тебя навеки в этот вечер скрыл.*

*Забвенье: чище звуки, суше краски.
В годах всё ближе малый холм земли.
Мне жаль небывшей нежности и ласки:
Того, что дать друг другу не смогли.*

* * *

*Фонари не светили в тот вечер:
Ветер тьмою себя оперил.
Иступленный, холодный, как глетчер,
Бил огромными взмахами крыл.*

*Над иглой островерхой костела
Выгибался Медведицы хвост,
И запутались в черных и голых
Сучьях сотни встревоженных звезд.*

*К твоему опустевшему дому
Вел гипнозом невидимый след
Сумасшедший надежды: в знакомых
Окнах будет оранжевый свет.*

*Но, взглянувши случайно на запад,
Где в золе дотлевала заря,
Я увидел, как сизые лапы
Хищной тучи над миром парят.*

*И я вспомнил тогда, что ведь это
Совершалось однажды во сне:
Так же с запада крался одетый
В погребальное облако снег,*

*Так же с неба сверкали сквозь ветви
Мириады встревоженных глаз,*

*И кричал обезумевший ветер
О потере – совсем как сейчас.*

*А сейчас – разве вправду я мерзну
В одичавшем от ветра саду?
Разве это не сон, что всё поздно,
Что тебя потерял я и жду?*

СЕРЫЙ АНГЕЛ

*Осторожные сумерки мутною
Паутиной наткали углы.
Серый ангел подходит и кутает
Мне глаза пеленой полумглы.*

*Тучи на небе брошены ворохом,
Полегли и слезятся дождем.
То ли шелесты слов, то ли шорохи...
Этот шепот мы в сумерки ждем:*

*Бесполезно вставать побежденному.
Откажись от ненужной борьбы –
Всё равно, не уйдут обреченные
От незрячей железной судьбы.*

*Мы окончим желанной развязкою:
Да пребудешь недвижим и тих.
Разве ты не почувствовал ласковых.
Холодеющих пальцев моих?»*

*Серый ангел нежнее склоняется.
Сыплет пепельный сумрак вокруг.
И мне слышно, как в сердце впиваются
Пальцы тонких, безжалостных рук.*

СИНИЙ СВЕТ

*Закрой глаза. Засни. И в этом
Тяжелом сне смотри в эфир:
Ты видишь мертвую планету,
Пустой, давно застывший мир.*

*Навеки черное молчанье.
В молчаньи грозно стыннут льды.
В кристаллах льда на острых гранях
Дробится синий свет звезды.*

*Ты в мире радостном, как птица,
Взлетаешь в солнечном тепле.
Так вот, пойми: твой свет дробится
Звездой в ледяном стекле.*

ПАУЧЬЯ ПЕЩЕРА

*Травы курчавятся, склоны
Зеленью мягкой покрыв.
Тень от раскидистых кленов
Падает прямо в обрыв.*

*Дальше, в овраге, – пещера.
Корни пред входом, как сеть.
Сумрак таинственно-серый
Манит туда посмотреть.*

*Путник в пещеру заходит,
Нюхает запах земли.
Видит: под скошенным сводом
Складками тени легли.*

Всмотрится в сумрак и ахнет.

*Сердце в груди упадет:
Тусклые очи Арахны
Глянут из пыльных тенет.*

*Спавшее в черном колодце
Чутким охотничьим сном,
Грузное тело метнется
Членистоногим прыжком.*

*В ужасе путник не верит:
Бред этот слишком нелеп...
Путник! К паучьей пещере
Путь твой неволен и слеп.*

ВОЗВРАТИВШИЙСЯ

Арсению Ивановскому

Все возвращается на круги своя

Екклесиаст I, 6

*Я знал: скорее из этого дома!
И я помню: схожу по ступенькам крыльца.
Почему-то мой двор мне стал незнакомым,
И в доме своем я вроде жильца*

*И надо уйти. Еще очень рано:
Сероватая мгла и рассвет в сентябре.
И как будто иду, и мне вовсе не странно,
Что длинный гроб стоит во дворе.*

*Трем женщинам в черном даю дорогу:
Они направляются прямо в дом,
В старомодных накидках, и шляпы их рогом
Торчат и притянуты туго платком.*

*Но я знаю одно— уйти мне надо,
И здесь я уже не жилец.
И, — конечно, — мой дом кирпичный и с садом,
А этот — дешевый и старый вконец,*

*И номер не тот, и улица тоже
Чужая совсем: название не то.
Мне тут нечего делать. Прохожий,
Не заметив, задел меня краем пальто.*

*У вокзала мальчишка досасывал персик,
И листву метельщик высокий сметал.
«Что за город? Всё тот же: Трентон, Нью-Джерси...»
И голос его скрипел, как металл.*

*У него глаза как дыры смотрели,
Но я всё же спросил про число и про час.
«А всё то же, как было: восьмое апреля...»
— «Но сейчас ведь сентябрь!» — «То для них, не для вас...»*

*Я бежал — или плыл? — и догадка брезжить
Понемногу стала во мне.
Я бежал и старался ступать, как прежде,
Но не слышал шагов, как во сне.*

ПАМЯТЬ

Третья книга стихов

(Вашингтон, 1965)

*...А памяти дана власть воскрешать из
мертвых...*

Лонгфелло, «Золотая легенда»

*... Черный ворон Хугин, скорбной памяти
детище,*

У него на плече.

И. Бунин.

ТКАНЬ

*Еще нельзя сказать: «свершилось»,
Но вот, свершается сейчас.
Как неожиданная милость,
Приговоренным каждый час.*

*Незримо маятник считает.
Но это – кровь стучит в висках...
Таят секунды страх и тают,
Но это – тает жизнь, и прах*

*Ложится серой пеленою.
Но это – сумерки. О, да!
Окончен день тобой и мною,
В клепсидре истекла вода*

Холодный лик стоит в зените,

*И жизни ткань сквозит, редка:
Все оцутимей рвутся нити,
И выпускает их рука*

БЕЗВРЕМЕННЫЙ ЦВЕТ

*По альпийским лугам в октябре расцветает
Розоватым тюльпаном безвременный цвет.
Снег пойдет, нападет, полежит и растает,
А цветку ничего. Он туманом одет.*

*До зимы остается цветок ядовитый.
Он белеет в увядшей траве до конца.
Так вот эти стихи: ты ведь слышишь, как слиты
В них прощанье и нежность с шагами Гонца.*

ПАРСИФАЛЬ

Видишь – возник

Гибельный клен,

Раненый в бок

Солнечным копьем.

И. Елагин

...Золотой иконостас заката...

И. Бунин

Осень – бурная дева Кундри –
На голос воев в лесу,
Рвет в исступленьи рыжие кудри:
Ей ли слова понесу?..

Вот я пришел под хвойные своды.
Вижу осеннюю даль.
Инок и рыцарь, работник Господень,
Кроток и прост. – Парсифаль.

Низкое солнце сияньем прощальным
Таинство света льет,
Чашей златою, святым Граалем,
В чьих-то руках плывет.

Но пред пламенным иконостасом,
Видишь, – и он обречен.
Трепещущий Амфортасом,
Истекающий кровью клен.

ПАМЯТЬ

*Во сне я вижу улицу пустую
В каком-то захолустном городке,
И странно мне, что вдруг я так тоскую:
В свой прежний дом попал накоротке*

*Домишки, огороды и заборы,
И ни души, и мертвый желтый свет.
Всё тот же сон, и всё стоит пред взором,
Как найденный на чердаке макет.*

*Я опускаюсь в глубь тогда, как рыба.
Я забываю там, что я – привычный я.
И вот, сквозит полупрозрачно глыба
Незнающе-дневного бытия:*

2

*Домишки, огороды и заборы.
Сипит звонок в убогой мелочной.
Мальчишки возятся в канавах с сором.
Так днем. Но жуток час ночной:*

*Фонарный свет здесь темен и тревожен,
И сторожит свою добычу тьма.
Здесь редкой тенью промелькнет прохожий,
И слепы мертвые дома.*

3

*Там этой ночью раздадутся гулко,
Приблизятся и смолкнут вдруг шаги.
Там в эту ночь в безлюдном переулке
Замрут наедине враги.*

*И сладким хмелем мозг мой затуманит
Смертельной злобы радостный угар.
Он будет точен, быстр и не обманет:
В висок направленный удар.*

4

*По улицам, под изморосью липкой,
По лужам, где дрожит фонарный свет,
С застывшей, неподвижной улыбкой
Запутает убийца след.*

*И где-то труп незрячими глазами
Смотреть в потемки будет до утра.
– Стемнело. Город светится огнями.
Одиннадцать часов. Пора.*

5

*Как в нечистотах пес, как прокаженный,
В самом себе я мерзостен себе.
По совести, до мяса обнаженной,
Есть выход побежденного в борьбе:*

*Я радуюсь, что белый холод смерти
Сорвет с меня отравленную плоть,
Что воды смерти схватят и завертят –
Меня на жерновах во прах смолоть.*

*И забываю я, что я – нечистый я,
И предо мной давно забытым домом
Всё та же улица, обжитая, своя,*

Встает опять во сне знакомом.

ИЗ ЦИКЛА «МОЗГ»

*Тянулись дни томительно, как слизи,
Туманы набухали и ползли:
Паук-ноябрь сосал остатки жизни
Из обессиленной земли.*

*Мой мозг впитал тягучесть туч свинцовых,
Свирепый яд гниения впитал,
И паутиной жадной и готовой
Он мысли хищно разостлал,*

*И, как паук, меня поймал, окутав,
И держит цепко клейкой пеленой:
Забывшее, минута за минутой,
Сосетиз памяти больной.*

* * *

*Светит с заката полоска огня,
Точно сквозь пепел, сквозь тучи седые.
Если ты помнишь и слышишь меня,
Вспомни про эти стихи молодые:*

*«Утром в саду по кленовой листве
Частые капли шуришали.
Мокрые астры, сгибаясь к траве,
Красные кудри измята...»*

*Эта любовь листопадом осенним,
Садом заплаканным видится мне.*

*Все-таки первая: длинною тенью
В жизнь мою падают клены в окне.*

*Клены пылают под пасмурным небом,
Винною свежестью тянет в окно.
Вечером Лебедь с хрустальным Денебом
Путает в Млечном Пути волокно.*

*Где-то закралась в любовь обреченность.
– То ли мы осень любили вдвоем,
Был ли то символ – листвы золоченой
Медленный лет с высоты в водоем...*

*Только – недолго. Весенний туман
Снег рассуغبил, и льдинки кружили.
В этом тумане настиг нас обман,
Будто мы снова друг другу чужие.*

* * *

*Запушенные белою вьюгой,
Застывают узоры ветвей,
Точно хрупкие руки и дуги
Серебристых кораллов морей.*

*Это выгибы пухом одетых,
Исполинских оленьих рогов
Зачарованы призрачным светом
Бесконечных волнистых снегов.*

*Это спящей в сугробах метели
Снится в сумерки сон про страну,
Где торжественно слушают ели
Заповедных лесов тишину.*

*Тишина неподвижно сковала
Облака и застывший закат.
И плетенья жемчужных кораллов
Как резьба, на закате сквозят.*

СИРИУС

*Позаполночь щетинится иней
И по насту хрустит от шагов,
И на тверди, огромной и синей,
Жемчужовая зыбь облаков.*

*Ориона огни вереницей
Высоко поднялись на дозор,
И осколками радуг дробится
Над лесами звезда, как костер.*

*Содрогаясь, сползает к закату
Не звезда, а трепещущий круг:
В паутине лучей синеватых
Беспокойный алмазный паук.*

*До костей холодит спозаранку
Перед утром колючий мороз.
Но горит самоцветной огранкой
Семицветный сверкающий Пес!*

ПОСЛЕ БАЛА

Е. Матвеевой

*Как пахнут чайные розы
На корсаже твоём, увядая...
После бала лицо как с мороза –
Хорошо, что ты молодая!*

*По ступеням, покрытым ковром,
Подымайся к тяжёлым портьерам.
Вот свеча золотым цветком
Распустилась в сумраке сером.*

*Из ресниц, от огня полусомкнутых,
Вырастают сиянья павлиньи,
И плывут от свечи по потемкам
Мутно-зелено пятна и линии.*

*До пушистых волос дотронувшись,
Ты глаза затеняешь ладонью.
Оттого ты угластных зеленейшей
И не видишь, на лестницу согнанных.*

*А их гонит подглядывать рыхлое
Привиденье в туманном пенсне,
Что таится в норе, как выхухоль,
И порою приходит во сне.*

*Холодок от подушек приятный,
Одеяла мягки и теплы.
А уснешь – хорошо будет пятнам
Без людей по комнатам плыть.*

* * *

*Старик был ядовитый
И ссорился с прислугой,
Жил всеми позабытый*

И мучился недугом.

*Он долго в рюмку капал
Коричневые капли,
А после, сползши на пол,
Лежал, худой, как цапля.*

*Его похоронили
По третьему разряду.
Кровать слегка помыли,
Сказав, что смерть – от яду.*

*А он с тех пор исправно
Синел в отхожем месте
И наслаждался явно
Своей нехитрой мезью.*

КРЫСА

*Никогда еще не было так:
Так отчетливо ясно и точно.
Каждый день – это пройденный шаг
К неизбежно поставленной точке.*

*Я теперь совершенно готов:
Всё равно, не уйти и не скрыться.
Будет несколько диких прыжков –
Точно в газовом ящике крыса.*

*– Детский ужас: да разве сейчас,
И со мной происходит всё это?..
Но смертелен невидимый газ,
И без выхода тесная клетка.*

И тогда-то, потом, под конец,

*Совершится великое чудо:
Избавленьем будет конец
Зверю, в угол прижатому, будет.*

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ МИР

*В отрицательном мире, где всё нам дико,
У пряников – твердый строй и уклад:
«Осолоди мя, отче витой сладыка!» –
Обращается к старшим всякий не-слад.*

*А со мною учтивы: хоть я не со сдобью,
Но присвоенный титул мне пишут всегда
В обращении: «Ваше неправдоподобие»,
И мой адрес: «Не нам, не сюда».*

*И так мирен там летний пейзаж: между губок,
От зари до другой зеленой зари
Головастых ребят пускают из трубок
Пыльные музыри.*

* * *

*В этот город с климатом приморским
Он попал случайно, как и все.
Там играли странной переброской
Умственных – и всех других – осей.*

*Он, герой сего стихотворенья,
Ощувив в себе водоворот,
Вдруг увидел город сокровенный
И себя у городских ворот.*

*И его, с радушно-важной миной,
Старожил почтенный поучал:
«Чтобы быть полезным гражданином,
Да и чтобы сам ты не скучал,*

*Избери профессию — любую — ,
Лучше ту, с которой не знаком...
Ну, хотя бы, — краску голубую
Слизывать с построек языком!*

*Или вот: оранжевой заплатой
Вывеску над окнами повесь:
— За не очень дорогую плату
Умерщвляют любопытных здесь!»*

*И в нем мысль успела пометаться,
Детская своею простотой,
Что миры — игрушечные яйца —
Можно вкладывать один в другой.*

* * *

*Заглянул к себе в подвал, —
А оттуда — скверной сыростью...
Я давно их не топтал:
Вот, успели снова вырасти.*

*Беловаты, как грибы.
Я сравнил бы их с опенками.
Натянули туго лбы,
Заплелись ногами тонкими.*

*Притаились, науки!
Не моргнут глаза их кроличьи...
Все как будто двойники,*

Все Борисы Анатольичи.

НЕСКАЗУМОЕ

«Я» – подлежащее, «есть» – сказуемое.

*Говорят, что я семь, – ну, а кто же?
Существую, а как – не сказано.
Это всё на мазню похоже:
Бытие-то житьем замазано.*

*Подлежащее «я» ненадежно:
Вот возьмет и на много размножится
Или станет прозрачным и ложным,
Как пустая клопиная кожица.*

*Уходи, заблудись и запутай
Повороты в проходах и комнатах.
Опускайся и с каждой минутой
Надлежи ты тому, кто не помнит их.*

*И не сказ, а сказуемый ты там,
Глубоко в подвалах и ящиках.
Там лежит под житьем пережитым
Несказуемо над-лежащее.*

*** * ***

*На себя натянула туманом воздуха,
Распростерлась земля, и глаза ее спят.*

*Небосвод в темно-синем, Мигуев-Звездухин,
Всю ее одремал от лесов и до пят.*

*От росы и от ночи русалкой запахли
На полях, разбухая от влаги, овсы.
Ты колосья помни – на руке, на зубах ли –
Защекочут тебя голубые усы.*

*На медовые головы клеверной ткани
Осторожно ложится туман, как в постель,
И мешает росе в сновиденьях стеклянных,
Неустанно скрипя колесом, коростель.*

*Вот и знаю, что ночь эту, синюю сказку,
Буду звать я потом, и нигде не найду...
А вверху – посмотри – осторожною лаской
Сизогубое облако лижет звезду.*

ПОДРАЖАНИЕ ПУШКИНУ

*Был вещий голос дан поэту
Будить уснувшие сердца.
Но глух был мир, и без ответа
Остался тщетный зов певца.*

*Поэту грозные виденья
О роке были явлены.
Но слеп был мир – предвозвещения
За бред им были сочтены.*

*Замолк поэт в толпе холодной,
Забывшей древних муз язык.
Так посреди степей бесплодных
В песках скрывается родник.*

*Но в тишине мечты живее
И вещей слов чеканней сталь.
Так на глубинах, холодея,
Вода прозрачна, как хрусталь.*

VERSO LA FINE DEL CAMIN DI MIA VITA

Галине Иваск

*От юности моей меня бороли страсти.
Я вел свой путь, не слушая Отца.
И над душой своей достиг я власти:
Держать ее в готовности бойца.*

*Но при скончаньи странствия земного
Я вижу пройденный бесцельно путь,
И я устал, и нет руки Отцовой,
К которой мог бы, слабый, я прильнуть.*

**** * ****

...Жар холодных числ...

А. Блок

*В кристалльных сферах хладных числ
Усталый дух нашел забвенье,
И внял их беспощадный смысл,
И вот, – застыл в оцепененьи.*

*Но истину обречена
Провозглашать поэта лира.
Я истину познал. Она
Собой кончает книгу мира:*

*Движенье-Жизнь течет рекой
К безгласным глубям океана,
Чье имя – мертвенный Покой.
Нуль математики. Нирвана.*

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО

*В одежде из искусственного шелка,
За сделанным из пластики столом
Сидит, следя за тонкою иголкой
Какого-то прибора под стеклом.*

*Калории, гормоны, витамины:
По формулам рассчитана еда.
Он любит телевизор у камина
И о погоде говорит всегда.*

*В консервах – музыка, в консервах – блюда;
Он точен, исполнительен и туп.
И лучше так: его не жалко будет,
Когда испелят последний труп.*

ИЗ МОНАСТЫРСКОЙ ХРОНИКИ

Как некий живописец восхоте
Глумиться над старцем-чудотворцем,
Отай списа подобие иконы
И в дар святому старцу принесе.
Егда же старец, образ сей прия,
Его в кивотце малом утверди,
Сей изверг взял губу, сию исполнив
Потайно соком теревинфчим,
Списание с доски сотре,
И се, очам предста кромешный демон,
Хулой рыкаяй из разверстой пасти.
Рече же в окаянстве неразумный:
«Молися, старче, адописным доскам!»
Но старец отвеща: «Смирися, бесе!»
И се, бысть зрим на дщице ангел сокрушенный.
Изограф же прия у старца постриг
И бе отселе верный инок,
Но в покаяньи кисти не касая боле.

АНГЕЛЫ

И ноги его подобны халколивану, как раскаленные в печи.

Откров. св. Иоанна 1, 15

И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога...

Там же 13, 11

ВЕЧЕР

*Не багровым цветут олеандры:
Над землей пламенеют сады.
За закатом живут саламандры
У озер бирюзовой воды.*

*А закат – золотая страница
О совсем небывалой стране,
Где слова, точно райские птицы,
Возникают и гибнут в огне.*

*Раскаленный архангел с улыбкой
Созидает стихи из огня
И, как ветер, упруго и зыбко
Их кидает с высот на меня.*

Ночь

*Столбы синеватого света
И тундра где-то внизу,
И звезды сквозь свет продеты,
Как платина сквозь бирюзу.*

*Холодное тонкое пламя –
Надмирных ангелов плоть –
Вздымает мечи углами
И копьями хочет колоть.*

*Разгневаны ангелы — рады
Низринуть огонь с вышины,
И только тонкой преградой*

От гнева мы спасены.

Утро

*Зверь изрыгнул хулу,
Выхолил зверь рога.
Ангелы пели хвалу,
Да заглушат врага.*

*Ангелов поступь легка:
Это – лазурь, и по ней,
Тонкого пуха нежней,
Все в серебре облака.*

*Всё было знаменьем сил
В этот утренний час:
Дым хулу возносил,
Ясен был ангельский глас.*

*Тяжко всклубил смолу
В небо ревущий завод.
Трубы, и шлак, и золу
Сверху прощал восход.*

День

*В оффисе день занятой:
Горы срочных бумаг.
Всё это – крепкий настой
Чьих-то чужих передраг.*

*В это чужое житье
Надо за деньги вложить*

*Время живое свое:
То есть, и жить, и не жить.*

*Вдруг за тобою, как яд,
Чей-то стремительный взгляд,
Кто-то вошел и зовет...
Ты обернешься, и вот,*

*Нет никого за тобой, –
Разве что шорох крыл, –
В сердце толчок: перебой...
Это опять Азраил.*

ОРФЕЙ

*Провалы вниз черны и дики,
И в них потерян я, Орфей.
Живут бескровно Эвридики
В провалах памяти моей.*

*И там, над бледными лугами,
Течет туманов полоса.
Но здесь, в земном тяжелом гаме,
Оттуда слышны голоса.*

*Здесь, наверху, ненастояще
Проходит время, и кружат
Никелированно-блестяще
Подробности преддверья в ад,*

*И календарные недели,
И телефонные звонки...
– Из бледно-желтых асфоделей
Внизу сплетаются венки.*

ДВА ГОЛОСА

Ш. Кригер

...Море стеклянное, подобное кристаллу...

Откровение св. Иоанна 4, 6

*Это – черный и бархатный воздух,
И, смотри, – это звезды летают!
– То высокие птицы, не звезды
Озаряются солнцем и тают...*

*Я боюсь оступиться с обрыва,
Потонуть и растаять, как птица...
– Наша птица в порыве отрыва:
Ты не можешь с нее оступиться!*

*Темнота прозрачною стала.
Я не знаю, где высь, где глубины ...
– Ты слыхала про море кристалла?
Я включил потоки нейтрино!*

КАК ПОПАДАЮТ В БИЗБЕН

*Ну, а как попадают в Бизбен? – А надо
Ехать долго железной дорогой.
Остановка будет в леске, у отрога,
Просто так, без вокзала и сада, –*

*Очень ветхий и темный сруб и платформа,
А дерево хрупко и гнило,
И вы сходите вниз, как в могилу,
А из ямы – сладкий дух хлороформа.*

*И от старости сруб деревянный распорот
Здесь и там обомшелою щелью,
И дурманно веет сладкою прелью,
И внезапно вы входите в город.*

*Ах, как сразу от гнета здесь каждый свободен!
Даже воздух здесь радостью пахнет.
Но чужому тут места в уютных домах нет,
Но для счастья чужой тут не годен...*

*Обитатели к вам не подходят на сажень...
«А какой это город?» – «Ну, Бизбен...»
«Ах, совсем, как в Австралии, в Квинслэнде – Брисбен!»
«Не совсем, но для вас ведь не важно:*

*Это важно для тех, кто сюда прибывает.
Их встречают дипломом на блюде».
«Ну, а кто же живет здесь? И кто эти люди?»
«Тут у нас не живут – пребывают...»*

*Недомолвка у них тут с чужим, переглядка.
«Как же к вам попадают в Бисбен?»
«Очень жалко, но план сообщений не издан:
Вы ошиблись в пути пересадкой».*

*«Но я очень хочу...» – «Вам не срок – подождите:
Вы получите вовремя вызов».*

*Я проснулся, и рвутся последние нити,
И рассвет занимается сизо.*

ЗАСТЕЖКА САТ-ХАТОР-ЮНУТ

*Над малою судьбою человека
Два сокола схватили лапой свод:
Вся жизнь твоя отныне и до века
В когтях премудрых Гора протечет.*

*Увенчаны змеею Горы-Птицы,
И крест с петлей висит на шее кобр:
Ты должен к совершенному стремиться,
И жизни крест к тебе пребудет добр.*

*Рубиновое солнце – шар навозный –
Катает бирюзовый скарабей:
Обет тебе, что рано или поздно
Придешь опять для счастья и скорбей,*

*Дабы несчастья душу изымали
И ввысь, как шар, катили пред собой...
И это всё – застежка из эмали,
И синей, и небесно-голубой.*

ГИЗЕХ

Н.Б.

*Пески пустыни к ночи стынут.
Огромный сфинкс чего-то ждет.
И черной чашей опрокинут
В алмазных звездах небосвод.*

*И ты, Изида, здесь, в пустыне.
Ты, мать томительной тоски:
Озарены серпом богини
Волнисто-тяжкие пески.*

*И говорят со мною мифы
Словами чуткой тишины:
Смотри – сошли иероглифы
С полуразрушенной стены.*

ОКЕАНИЯ

*За серебром по рифу иду я.
Зеленью светит залив.
Золото мертвых, металл Ти-Ондуэ,
Выбросит скоро прилив.*

*Вот посвежеет, с бурунов задует...
В зелени лунных ночей
На берег страшные выйдут Ондюэ
С дырами вместо очей.*

*Каждый, как может, на рифе колдует.
Я колдовал там вчера:
Там, где покровлено кровью, найду я
Много опять серебра.*

АНТАРКТИДА

*Над морем Росса мерзлый пар
И низко сумрачное небо.
По тучам зыблется пожар*

Из кратера Эреба.

*Смертельный холод. Белый ад.
Глядятся в глуби океана
Эреб и Ужас – стражи врат,
Два ледяных вулкана.*

*От века спрятаны под гнет...
До времени покрыты льдами...
Но, озверев, вулкан взметнет
Задымленное пламя!*

ПАМЯТЬ

*Как во сне, заблудился, не знаю я, где я...
Это лес: криптомерии, араукарии,
И бархатно-бурым глядят орхидеи –
Глаза удивленные, карие.*

*И смутно я помню залив Карпентарии
И, может быть, берег Новой Гвинеи,
И в воздухе тяжком как в пряном наваре я...
Задыхаюсь, а чаща встает, зеленея.*

*Это лес заплетенный, безвыходный, веерный.
И до боли я помню смолистый и северный,
Где от хвойного ветра гуденье и звон,*

*Где сосна запылила цветением серным
Повороты тропинки, чуть видной, неверной,
Где-то в памяти вьющейся глубже, нем сон.*

ГОЛОВА

Путевые заметки

*Конечно, в Кэмбридже жуют резинку
И можно кока-колу получить, —
Но узки улицы кривые,
И как на них не давят пешеходов
Автомобили, яростно пыхтя,
То ведомо лишь старым башням,
В которых гений места опочил.*

*А башен много — вкраплены в постройки.
За «супер-маркетом» внезапно вырастает
Седой суровый камень, и ворота
Возносят золото гербов с единорогом,
Со львом, с размахом бега
Оскаленных курчавых леопардов.
На сером камне ярко расцветают
Лазорь и червлень в золоте оправы.*

*За аркой виден дворик и цветы —
Цветы везде, как пламя, для контраста
И с небом серым, и с тяжелым камнем.*

*А в комнатах — дубовые столы,
Солидно пахнет затхлым дедом,
Иль даже прадедом. А на столе
Учебник электроники То — Кэмбридж:
«Мост через реку Кэм...»
Река-то вроде Пачковки в Печерах:
Скорей для уток, чем для судоходства,
Но мост хороший — на десять веков,
Горбом положим римской кладки.*

*Там, близ моста, за сетью переулков,
Опять старинный камень, башни, арки, —
Но помоложе: Сидней Сассекс Колледж.
Забавны стены: в гребень обомшелый*

*Вмурован густо ряд бутылок битых:
«А ты не лазай, где не надо!..»
Стекло изветрилось, играет побежалым.
Немудрено: еще при Годунове,
По счету нашему, воздвигли стены.*

*Вдоль дворика – романская аркада.
В углу – окно. Там – комнатка студента.
Не думал он тогда, в шестнадцать лет,
Что этот колледж будет местом
Упокоенья буйной головы:
Ведь в колледжах студентов не хоронят.
Века идут – аркада остается.*

*Пройдешь в столовую – всё тот же дуб,
Портьеры, стулья темной старой кожи,
Портреты – как обыкновенно.
Над возвышеньем – лэди Франсис Сассекс:
Так, – из породы рыжеватых, тощих.
Но вот, глаза: глядят глубоко,
Печальные, живые на портрете.
– Тяжелый титул, раннее вдовство,
Тяжелое, в слезах жемчужных, платье.
Уходит жизнь... «Вот, колледж основать...»*

*Она – хозяйка здесь. И посему
Портрет – хозяйский, в целый рост,
И тот же трон – за нею кресло.
Другие же, «мужси совета»,
Написаны по пояс иль по плечи,
Кто в пышных буффах, кто и в пиджаке.
Одни с ученым, строгим видом,
Другие – явно самоумиленно...*

*От лэди Франсис слева – голова,
А рама — вдруг с зеленой занавеской.
От света? Нет, – в столовой темновато.*

*Скорей от чьих-то глаз. Кому не стоит
Смотреть на этот лик? А лик другого вида,
Чем те, которых не снабдили
Каляной полинялой занавеской.*

*Седые космы жидких прядей
Спадают на колет из кожи;
Мешки, морщины под глазами.
Глаза устали и спокойны,
А цвет их сер и холоден, как сталь,
А взгляд тяжелый – та же сталь.
Есть что-то львиное в щеках обвислых;
Всё вместе – что-то вроде нашего Петра,
Но только жиже как-то: нету нашей
Огромной безудержной силы.
А сила есть – упорная, как сталь.*

*Да, эта голова была высокой
И часто, непреклонная, решала,
Чьим головам катиться кругло с плахи.
Но эту голову с позором отсекли
От вырытого и гнилого трупа
На виселичном поле речки Тайберн.
А дальше и не знали, что с ней делать.
Набальзамировав, хранили здесь и там,
И вот, она пришла в знакомый колледж,
Да будет замурована в часовне.*

*Я позавидовал – ведь хорошо лежать
Там, где бывал в шестнадцать лет,
К истокам юности придя обратно.
В притворе лестница ведет на хоры,
Дубовая, приделана к стене.
Доска на белой штукатурке,
И надпись: «Где-то здесь сокрыта...»
Вы догадались: это Кромвелл.
А занавеска на портрете –*

*Для королевских посещений: закрывают...
Традиция...А может быть, и символ:
Теперь боимся мы взглянуть
В глаза уверенной, железной силе.*

* * *

Блуждая слепо в мире синем...

Нонна Белавина

*Строгие, четкие линии
Зимнего города вечером...
Точно глаза твои серые, синие,
Небо над улицей высится глетчером.*

*Прошлого льдины глубинные
Смутно синеют просветами.
Мечется память, как птица над льдинами,
Бьется, зовет нас словами неспетыми.*

*Что-то, что не было сказано,
Вспыхнуло призрачным пламенем:
Нитью невидимой снова мы связаны –
Памяти льдистым и призрачным знаменьем.*

* * *

*Очень давно, и не в этой
Жизни тебя потерял.
Редкие проблески света,
Гробная тьма покрывал –*

*Это и всё, что я помню
В жизни последней, простой...
Только все шире, огромней
Зовы из дали пустой.*

*Путь – в неизвестные земли.
Должен тебя отыскать.
Только ночами приемлю
Ласковых рук благодать.*

*Позднею ночью бывает
Долгий, мучительный миг:
В спутанном сне проплывает
Твой опечаленный лик.*

ПОДЪЕМ

Четвертая книга стихов

(Leuven, 1969)

*Поднимайся! – Вверху на горе –
Поднимайся! – На самой вершине,
На последней, холодной заре
Ты застынешь камнем в пустыне.
Вера Булич*

ЗВЕЗДОЧЕТ

*Настала ночь, и я на башню вышел
И стал смотреть на звездный небосвод.
Я как бы в сон ушел. И вот, услышал
Я звезд далеких гармоничный ход.*

*Хрустальный свет их ясен и понятен,
Но жуть сквозит в движенье вихревом
Мистических туманностей и пятен,
Горящих бледно-фосфорным огнем.*

*Но я нарочно взор в них углубляю,
Я отрешаюсь, стыну и лечу,
Как будто бы сорвался с корабля я,
Тону и гибну, – ибо так хочу.*

*Я жду ночного мертвого молчанья,
Чтоб в нем забыть с приходом темноты
Бессмысленность и боль существования,*

Уйдя в бездонный ужас пустоты.

CORDE ARDENTE

*Мы пламенеем жаром непонятым
Для нас самих среди других племен.
Мы повторяем шепотом невнятным,
Как заклинанья, призраки имен.*

*Должно быть, из Эдема изгоняя,
До сердца нас коснулся Михаил:
– «Дарю вам след небесного огня я,
Дабы его никто не угасил!..»*

*И вот наш путь: бредем в пустынной суши
Куда-то прочь от радостных в шатрах,
И пламенеют, точно на кострах,
Архангелом отмеченные души.*

ЕГИПЕТ

*Много раз воспринятый гробницами,
Но рождённый столь же много раз,
Я лежу с недвижными ресницами
Утомлённых и закрытых глаз.*

*Умастили миррою и смолами
И крестили кисти желтых рук,
И на лоб с морщинами тяжёлыми
Мне возложен изумрудный жук.*

*Путь мой будет над Закатной Бездною –
Оставляю дом телесный пуст:*

*Наконец-то мне петлей железною
Совершили отверзанье уст,*

*Ка, двойник, в тысячелетья знойные
Мой иссохший труп обережёт.
Бродят в лужах ибисы спокойные,
Солнце камень мой надгробный жжёт.*

БУДУЩЕЕ

*У Макса Клингера (начало века, Лейпциг)
Рисунок есть: из узкой, каменистой
Расселины средь скал, – и нет другой дороги,
– Навстречу вам выходит тигр, и дико
Горят его глаза на полосатом лице,
Змеится пасть улыбкою кошачьей:
С прищуром жадных косоватых глаз.
Пушисты лапы, но вонзают когти в камень,
Но мышцы точно сталь под пестрой шкурой.
Он здесь хозяин этих гиблых мест,
И он вас ждет: расселина ведет вас прямо,
И некуда уйти от зверя на пороге.
А знаете название рисунка?
«Die Zukunft» – «Будущее» – Клингер надписал.*

МЕРА ВЕЩЕЙ

*Мы скоро с километров перейдем
На световые годы и фотоны,
И жизнь пойдет под огненным дождем
На мегасмерти и на мегатонны.*

Так, мерю вещей ты назови

*Число любое, даже хоть с дробями...
Но как же быть с волнением в крови
И с этими ненужными стихами?*

*Эритроцитами считают кровь
И алгеброй гармонию поверят.
И так во всех вещах. И лишь любовь
Отчаяньем и ненавистью мерят.*

ДРАГОЦЕННОСТИ

*Сапфир лазурный – камень веры чистой,
Печальный жемчуг – светлая слеза.
Спокойной дружбы символ – аметисты,
Невинности небесной — бирюза.*

*Как гений, брызжет яркими огнями
Прозрачный и всецветный бриллиант,
И повторяет мягкими тенями
Его опал, как младший брат – талант.*

*И радость – золотистый смех топазов,
И рдяно-пламенный рубин – любовь...
— В моем ларце – лишь черные алмазы
С карбункулами, красными, как кровь.*

ЛЮБОВЬ

*Из-за облачной зыби – луна.
Под луной – за волною волна.*

*Океан – по-ночному велик.
Отраженный, качается лик.*

*Океан – как под сеткой металл:
Лунный свет неводов наметал.*

*Вот и тащит к себе он прилив,
Лунно-белым волну намелив.*

*Но она ускользает, вода,
И ее не поймать в невода.*

*И опять одинока луна,
И обманом туманит волна.*

УЗОР

*Я хочу тебя объяснить
Самому себе и тебе:
Мы с тобой – как двойная нить
В неудавшейся ткани – судьбе.*

*Переплел неумелый ткач
Сумрак ночи и золото дня.
О, моя дорогая, не плачь:
Он тебя оторвал от меня!*

*Но еще не брошен челнок
И еще свивается нить:
Это всё – неумелый рок.
Мой бросок – его изменить.*

*И когда-то выйдет узор:
Сумрак ночи и золото дня.
Будет твой удивленный взор, –
И тогда ты узнаешь меня!*

*Так много женицин жгло его огнем
И так оно приучено к ударам,
Что закаленным, кованым куском
Мне холодит в груди оно не даром.*

*И я теперь спокоен: мне не жаль
Того, что прежде было так желанно.
И твой удар, бессмысленно-нежданный,
Нашел не сердце, а на страже сталь.*

ДОМОВОЙ

*Он высокий и лунный,
И с глазами как сталь.
Он куда-то засунут –
То ли в глубь, то ли в даль.*

*Но всплывает из глуби,
Но приходит, как сон.
Это значит, что любит
Одержимую он.*

*И с нее он не сводит
Лунно-пристальных глаз,
Истончится и входит
В еле слышный приказ:*

*«Дай войти в твои глуби
Мне дымком-синевой!
Так ведь только и любит
Сам, как дым, домовой!»*

БОЛОТО

*У болота сбываются небыли,
Из-под жабника вылезут нежити...
А вода – то ль трясина, то небо ли:
Облака отраженные нежатся.*

*Вот теперь это место прижучилось,
Разопрело на солнце и парится.
А ведь нежить – она-то живучая,
А ведь память о старом не старится!*

*По ночам побережье зыбучее
Шевелило прогнившею кучею,
Исходило истошными кликами:
Там ходили с зелеными ликами.*

*А туман обволакивал ватую
Неприкаянных, тонущих с воплями,
И светили огни синеватые
Из воды проступавшим утопленным.*

РАЗМАХАЙ

*По пустым чердакам,
По углам нежилым
Гонит он паукам
Их мушиный калым.
А потом разойдется, взметнется и пляшет,
И мучными мешками по сумеркам машет.
Так от пыли тогда хоть чихай, не чихай:
Самый страшный из всех – господин Размахай.*

*А какой из себя?
И не пробуй смотреть:*

*Над душою скребя,
Будет в четверть и треть
Он в тебя заползает, мельтешит и мотать,
Как белесый заспинный, украдчивый тать.
Так, как будто пустяк: всё чихун да смешки,
Ан, глядишь, ты и сам – как мучные мешки.*

НА ДИКОМ ЗАПАДЕ

1

Вечер в Йеллоустоне

*Как из царских врат
Бил янтарными переливами
Золотой закат
Над озерами, над дремливыми.*

*Это ангел сам
Ектенью читал светозначную
Смоляным лесам,
Медведям в лесах, – и доканчивал.*

*И он плыл, не ходил,
И лиловыми аллилуями
Облака клубил
Перед жаркими златоструями.*

2

Гейзер

*Из пепельно-вареного песка
Струятся с шипом клубы серных дымов.
Геенна огненная здесь близка:
Здесь место падших серых серафимов.*

*Толпится мелкий и унылый лес
Вокруг насторожившейся поляны,
И дымка теплых призрачных завес
Качается над водоемом пьяно.*

*А кипяток с камнем заодно
Края ноздристо вылетил, как соты.
Подобьем жизни выстилают дно
Ослизище кремневые кислоты.*

*Но вот, с шипеньем, брызгая слюною,
Длинноволосый водяной старик
Вздымается из водоема вмиг –
И оседает пенною копною.*

3

Красные Камни

...На вершине Красных Камней.

«Гайавата», Лонгфелл

*У красных каменных истуканов
Нет ни глаз, ни лиц.
Вот сейчас повернутся, привстанут
И потом обрушатся ниц.*

*Это скалы кровавого камня,
Красней, чем каленый кирпич,
Точно стены застывшего пламени,
Нависли тебя настичь.*

*В переходах узких ущелий
Ты будешь блуждать, пока
В каком-то диком веселье
Не двинется чья-то рука.*

*И тогда по кровавым склонам,
Догоняя тебя во рвах,
Покатится шаром каленым
Какой-то скалы голова.*

МАУНА КЕА

Мауна Кеа – «Белая гора»

Остров Гавайи

*Белые волосы белая дева
Разостлала по склону горы.
Волосы тают – из горного чрева
Горячо выходят пары.*

Белая женщина с Мауна Кеа

*Иногда меняет жильё:
В огненном озере Килауэа
Ты заметишь однажды её.*

*Трудно пролезть сквозь кустарник охио,
Пламенеют щетки-цветы...
Ты не ходи тут – дороги плохие,
Уходи еще до темноты:*

*Вдруг по тропинке прорвется сверканье –
Это значит – по камню скребя,
Белая женщина в скрытом вулкане
Вдруг учуяла мясо – тебя.*

БУРЯ

*Захлестало дождем,
А мы молоньей жжем,
А мы рощу дубовую сломим,
А мы стадо зеленое – громом!*

*Облака глубоки,
А дубы, как быки,
И ревут, и мычат над кустами,
И стегают по ветру хвостами.*

*Суковат и рогат
Каждый кряжистый брат,
Да с корой он мохнатой и рыжей,
Да с дуплом и с наростом, как грыжей.*

*Коли жизнь дорога,
Так рога на врага –
Коли буря хватает арканом,*

Набодается дуб с ураганом!

ЕДИНОРОГ

Гобелены

*Блестит слюда в тяжелой, грубой кладке
Ограды привезенного аббатства:
На матовый французский известняк
Блестящий гнейс Америки наложен.
Сурово, бедно строили в Европе
Тогда, когда у нас Батый пронесся.
Нам что? – Сгорели, да в леса забрались,
Да натесали топорами щепок,
Хором, хибарок, городищ да тынов.
А там точили хрупкий доломит
Да ткали пестрые запоны
В холодных замках стены закрывать.
И вот висят в музее над «Гудзоном» –
Рекой холодной, синеватой стали,
Бретанской Анны гобелены.*

*Войди в суровый полутемный зал,
Где выткана в шелках судьба единорога:
В узорчатом лесу среди цветов
Скрывается великолепный зверь,
Как кипень белый, быстроногий,
С козлиною бородкой в два витка
И с длинным, точно винт с нарезкой, рогом.
Живительней становится вода,
Когда он рог в источник погружает.
И звери с человеческими глазами*

*На гобелене воду пьют,
И в каменном бассейне нежно
В полцвета шелка отражен фазан;
Нагнулся, пьет, и дрогнул хвост цветистый.
Ай! Скользок белый мрамор водоема!
Но зверя надо заколоть:
Охота – благородная забава.
Зверь окружен, но, яростно брыкаясь,
Он пса неловкого пронзает рогом.
На белой шерсти – алые потоки:
– Еще копьем уластым садани!*

*И вот, убитый зверь
Обвис бессильно на седле
И с торжеством доставлен к замку.
Людовик с Анною Бретанской
Охотников встречают благосклонно.
Но лица деревянные валетов
Темнеют: взоры короля
В глазах его невесты тонут:
Не надо им единорога...*

*Туристы ходят, смотрят и уходят.
Темнеет в комнате суровой.
Вечерний свет исчезнет скоро в окнах.
Но будут в темноте упорно
Всё так же вот искать глазами
Друг друга испитой король
И бледная, худая Анна.
Что нам до них – они давно истлели.
Но вот, линялый гобелен,
Которым санкюлоты закрывали
Картофель от мороза в погребах,
Хранит для нас в веках, как память,
И этот взгляд, и эти лица,
И рот, открытый в муке смертной –*

Извечную судьбу единорога.

СТИХИ О ЛЕРМОНТОВЕ

1

*Широк во лбу, сутул, и криво
Улыбка сводит детский рот.
«Увы, Мишель, вы – некрасивы...»
– Всегда всё тот же оборот*

*Речей – сперва о нежной дружбе,
Потом – о чем-то о другом,
И – неприятности по службе,
И – надо свет считать врагом...*

*Ну да, – язык острее бритвы!
Но сколько нежности в душе,
В письме с Кавказа после битвы!
Ведь крови — нет на палаше...*

*И эта нежность вырастает
По вечерам в черновике
И тает — так туман растает
В июльский день на Машуке.*

2

*Расширенные черные глаза
Горят упорным и тяжелым блеском...*

*А где же крылья, глетчер и гроза,
О, бедный Демон в сюртуке армейском?*

*Бывает так: блестит кремнистый путь,
И злоба затаенная не душит,
И хочется любовью обмануть
Свою тяжелую, как камень, душу.*

*Но тучка золотая на утес
Спускается недолгой нежной гостьей.
И вот, опять – кутеж, вино и штосс,
И стих, облитый горечью и злостью.*

.....

*Но за стихами точку ставят кровью,
Как многоточие, на много лет...
Поручик Лермонтов, нахмутив брови,
Неспешно выбирает пистолет.*

ЭДГАРИАНА

1

Черная птица

Quoth the Raven, «Nevermore».

Edgar Poe

*Мой дом как могила. И туча-Сивилла
Былое сокрыла и плачет дождем.
Что было, то было. Но темная сила
Меня разбудила: мы плачем и ждем.*

*Черта и граница. Мне надо забыться:
Знакомые лица забыты давно.
Бессонница длится, и ночь – как черница,
И черная птица стучится в окно.*

*Эдгар и Лигейя, – в гробу холодея,
Лигейя посмеет за счастьем прийти.
Но призраком рея, как образ, идея,
Ленора бледнеет на этом пути.*

*С опущенным взором мы счастье – как воры...
Но ведает ворон – мы не сберегли.
Далеким укором я слышу: «Ленора...»
Теперь уже скоро: ты – Аннабель-Ли!*

Разговор

...Веселый смуглолицый человек

Э. Герман

And the fever called «Living»

Is conquered at last.

Edgar A. Poe

*Зимой Манхаттан угощает
Коктейлем ветра с мокрым снегом,
Приправленным бензиновой гарью,
И сумерки свинцово-неприветны.
Великолепно! Это означает,
Что нет туристов отупелых,
Что без толку толкуются у качалки,
В которой он обдумывал рассказы –
Рассказы – мягко говоря – о страхе
А я зайду – мне мокрый снег не в диво.
Уйдет в свою каморку сторож,
И тут-то мы часок свободно
Поговорим опять друг с другом.*

*Уж день устал – светло, но лампы.
Теперь здесь город, – ну, как всюду.
А вот сто двадцать лет назад
В деревне Фордхам было пусто.
Домишко был совсем дешевым,
Почти игрушечным. Вот в этой спальне –
Кровать, и больше нету места.
Вирджиния в ней умирала;
Топить-то было нечем: мерзла,
И кошка грела умиравшей ноги.
А по дорогам ночью, под двурогой*

*Луной Эдгар скитался одичало,
Пока не поборол болезни,
Которую зовем мы жизнью.*

*Ну, вот, – холодный полусвет,
И я один у темного камина.
«Хозяин! Слышите ли вы? К вам – гости!»
Он тут – чуть слышен вздох за дверью,
Но мы друг друга понимаем:
Я все-таки чужой – и лишний.
Он вряд ли выйдет из потемок:
Стал подозрительным – затравлен
Он был тогда, а что нам в поздней славе!
Но не могу сейчас сдержать вопроса:
«Зачем, зачем тогда, в ненастный вечер,
Вы с братом Вильямом, матросом,
В Санкт-Петербурге не остались?
Ну, хорошо, участок, протокол, –
Но ведь Руси веселье тоже пити!
Об этом бы не стоило и думать!
А вы бы встретились тогда
С веселым смуглолицым человеком
(Вы хорошофранцузский знали).
Его рассказ про Германаи Лизу
Британцы поместили рядом с вашим,
С коротким примечаньем перед текстом:
"Два старых мастера живут вовеки..."
Там был другой – корнет гвардейский –
– Тот хорошо английский знал –
А ужас он носил с собою в сердце...
Вот эти бы вас поняли, как надо!
Ведь, всё равно, потом в России
Вы были, – скажем, точно дома...»
За дверью вздох, – иль это я вздыхаю?
Совсем смерклось, и сторож прерывает:
«Вам уходит пора: я закрываю!»*

*Улалум**Из Эдгара Аллана По*

Сжала осень костлявой рукою
На деревьях сухие листы,
Пожелтевшие смята листы,
Был октябрь. Гробовой пеленою
Лег ненастный покров темноты.
Ночь нависла, как каменный свод,
В мой угарный, беспмятный год.
Это было в озерных туманах,
Средь болотистой местности Вир,
Где под сенью дерев-великанов
Бродят призраки в пустоши Вир.

Там, среди кипарисов-титанов,
Я скитался с Психеей – сестрой,
Я бродил со своею душой.
В эти дни мое сердце вулканом,
Огнедышащей лавы рекой,
Опьяняясь забвенья дурманом,
Клокотало в груди у меня,
Как клокочут потоки огня,
Погружаясь во льды океана –
– Там, где льются по склонам вулкана
В царстве полюса струи огня.

Говорили мы скупой и мало:
Наша память как в дымке была.
Затуманена память была.

Наша память предательски лгала:
Октября не заметили мы,
Мы ночной не заметили тьмы,
Мы забыли про озеро Обер
(Хоть и был нам знаком этот мир),
Мы не видели озера Обер
И пристанища призраков – Вир.

И когда уже ночь побледнела,
И на звездных часах был рассвет,
И по звездам был близок рассвет,
Перед нами, туманный и белый,
Заструился таинственный свет.
И взошел полумесяц двурогий
Между звезд на ночной небосклон,
Полумесяц Астарты двурогий,
Бриллиантами звезд окружен.

И сказал я: «Теплее Дианы
Между звезд этот символ любви,
Лучезарной богини любви, –
То Астарта из дальних туманов
Увидала томленья мои
И явилась лучистым виденьем,
Чрез созвездие злобного Льва,
Мне поведать надежды слова,
Показать мне дорогу к забвенью, –
И, пройдя через логово Льва,
Говорит лучезарным свеченьем
Мне любви и надежды слова».

Но, поднявши свой палец, Психея
«О, не верь ей, – сказала: – не верь!
О, спеши! О, бежим же скорее!
Мы должны!.. О, не медли теперь!»
И в испуге бессильные крылья
У нее опустились к земле,

Трепетали в напрасном усилье
И по праху влачились во мгле.

Я ответил душе: «О, напрасно
Ты внушаешь себе этот страх:
Посмотри, как в кристальных лучах
Нам надежды пророческой ясно
Засияла звезда в облаках.
Нас ведет Красота в небесах.
Можно смело поверить сиянью —
Вслед за ним мы направим наш путь:
Можно смело поверить сиянью —
Нас не может оно обмануть!»

Так души своей страх я развеял,
Обманул свой пророческий страх,
Так сестры успокоил я страх.
Я старался ободрить Психею
Поцелуем на бледных устах.
Так прошли до конца мы аллею
И могила закрыла нам путь,
К склепу с надписью вывел нас путь.
И сказал я сестре: «Не умею
Сам во тьму этих слов заглянуть...»
И, как эхо схороненных дум,
Точно эхо могильного шум,
Был ответ: «Улалум, Улалум —
Здесь могила твоей Улалум...»

И от ужаса сердце упало:
Сердце сжалось, как эти листья.
— Точно осень сухие листья,
Боль внезапная сердце мне сжала.
И вскричал я: «Напрасен обман,
Опьяненья напрасен дурман:
Я припомнил осенний туман...
Я припомнил, как нес ее тело

Год назад, в эту ночь, – ровно год,
И ее неподвижное тело
Опустил под заброшенный свод.
О, я знаю теперь: мы в туманах...
О, я понял теперь: это Вир!
Это демон завлек нас в туманы,
В обитаемый мертвыми Вир».

4

Могила

Она пленила страшного Эдгара

К. Бальмонт

*Когда минуешь западную часть
Приличной Балтиморской в Балтиморе,
Смотри под ноги, чтобы не упасть,
И не читай писаний на заборе.*

*Убогие и грязные таверны,
Неловкой стройки старые дома,
И между ними ведра всякой скверны,
И грязных ребятишек кутерьма.*

*Не к месту церковь в этом запустенье.
Не ходят тут: с заржавленным ключом
Замок решетки, и во мху ступени.*

Закопченным фабричным кирпичом

*Стоит Вестминстерская сонно
За серую кладбищенской стеной –
Обломок прошлого, перенесенный
Сюда с ненужной стариной.*

*В сыром углу, в тени, совсем у входа,
В кустах направо – серо-белый куб.
На кубе – пирамида. Видно: годы
На мраморе точили долго зуб.*

*Зеленые подтеки с медальона
Сбегают в порыжелую траву.
Себе на память пестрый листик клена,
Прощаясь с этим местом, я сорву.*

*А за оградой нарваны газеты,
Из кабака наяривает джаз,
И черные Родольфо и Мюзетты
Следят за мной с недобрый блеском глаз.*

*Но вот ночами осенью бездомно
Шатается здесь ветер по углам,
И некому ходить к ограде темной
На свет луны с неоном пополам.*

*Лучи неона, листья вороша,
Играют переливами пожара,
И реет в них чужая всем душа
Не страшного – забытого – Эдгара.*

ПЛЕСЕНИ

*Вечер был самым обычным:
Длинные тени измаяв,
Низкое солнце улыбчиво
Щурило веки у мая.*

*Грела огнем изумрудным
Озимь за пыльной дорогой.
Что же упорно и нудно
В сердце топталась тревога?*

*С запада быстро по озими
Двигалось белой грядкою,
Дыбилось космами козьими
Что-то, что было бедою.*

*Землю с зеленою весной,
Камни, селенья и воды
Крыло взъяренною плесенью,
Пухлой и белобородой.*

*Схваченный серыми космами
Видел за краем в тенетах:
Красные угли разбросаны.
– Это глаза их без счета.*

ЗНАМЕНИЕ

И поверг сидящий на облаке серп свой на землю...

Откр. св. Иоанна, 14,

*Это я видел давно:
Влажной июльской ночью
Знаменье было воочию
Тем, кому видеть дано.*

*Ливень ночной прошумел.
Влагой овсы напитались,
Ржи распрямиться пытались
В саване, белом, как мел.*

*А на небесном краю
Красный и грозный, как клятва,
Серп возносился для жатвы –
Выжать всю землю мою.*

*Долгие годы прошли.
Вот он, незримый, но знаемый,
Вот он, – когда-то как знаменье,
– Серп над полями Земли!*

ЧЕРНЫЕ МОЛНИИ

*Небо было белесое
От ночного бледного гнева
И глухо гремело колесами
По тучам булыжным в огне:*

*Облака изнутри раскалялись,
Как тугая лава вулкана,
И внезапно стеклом раскальвалась
Огромная черная рана:*

*– Из чрева, злобою полного,
Из красно-каленой тучи
Вырывались черные молнии,*

Извиваясь змеею текучей.

* * *

Да, Боже! Воскресни , суди земли,
Зане исполнилась хулы и скверны.
Из глубины воззвах к Тебе – внемли
Усердному моленью верных:

Да лики въяве узрим мы в нощи
Твоих многоочитых серафимов,
Да выйдет солнце пламенем свечи
В клубах земных последних дымов!

ПРОБЛЕСК

*Я в ресторане ждал,
Пока мне подадут.
Был ресторанный зал,
Был вязкий запах блюд.*

*Но я был, как во сне,
Без воли и без сил.
Я слушал, как во мне
Секунды рок гасил.*

*Но ярче и ясней
Я видел всё кругом,
Как будто бы тесней
Стал мир в мозгу моем.*

*И мучили мой мозг
И свет от ламп, и джаз,*

*И стен зеркальный лоск...
Я ждал: пойму сейчас,*

*Что лампы свет прольют
На то, что всё обман:
И клейкий запах блюд,
И дымный ресторан.*

МЕДУЗА

*Если закроешь глаза,
То начнет темнота шевелиться:
Точно корнями лоза
Прорастает, и гроздьями лица,*

*Пятна, клубки и огни
На ветвях заплетенных приносит.
Только тускнеют они:
Чьи-то руки незримо их косят.*

*Тускло-зеленая мгла,
Как подводные, мертвые глубы...
Если бы только смогла
Увидать, что мгла эта губит,*

*Бедная наша душа
Со своими глазами слепыми!
– Жди, затаись, не дыша:
Зашевелится мгла и обымет.*

*Вот и увидишь тогда –
Разрешатся незримые узы,
Станет прозрачной вода,
– И засветят в ней очи Медузы.*

СТАРЫЙ ДОМ

*Этот дом – очень старый, –
Очень рыхлый – как трут, –
Не боится пожара:
Оттого, что не тут.*

*Я в него попадаю
Иногда по ночам.
Паутина седая
Ниспадает из рам.*

*В этом доме когда-то
Жил мой прежний двойник.
Он оставил зачатый
И забытый тайник.*

*В этом доме – я дома,
Но чужой в нем теперь.
– И со скрипом знакомым
Открывается дверь.*

*Но на ощупь как губка
Тут доска за доской
И ломается хрупко
У меня под рукой.*

*А за дверью – потемки,
И как будто вода:
Я теряю обломки
И всплываю – сюда...*

НОЧНОЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Просыпаюсь тогда после двух:
На стене умирает
Фонарный призрак окна,
И тень от деревьев играет
Бесшумно, как дух,
И по саду ходит луна.

И сумерки бродят в саду,
Заползают под крышу,
Ищут чего-то и там, и тут,
Ветром порывисто дышат
В лунном прозрачном бреду
И меня обратно зовут.

Но тот, кто был тут со мною, —
Стоял у самой постели
И лба касался рукой,
Уходит, и дымной куделью
Он тает, влекомый луною
В холодный бездонный покой.

И СЕБЕ Я ПРИСНИЛСЯ ВЫХОДЦЕМ

Неволью к этим грустным берегам

Меня влечет неведомая сила...

Пушкин

...А стена ходила по свету и пугала людей.

Народное преданье

*Хорошо было князю живьем:
Захотел – не пошел и остался!
Ну, а мы как в потоке живем:
То есть тянут незримо за галстух.*

*Я в дома прихожу, точно тать,
Поднимаюсь по лестницам, смутный,
У дверей дожидаясь, и спрутом
Сила тянет меня пребывать.*

*Я при жизни не верил в хожденья, –
А теперь – без меня не глотнут.
Да и я не совсем привиденье:
Только чувствуют – где-то я тут.*

ПТИЦА

*Чрез города, леса и степи
Я путь скитальца устремил,
И всюду слышу тяжкий трепет
И вижу тень от жестких крыл.*

*Неутомимо и упорно,
Скользя незримо за спиной,
Шурша крылом, как ворон черный,
Она всегда следит за мной.*

От дуновения полета

*Бегут холодные струи,
И в них колючей дрожью кто-то
Вздымает волосы мои.*

*Тень от нее на всё ложится ...
Ей весел жалкий ужас мой.
Так смерть бесшумной, хищной птицей
Повсюду следует за мной.*

ДНИ

*Из них какой-то будет предпоследним,
Но я того не осознаю дня,
Когда судьба своим незримым бреднем
Уже потащит на берег меня.*

*Последний день – о, этот будет важным:
Когда под сердцем холодеть начнет,
Дела земные вдруг многоэтажно
Нахлынут в грудь, где всё наперечет:*

*Удары сердца, кровь, тепло и воздух...
И всё, припомнив, надо потерять!
– Но предпоследний день – ленивый роздых –
Пройдет, как все другие, – зря.*

ТАМ

*Вот, когда мы умерли, запели
Синие туманы, как во сне.
Струями прозрачными, без цели,
Так мы заскользили в глубине.*

*Ласково сияния и звоны
Близятся клубящимся кольцом:
Радость отошедших, Персефона,
Светит затуманенным лицом.*

*Падая в пространство голубое,
Мы совсем забыли в этой мгле,
Что когда-то умерли с тобою
Где-то на потерянной земле.*

ПОДЪЕМ

Поднимайся! – Вверху на горе...

Вера Булич

*С усилием надо мне брести в горах, пока мне
Не станет тяжело и смутно, как в бреду, —
Но всё-таки бреду по кремню и по камню,
Карабкаюсь, ползу, встаю и вновь бреду.*

*И выбился из сил, и вот она, вершина,
И вот внизу туман, как белая вода.
Я всё свершил: вверху светло, пустынно...
Дорога кончилась: отсюда – в никуда.*

ДВОЙНИК

Юрию Терапиано

...Я не тушил священного огня...

Книга Мертвых

Рубин – материал для лазера.

*Двойник, мой автор и хозяин!
Из самых призрачных глубин,
С каких-то брошенных окраин
Идет твой зов. И как рубин,*

*Источник сжатого света,
Ты шлешь приказы «да» и «нет» –
И я зову – но нет ответа:
Ты гасишь свой сигнальный свет*

*Затем, чтоб я, твое орудье,
Решал тебе и «нет», и «да».
Вот я умру. Но, как в сосуде,
В тебе пребуду навсегда.*

ШАХМАТЫ

Пятая книга стихов

(Вашингтон, 1974)

*Диалог мозговых излучин,
Где сияет движенье шахмат...
Олег Ильинский*

ВСТУПЛЕНИЕ

ШАХМАТЫ

Тиамат – начальная тьма.

Сумерийские мифы

*Блестят фигурки на доске –
Ладьи, слоны, цари и кони...
Сверлит упрямо боль в виске
И к проигрышу ходы клонит.*

*И это мир. Когда-то хаос,
Он превращен в закон игрой.
Я прячу голову, как страус,
Во всё, в чем есть закон и строй.*

*Но уберут фигурки в ящик,
Когда дадут последний мат,
И будет снова настоящий
Бессветный хаос – Тиамат.*

X=0

НЕ МОГУ

...Он знает петушиное слово...

*Вспетуши ты сказанное слово –
И сейчас же рассеется ночь,
И конец будет царствия злого,
Упыри кувыркнутся и – прочь!*

*Упыри-то – они разнообразны,
А сидят они, может, во мне.
Ну, а прочим, которым обидно –
Успокойтесь: бывают вовне.*

Вот немного ещё – и припомню,

*Шевельну языком и скажу.
А вот лезет на ум всё не то мне,
А вот сел и копною сижусь.*

*Не могу. Позабыл. Не машина.
Не колдун. В голове, как засов.
Или больше уж нет петушиных,
Этих самых, которые – слов?*

МАЯТНИК

...Ходит-машет, сумасшедший, Волоча немую тень...

Иннокентий Анненский

*Это маятник – раз и два,
С замедленьем – едва-едва.*

*Он качается день и ночь,
И никто не может помочь,*

*Оттого, что оно как вода:
Измерение, время – куда? —*

*Ускользает и катится прочь,
И никто не может помочь.*

*Ну, а маятник – это я,
И в законах стоит статья:*

*С каждым взмахом катиться, скользя,
И помочь ничем уж нельзя.*

ОТРЕШЕНИЕ

Тихо, в безветрии, ночью листва опадает

на травы...

Алексис Раннит, «Отрешение»

*Ты уходишь, и падают листья –
Точно дни опадают с меня,
Точно кто-то широкою кистью
Начал лица и краски менять.*

*Ты уходишь и ты не узнаешь
При нечаянной встрече меня.
Так из церкви домой возвращаясь,
На ветру не доносят огня.*

*Неизбежно и нужно дождаться
Опустелого долгого дня:
Мне до вечера будет казаться,
Что ты, может быть, вспомнишь меня.*

* * *

*Время совсем как вода течет:
Скоро придется давать отчет,*

*Как это время ты зря провел,
Как пустоцветом напрасно процвел.*

*Верно – не скроешь – конечно – всё так:
«Жизнь начинается завтра, простак!»*

*Завтра – но завтра начало конца:
Завтра – как серые плиты свинца.*

*Всё опадает, как в осень листва, –
Счастье-несчастье, дела и слова.*

*Да, но ведь что-то должно было быть,
То, что живет и чего не забыть.*

*Да вот слова... Неужели и те, –
Те, что казались ключом к красоте?*

В ЦЕРКВИ

*Я отравлен, точно трупным ядом,
Злобою, своею и чужой.
Ближний мой! Не стой со мною рядом
Ты и я – тлетворны мы душой!*

*Я устал скрывать и ненавидеть,
Но другой дороги не найду.
Только Ты бы мог сказать: «Изыди
Из своей могилы на ходу!»*

*Дым кадильный и слова канона...
Но помогут ли и как спасут?*

*Византийского письма икона –
Строгий лик вещает строгий суд.*

*Всё ушло: расколы и витии,
Но остался Незакатный Свет.
Через храмы тяжкой Византии
Путь ведет в Твой бедный Назарет.*

*И пускай на миг, но я светлею:
Я в дыму кадильном, точно сон,
Голубой, как небо Галилеи,
Вижу Твой синеющий хитон.*

СТИХИ О ГИПЕРБОЛЕ

Стансы любовные

$$- x^2/a^2 - y^2/b^2 = 1$$

Уравнение гиперболы

*Ваше гиперболическое величество!
Я, квадратик графленой бумаги,
Квадратик, которых огромно количество,
От любви исполняюсь безумной отваги.
Вами выражаются эластичность и электричество,
Вы скользите изгибами изотерм –*

И иные нахожу для вас я термины!

*– Лебединой шеей, женственной линией,
Порывом свежим вешнего ветра,
Вы скользите в пространства бездонно-синие,
Рожденная в мысли Великого Геометра!*

*Не скучная парабола, не тупая прямая, –
Стремительная, как Люцифер,
Вы, гибким броском взмывая,
Летите, танцуя, под музыку сфер.*

*Я, крепостной координатной сетки,
Жалкий полип на скале числа,
Молю, чтобы на эту самую клетку
Судьба уравнений вас привела.
Войдите в меня, рассеките, пронзите!
И после того – пусть удел мой – забвение!
Будьте моею на миг, о, пленительная,
И на миг, но мое примите значение!*

СТАРУХИ

Ну и ну, ну и дела, как сажа бела...

Игорь Чиннов

*Две дамы-старухи нудно
Суются в мои дела.
Дела эти скучны и скудны:
Дела – как сажа бела.*

*Одна – хлопотлива, седая,
Бубнит всё время под нос.
Другая – в тени оседает;
Вот эта – совсем без волос.*

*Почтительно им уступаю,
Но сердце так и кипит!
– Тенета плетут, наступают:
Ни та, ни другая не спит...*

*Помочь не может мне ярость
В неравной глупой борьбе-с.
– У одной фамилия – «Старость».
У другой – ну, тоже на «С».*

$X = 0$

*Алгебраического смысла
Ищи и в счастье, и в тоске:
Мы для кого-то только числа
На разлинованной доске.*

*Выводит Высший Математик
Для нас неведомый итог,
И каждый маленький квадратик
Зовёт всё это словом: «Рок».*

*Мне рок запутал уравненье,
Свел в нерешимый интеграл
И, дав мне мнимое значенье,
Стереть с доски не пожелал.*

*Но я нашел ответ короткий,
Анестезирующий боль,
И мне осталось только четко*

Теперь в конце поставить ноль.

МОЗГ

** * **

*Разделю себе скальпелем голову,
Серо-розовый мозг извлеку,
И с него, беззащитного, голого,
Струйки боли и кровь потекут.*

*И его по курчавым извилинам
Буду рвать остриями ногтей.
Распластаются мысли бессильные
И мой мозг не захочет хотеть.*

*И останется мертвое месиво
На стекле синеватом стола,
Но двойник засмеется, и весело
Отзовется дрожанье стекла.*

СВИДЕТЕЛЬ

*Я блуждаю в сырых переходах,
В погребках и ямах промозглых,
Заключенный на долгие годы...
Или это – извилины мозга?*

*Точно вздохами, мерной капелью:
«Это ты? Это там? Кто со мною?»*

*Шелестит в тишине подземелье.
Или это шаги за спиною?*

*Он не виден. Он как паутина.
Точно тень, в закоулках таится.
Он двойник. Он тебя не покинет,
Он подходит к самой границе.*

*Ты не знаешь – когда, но когда-то
Вдруг блеснут зрачки пред тобою,
И тебя на прощанье, крылатый,
Он коснется холодной губою.*

ПРИВИДЕНИЕ

*Настойчивый ветер обшаривал
Весь вечер извилины труб,
И с ветром, сипя, разговаривал
Сугроба горбатого труп.*

*Я знал, что готовятся ужасы,
Но некуда было уйти.
Я слышал, как пухнет и тужится,
Как близится что-то в пути.*

*А ночью кладбищенским выходцем
В окошко царапался снег.
А ночью с глазами на выкате
За тьмою следил человек.*

*И утро еще не маячилось,
И брезжить ему было лень,
Как в дальнем углу обозначилась
Костлявая белая тень.*

ОНИ

*Эти возятся ночью и стелются,
Греются на свете фонаря,
Прилипают на миг к постели,
Шелестом со спящим говоря.*

*И льются из комнаты в комнату,
Но любят там, где не спят.
Собираются целые сонмы там,
В одеяниях серых до пят.*

*Они – из потемок варево,
Но это – не наша еда:
Увидишь – и не заговаривай, –
А не то тебе скажут – когда...*

ВЕТЕР

*Это – как будто костлявые пальцы:
Ветер по крыше ветвями скребет.
Это – как будто подкрышные мальцы
Возятся, бегают взад и вперед.*

*Всё — как обычно: и садик, и дом...
Только, как взломщик, вползает тревога.
Только, как ветер, метет чередом
Темной судьбою в душе у порога.*

*Этот порог – между «было» и «будет»...
Это – под крышкой моей черепной
Возится житель проворный ночной...
Это – царапает ветер и будит.*

ДРАКОНОГРАММЫ

ОТВЕТ

Степану Стаскевичу

...И бросьте во тьму внешнюю...

Матф. 22, 13

*Ну вот, луна – сухая россыпь,
И оспины от падавших камней;
Рубцы калош – тугая поступь
Людей, свой след оставивших на ней.*

*И мячик Марса красноватый,
И кратеры, – такая же луна,
На снимке мутном автомата
Из тьмы, с бездонного пустого дна.*

*Да, и Венера – ад нездешний,
Смертельный газ и тусклый, пыльный жар
И жизни нет, и тьмою внешней
Одет наш голубой и белый шар.*

*Мы знать хотели непременно.
Нам всё изведать надо до глубин.
И вот ответ – во всей Вселенной
Ты, человек, – один!*

ДРАКОН

*Драконограмма пришла
Из пространств: «Поглощаю».
Астрофизиков всех
Суматоха трясла
(Был и зависти грех):
«В Паломаре уже совещанье:
Сообщают, что то вещество...»
«Нет, но это уже существо!»
«Ах, оставьте, – ведь антиматерия...»
В инфракрасном – какие-то перья:
Это спектр поглощенья.
Поглощенья – кого?..
А на Млечном угластою тенью –
Существо? Вещество? Естество?
Да и Путь-то не прежний, а бледен,
И как будто местами изъеден.
И всё ближе драконово слово:
«Поглощаю свеченьем лиловым».*

РЫБАНГЕЛЫ

Игорю и Наталии Воцциным

Вместо эпиграфа: см. Апокалипсис

и теорию расширяющейся вселенной.

*И я был в духе в день седьмой
И сферу зрел, подобную кристаллу:
Она живой была и ширилась в пространство,
Пятнистая подобно шкуре леопарда.
Но пятна тоже были как живые,
Росли, и двигались, и умирали.
И были овые черны, как уголь,
И овые цвели, как яспис и сардис.
Под пятнами же плавали, как рыбы,
Пером спинным касаясь пятен,
Живые сущности в той сфере,
Имели лики и очьми глядели,
Но, от питанья спасены, ничтож снедали,
И были мысленны, а не телесны.*

*И мне открылось в духе, что те пятна
Всё были человеки в сей земной юдоли,
А рыбы чрез перо спинное
Снабжали человекoв мыслью.*

ПЛАНЕТЫ И ЗНАКИ

1. МЕРКУРИЙ

Раскинулись дали

И бездна поет.

Крылатых сандалий

Стремителен лёт.

К. Гершельман, «Персей»

*Скорее, скорее, скорее –
Такой же подвижный, как ртуть,
Меркурий, Мор Курий, – он реет,
Чтоб искрою быстрой сверкнуть.*

*Гермес Трисмегист на Скрижали,
Холодное знанье судеб:
«Что сеяли, то и пожали,
Когда вы войдете в Эреб!..»*

*Сожженной малой планетой
Себя знаменуя вовне,
Так, в Деве осенней в огне ты
И темен в весеннем Овне.*

*Ничто и Никто станет Некто.
Не злой и не добрый, – ничей –
Ты – тусклый фонарь Интеллекта
Над хаосом древних ночей.*

2. САТУРН

*Тусклый, свинцовый взгляд.
Вечный смертельный холод.
Всепожиряющий яд,
Хронос, костистый голод!*

*Шар на фоне колец –
Точно глава на блюде.
С Хаосом древним ты, злец,
Смертью прижит был во блюде.*

*Звезды в тумане чадят.
Время застыло льдиной.
Но пожираешь ты чад,
Вздыбив свои седины.*

*Кто вам сказал, что весна,
Счастье, что небо лазурно?
– В черных провалах, без сна,
Видит вас око Сатурна.*

3. СОЛНЦЕ

*Голые камни оглоданы жаром,
Скалы ожгут, как печь.
Ты над пустыней в сиянии яром
Будешь парить и жечь.*

*– Во Льве золотом ты венчан, царь,
Ваал в раскаленном чреве,
Ты – Огнь Поядающий, ныне и встарь,
Ты – плод на небесном древе.*

Эллипсы нижутся тонкою вязью:

*Ты из каких-то ужасных глубин
Сгустки с кометной светящейся грязью
Тянешь уловом вечных годин.*

*– Сын Желтых Драконов и сам дракон,
Творя, пепелящий творимое, Шива,
Питаемый жаром атомного сшива,
Зовомый Соль или Сон!*

4. ЛУНА

И сладостен, и жутко безотраден

Алмазный бред морщин твоих и впадин...

Максимилиан Волошин

*Ну, что такое? – Кружится планетка
Вокруг земли, и, вот, по ней ходили:
Навеки на луне осталась метка
Шаги людей по первозданной пыли.*

*Но, зеркало ночей моих бессонных
И синий свет над снежными полями,
Луна колдует из глубин бездонных
С бесчисленными голыми нулями.*

*Ты – серп Дианы, полный лик Селены
И темная безликая Геката!*

*– Ступени крыши спускаются покато, –
Лунатик замер: ждет и хочет плена...*

*Холодным сладострастьем тихо тлея.
Холодная, приبلудная планета,
Ты, в сизо-черной глубине светлея, –
Астральная обманная монета.*

5. СКОРПИОН

*В глухую ночь из зыбей водных
Всползает медленно и он,
Членистоногий и холодный,
И ядовитый Скорпион.*

*Светясь едва, глубоководно,
Клешней вонзаясь в небосклон,
Несродным двум стихиям сродный,
Он – двух враждебных сил закон.*

*Он порожденье вод глубинных,
И яд его — как яд змеиный.
Но вот на влажной тьме небес*

*В паучьих лапах и суставах
Огнем несытым и кровавым
В нем светит уголь – Антарес.*

6. СТРЕЛЕЦ

*Когда злонравный Сагиттарий
Тугую тянет тетиву,
То для него Новембрий хмарью*

Свинцовой кроет синеву,

*Чтоб мог неведомо и тайно
Вершить планетные круги,
Дабы не зрелись и случайно
Его тлетворные шаги.*

*В такие дни скорей понятен
Закон земных враждебных пут.
В такие ночи резче внятен
Неотвратимый счет минут.*

*Тогда в просветах неба черных
Мерцает Северный Венец,
И громче слышен голос норны,
Предвозвещающий конец.*

*И смутно видны очертанья
Средь поздних звезд подъятых рук:
Стрелец восходит тусклой ранью
И молча напрягает лук.*

*Она не оставляет знака
И точно луч звезды легка, —
Когда слетает с Зодиака, —
Стрела Небесного Стрелка.*

ПАМЯТЬ

БАЛТИКА

Ноне Белавиной

*Нашу память тревожат руны,
И обрывки песен нас манят.
Вспоминаются волны и дюны,
И суровые лица в тумане:*

*Мореходы – гребцы и юнги,
Бородатые конунги, скальды...
– Мы – балтийские нибелунги,
Вальдемары, Олеги, Рагнвальды.*

*Нибелунги – люди туманов
И упорной, тяжелой думы,
И на оклики черные вранов
Отвечает нам бор угрюмо.*

*И пускай нам старые норны
Предвещают беду и горе –
Мы, как наши думы, упорны,
Всё равно, мы пускаемся в море.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Всё это было, конечно, во сне:
Ветер, мороз и луна на сосне.*

*Время и место ступили назад:
Вот, – я вернулся и опрошенный сад.*

*Нет никого в этих старых местах:
Возится ветер в обмерзших кустах.*

*Лунные сумерки, нежить и мгла.
Всё позабыть тишина помогла.*

*Только какая-то тонкая нить
Хочет дорогу назад сохранить.*

*Снег и молчание ночи немой:
Вот что нашел я, вернувшись домой.*

*Снег засветил синеватым свинцом:
Месяц-мертвец наклонился лицом.*

МОЛОКО

...Свидетель

Великого и подлого, бессильный

Свидетель зверств, расстрелов, пыток, казней...

И. Бунин «Пустошь»

Я тоже был свидетелем бессильным
Расстрелов, зверств, насилий, пыток,
Но этого всего вам не расскажешь:
И слов мне не найти, и даже хуже –
Меня не будете вы вовсе слушать:
«Ах, это всё уж мы давно слышали!..»

Но я вам расскажу про мелкий случай.
Совсем пустяк, когда сравните с пыткой;

Пословица такая есть: «Не надо
Над молоком пролитым плакать!»

Я видел это. Я хочу оставить
У вас занозу в памяти навек.

Я рос в уездном городке – убогом –
Когда-то Ям, потом казенный Ямбург,
Как Миргород,
Был «нарочито невелик», без «фабрик».
Продукция – капуста, клюква,
Картофель и другой нехитрый овощ.
«Кругом леса из черных елей
И мхи заржавленных болот...»
Был в географиях указан кратко:
«...А промысел – сдают в наем квартиры
Для офицеров N-ского полка...»
Так при царях. Потом Февраль, Октябрь,
Ходили с красным бантом, говорили,
Потом «искореняли классовых врагов»,
Потом – потом взаправду голодали
Ввиду того, что немцы под шумок
Вплоть до Наровы фронт свой протянули,
А там до нашей Луги – двадцать верст,
И ничего оттуда не укусишь!
У нас: «леса из черных елей
И мхи заржавленных болот»,
А на восток – голодный Красный Питер.
Продкомы продналогом кулаков
Искореняли там, где находили,
И, значит, некогда кормить нас было...
А обыватель, «гражданин» отныне,
Сосал, как мог, нехитрый овощ
С четверткой хлеба (тоже не всегда).
Коров поели: «Мясо – государству!
А вот не хочешь ли сенца!»
Положим, не было и сена тоже,

А с молоком – «Хучь плачь!»
Ребята плакали и тихо мерли.

Но видит выход красный гений,
Где обывателю дан мат:
Всегда, везде без исключений
Восторжествует диамат!

Тут диалектики мерцанье
Во тьме кромешной – верный свет,
И отрицанье отрицанья
Сведет прорехи все на нет.

Похабный мир нейтральной зоной
Снабдил рабочий парадиз,
И се – мужик там без препоны
Все производит, как на приз!

От станции Комаровки
До станции Дубровки –
Ржавые рельсы, пустые вагоны.

От деревни Дубровки
Застучали подковки –
Везут с молоком бидоны!

Да вот когда еще придут!
Да привезут еще в обрез...
Растут хвосты морского чуда:
Впотьмах народ в хвосты полез!

Быть может, вам перед билетной кассой,
Бывало, нужно было постоять,
Ну, полчаса, и то казалось долго.
А тут с пяти часов утра стоишь на месте
Часы, часы, не двигаясь совсем.
Вот, привезли! И дрогнул хвост, и замер.

Но драгоценность надо кружкой мерить,
Но надо с карточек купоны резать.
И надо сдачу марками давать
С квадратных керенок, зелено-красных
И желто-бурых: сорок, двадцать.
Увы! совсем мифических рублей!

– Народ, конечно, ждамши озверееет...
– Оно, опять, с утра не емши...

За месяцы друг к другу пригляделись:
Вот баба с носом, та – совсем без носа.
А этот вот – очкарь «интеллигент».
Мне женщина запомнилась одна –
Наверно, раньше звали дамой.
Теперь худая, с виноватым видом,
С испуганными серыми глазами.
Иной раз девочка к ней приходила,
Ну, приносила хлеба и картошки.
У девочки такие же глаза
С голодной синевой под ними.
Ей шепотом: «Не стой здесь,
Иди, за маленьким смотри...»
Кто эта женщина – не знал никто;
Ее буржуйкой бабы злыдни звали.

Так вот, она однажды получила,
С манеркой со ступенек шла,
А тут вдруг слух: «Бидон последний,
Вот те получают, а вот эти – нет!»
Ну, бабы ринулись ко входу
И у нее манерку вышибли из рук.
Я никогда не видел, чтобы так бледнели.
Она белела, точно молоко.
Потом нагнулась к белой луже,
И я услышал странный звук – икоту.
Так плакала она

И молоко лакала, как собака, —
Конечно, чтобы не пропало...

КОТ

Андрею Фесенко

*Сильный насморк у кота
И простуда живота.
Расчихался старый кот
И хвостом сердито бьет.
Он не хочет молока,
Не причесаны бока,
Скисла рожница, как гриб:
Кот совсем, совсем погиб!*

*Ну, а кто виноват?
Ходит кот ночью в сад,
И не так уж давно
Подглядели в окно:
В ранний час, поутру,
По сыру, по мокру,
По дорожке с песком
— Ходит кот босиком.*

ОРХИДЕЯ

*В сырых лесах Мадагаскара,
Средь лихорадочных болот,
Струя таинственные чары,*

Цветок неведомый растет.

*Как крылья бабочек пестрея,
С земли взбираясь на кусты,
Пятнисто-белой орхидеи
Цветут жемчужные цветы.*

*Болото влажно пахнет тинной...
Но, заглушая терпкий яд,
Переплетаясь с ним невинно,
Струится тонкий аромат.*

*А из-под листьев орхидеи,
Свисая с веток и суков,
Выходят матовые змеи
Бессильно нежных черенков,*

*И кто в кустарник заплетенный
Цветами странными войдет —
Тот забывает, опьяненный,
Весь мир и запах нежный пьет.*

*Он видит дивные виденья,
Неповторимо сладкий сон.
И в неизбывном наслажденьи
Безвольно долу никнет он.*

*Над ним качает орхидея
Гирлянды бабочек-цветов.
К нему ползут бесшумно змеи
Бессильно-нежных черенков.*

*И в тело медленно впиваясь,
И кровь и соки жадно пьют
И к обреченному спускаясь,
Цветы острее запах льют.*

ESTONICA

Алексису Ранниту

1. Лесная опушка

...В лесах моей Эстонии родной...

В. Кюхельбекер

*Корою красной светит бор сосновый
И мелкий ельник – яркий изумруд.
Круги седые паутин с основой
Упругой вздрогнут в ветре и замрут.
Всё тихо. Только шорох быстрой белки,
Да вот малиновый капорский чай
Качнется и наклонит стрелки,
В стремительном полете невзначай
Задетый шелестящей стрекозою.
И снова тихо. С рыжего ствола
Спускается янтарною слезою
Из трещины пахучая смола.*

2. Белая ночь

*Совершенно жемчужный свет.
Совершенно стеклянная тишь.
– Ты, река, зеленеешь в ответ
И плавучие травы растишь.*

*Оседают в лесу туман
На колючем еловом ребре.
Ты подумаешь: это – обман,
Это – северный сон в серебре.*

*Совершенно немой покой.
Точно жизни и смерти порог.
Над совсем неподвижной рекой
Затуманенный воздух продрог.*

3. Прибрежье

*Весь день с болезненной зари
Сечет упрямыми слезами,
И в тусклых лужах пузыри
Играют бычьими глазами.*

*Песок на тяжких дюнах плотен,
И скрыт завесою седой
Туманно-дождевых полотен
Залив с тяжелою водой.*

*Сойди к воде. Вода уводит
Куда-то к викингам домой.
Зеленой, древнею волной
На запад Балтика уходит.*

4. Золотой дом

Kuldne kalevite kodu...

(Золотой дом, родина калевов ^[4])

*До самой старости, покуда жив я,
Я не забуду полевой тропы:
Я помню жарко-золотые жнивья
И гладкие, хрустящие снопы;*

*Зеленый ельник, солнцем разогретый,
Стеной по краю выжатых полей,
И радостный покой тепла и света,
Усталость гордую в руке моей.*

*Густую синеву родного неба
И облака слепяще-белый ком,
И вкус коричневого ржаного хлеба
С салакою и кислым молоком.*

5. Старый Таллинн

Страшный переулочек (Vaimu tanav)

и Короткий подъем (Liihike Jalg) –

улицы в старом Таллинне

*Серый, тугой плитняк.
Стены щербатой кладки.
Древен был известняк,
Стары были лопатки.*

*Башни ждут над тобой:
Ночью колдует Таллинн.
Позднего часа бой
Медлен, разбит и печален.*

*Светит зеленый газ.
Шаг отдается гулко.
Ты не ходи сейчас
К Страшному переулку.*

*Втиснут в стенных камнях
Вход на Малом подъеме.
Ходит Черный Монах
Плоскою тенью в доме.*

*Может быть, где-то вслед
Карлик тебя окликнет:
«Город за много лет
Весь ли достроен?» – Не пикни!*

*Молча махни рукой:
«Нет, не достроен Таллинн!»
– Если достроен, рекой
Смоет в залив он морской
Город грудой развалин.*

6. Эстонец и камень

*Сыпучий снег летел в норд-осте
И каменел в тисках луны.*

*Ледник пахал поля до кости
И щедро сеял валуны.*

*Они твой лемех ждут со злостью,
Украдкой, точно колдуны.*

*Но вот столетья эст упрямый
Катал окатанный гранит,
И розовато-серой рамой
Теперь валун поля хранит.*

*И плуг идет легко и прямо:
Упрямый труд – ты сам гранит.*

7. Тот, кто остался

*Враг уже на эстонской земле –
Некуда отступить.
Слева сосед – на сосновом комле,
Справа – пустая гать.*

*Сзади стоит отцовский дом,
Он пока еще цел.
Каждый куст здесь стрелку знаком.
В сердце – каждый прицел.*

*– Умирили викинги, стоя,
Непреренно с мечом в руке.
У него наследство простое:
Ледяная решимость в зрачке.*

*Но всего дороже на свете
Ему вот эта земля,
И вот чахлые елки эти,
И в камень свои поля.*

*И высокий удел немногих
Обозначен ему в облаках:
Умереть на своем пороге
С трехлинейной винтовкой в руках.*

ИЗ АЛЕКСИСА РАННИТА

Переводы с эстонского

1. Полигимния

Медленным шагом вступаю я в храм твой, высокая муза,
Темен, упряма, – неофит, – скромна, как странник аскет,
Встал пред тобою, смущенный, и крылья мои потемнели.
Слушаю, как ты во мне ритмом пространство зажгла.
Дории звуки немые! Раздел и суровый, и гордый,
В трезво-могучих чертах он простотою пьянит,
Контуром хладным рисунка. Фронтоны, рельефы и фризы
Вместе с рядами колонн – истина их в чистоте.
Тихо я снова вступаю под сени их ясности строгой,
Робко встаю пред тобой, Дева, Творящая Гимн, –
Муза, моя чаровница! Свое заклинанье, как пламя,
Произнеси и заставь стих неумелый запеть.

2. Отрешение

Тихо, в безветрии ночью листва опадает на травы,
Точно касается дождь чутко уснувшей земли.
Первый призыв тишины. И последняя жалоба ветра.

Лист, говоришь ты с листом? Или с собою, душа?
Падают листья. И вижу, как месяц на хрупкой рябине
Точно в рубашке дитя, тощее, в ветках сидит.
Смотрит оттуда, как мертвый. Из дали глаза остеклянил.
Губы скривил и молчит. Машет мне белой рукой.
В замкнутом круге брожу я. В блужданье безвыходность
давит.
Ночь – безысходный тупик. Только остались одни
Листьев, как птиц, переклички. И песнь обреченной цикады.
Путь отрешения, рок. Зов совершенного – смерть.

ЭСТОНСКИЙ ЯЗЫК

– Luule on leek,

mis on kasvamas allapoole.

Aleksis Rannit

Поэзия – пламя,

Плывущее вглубь.

Алексис Раннит

Peoleo – иволга

*Стихи – цветы над целиною слова,
Над корневою тканью языка,
И нам звучит таинственно и ново
Другой язык цветением цветка.*

*И вот язык моих упрямых предков,
То светлый, как ласкание волны,
То твердый, как кремень, то зло и метко
Летящий в цель, то смутный, точно сны.*

*Как объяснить мне иволгу лесную
И дробную апрельскую капель?
Певучих гласных музыку двойную,
На «р», как гром, раскатистую трель?*

*Стихи на этом языке, как пламя,
Плывут неувовимо в глубину,
Плывут голубоватыми огнями
В свою, в тебе сокрытую, страну.*

IN SOMNIS

ЗМЕИ

Da inde in qua me fur le serpe amiche...

Dante Alighieri, Inferno. Canto XXV

Мне с той поры друзьями стали змеи.

1. Рассказ

*Объяснять бесполезно –
Это было вот так:
В облаках был железный
И наломанный мрак.*

*И откуда-то снизу –
И до облачных дох –
Фиолетовой ризой
Поднимался сполох.*

*Этот цвет аметиста –
И не синь, и не бел, –
Был и ярким, и чистым,
И горел, и кипел.*

*Я бежал по дороге
К этой сказке огня.
Но хватали за ноги
И держали меня*

*Те, кто делом и словом
Не пускали на смерть.
Но свеченьем лиловым,
Как магнит, была твердь.*

Вот и стали кружиться

*Свет и тени вокруг.
Вырывалось, как птица,
С хрипом сердце из рук.*

*Подо мною, в провалах, –
И до выжженных туч –
За лучом вырывало
Электрический луч.*

*И, вздымаясь, как дуги,
Били струи, звеня,
Синевато-упруго
Привиденьем огня.*

*И с шипеньем змеиным,
Поднимаясь на хвост,
Жалом тонким и длинным
Достигали до звезд.*

2. Змеи

*Конечно, старьевщик дал эту сдачу:
Четыре доллара он смял в комок!
Вини себя за эту неудачу:
Бумажки тут же просмотреть бы мог.*

*В карман их сунул просто. А покупку
Рассматривал: случайно свет упал
От ламп на створку раковины хрупкой,
И вспыхнул в ней павлинами опал,*

*И надпись с тонкою резьбой на створке:
«Привет из...» и потом: «...тебя мы ждем!»
Привет откуда? – Ищем на конторке
Другую половину – не найдем!*

*И вот теперь фальшивая кредитка:
Как будто доллар сверху, а внизу
Коричневый рисунок — точно выткан —
И буквы непонятные ползут.*

*Какой-то город, южный и у взморья,
И роца куцых пальм; на берегу
Лежат обломки плитняка, и горе
Причалившим сюда: вот я могу*

*Скелеты различить в прибрежных ямах,
А из воды ползут на плиты скал
Всё змеи тонкие, ползут до самых
Покинутых домов. И зол оскал*

*Пустых безлюдных башен, стен и зданий.
— Но это ведь бумажка для детей!
И надпись поперек: «Мы ждем свиданья!
Цена билета. Прибывай скорей!»*

3. In somnis

*На дальней вилле Люция Марцелла
В ту ночь мы пировали до утра.
Вино не веселило — праздник тела
Угарным, душиным был, как дым костра.*

*Мы в лабиринте лавров возлежали.
И вот при первом сером свете дня
Я в поле вышел посмотреть на дали,
На медный блеск осеннего огня.*

*Поля в щетине рыжей были сжаты,
И ржавая опавшая листва*

*Дорогу крыла до страны заката,
И сучьев чернь вздымали дерева.*

*С восхода солнце било, пламенея,
И на ветвях изгибами петли
Из дерева изваянные змеи
Свисали неподвижно до земли.*

*И так до горизонта по дороге –
На каждом дереве висел пифон,
Точеный, гладкий и священно-строгий,
Как древний страж потерянных времен.*

*Бессонница, insomniа, in somnis...
Во мне, во сне восходят семена...
И это всё, что удалось припомнить
Через сон, – через смерть, – через жизней времена.*

КОМНАТЫ

...Символизируются в виде комнат...

3. Фрëйд

...Однажды три человека спустились

в царство темноты, и один сошел с ума,

другой ослеп, и только третий,

рабби Бен Акиба, возвратился и сказал,

что встретил там самого себя...

Г. Мейринк, «Голем»

1. Носороги

*Эти комнаты были парадными –
Точно мебельный магазин –
Нежилые – слишком нарядные,
А отделка – дуб-лимузин,*

*До кофейного цвета мореный,
И повсюду тот же узор:
Терракота и темно-зеленый,
И таких же цветов ковер.*

*Но с глазами совсем свиноватыми,
И во весь пузатый объем,
Носороги вошли с виноватыми
Лицемордами в этот дом.*

*Застыдились вдруг носороги
Своего присутствия там
И метнулись вон, без дороги,
И по стульям, и по столам.*

2. Усышкин

*Этой комнаты жильцы боялись
И хранился в ней ненужный хлам,
А случайный новый постоялец
Извинялся: «Не ходите там:*

*Кто увидит серого лакея,
Беспрерывно вскоростях помрёт!..»
Как сейчас вот, вижу вдалеке я
Коридор с дверьми и поворот.*

*В тупике, за этой самой дверью
Будет пыльный сероватый свет,
Паутины бархатные перья
И пришельцу праздному ответ:*

*«Не тревожь нас, в сумерках навеки...»
Но вот это тянет, как магнит:
Мутный ужас бродит в человеке,
И зовёт, и манит, и велит.*

*Я вхожу в ту комнату послушно:
Пыль, шкафы, густая тишина.
От засохшей плесени здесь душно
И, как тусклый лёд, стекло окна.*

*И свистящим вздохом, еле слышно,
Стариковский шёпот позади:
«Так-то, брат Усышкин,
Так вот и ходи...»*

3. Южас

*Он открылся, огромный и пыльный,
Позабывший чердак предо мной.
Полусвет – но какой-то мыльный:
Светло-серый, тусклый дневной.*

*Свет из круглых и низких окон –
Только в небо: вниз не взглянуть.
За каймой паутинных волокон
На стекле столетняя муть.*

*А на камне (зачем он тут брошен?)
Голый мальчик один сидит.
Он слепой. И рот перекошен.
Он оставлен, брошен. Забыт.*

*И вот, телом тщедушным тужась,
Он кричит однотонно и громко,
Как машина, голосом ломким, –
Только: «Южас, южас...» и «Южас!»*

4. Лифт

*На нем работала женщина –
Так, – под сорок, и больше молчала.
Этот лифт был старый и в трещинах,
Кое-где торчала мочала,
Мы поехали вниз, до подвала.*

*А в подвале ходили жители,
Повторяя одно и то же:
«Не пытайтесь до горней обители,
Мы для тех этажей негоджи!»
А в углах возникали рожи:*

Сперва – ничего за потемками,

*А потом пузыри и пятна
Там сцеплялись углами ломкими
И глядели лицом неприятным.
Истязали жильцов, вероятно.*

*Мы скорее от них: «Поднимите нас!
– Поскорее на первый этаж!»
Нас тревожит эта медлительность.
Лифт дополз: наконец, это наш!
Он привычный, совсем не мираж!*

*«Ну, а дальше? Ведь есть сообщение?
Поднимите, пожалуйста, выше!»
Лифт уходит наверх, в расщелину,
Он идет всё тише и тише –
Мы теперь, наверно, под крышей.*

*Но кабина сквозь щели затоплена
Совершенно невиданным светом.
Мы сейчас же к лифтеру с воплями:
«Мы хотим выходить на этом –
Тут тепло и светло, как летом!»*

*Но она: «Остановка не тут еще!»
И потом поясняет мрачно:
«Там сияет Свет Испытующий,
Там все для всего прозрачны.
Оно не для всех удачно...»*

*И вот чердак дико-каменный,
И ночное небо над нами.
И огромно, и пусто. И знаменем
Расстилается бледное пламя
Запредельного света — над нами.*

*Эксперименты с зеркалом – вы сели
Перед стеклянной глубиной
И в двойника вперили взгляд: отселе
Для вас начнется мир иной.*

*Иной – он мир обратный: лево – справа...
Зеленоватый холодок
Сочится в мозг мой тонкою отравой
И застилает потолок.*

*И виден только в глубях отраженный,
Немой внимательный двойник.
Он слишком хищно, слишком напряженно
С той стороны к стеклу приник.*

*И вдруг встает, уходит деловито
Куда-то вбок и в глубину.
И мне он улыбнется ядовито:
«Иди за мной!..» И я тону.*

Ах, святой Христофор! Чтобы зеркало

Так безбожно меня исковеркало!

*Это я – и не я:
Эспаньолка моя! –
Нет се – как яйцо,
За стеклом вылезает босое лицо!
Это что ж? Колдовство?
Отраженье кого?
Ведь за мной – никого!*

*Это все-таки я – но надет
Бестолковый берет,
Серый в клетку, – со лба поперек –
Так не носят теперь – козырек –
А светильник – как матовый шар,
На веревкевисит ... Но туман или пар
Всё в стекле заволок.
Вот опять потолок,
И свеча, и колет,
И мой красный берет!*

*Чтоб не быть от моих отражений в накладе:
Ух, не любят таких там, в Святой Эрмандаде!
— Перекрутят, как жгут,
А потом сожгут!*

*Разбивать зеркала не к добру.
Лучше вот поутру
Заверну я проклятую вещь в покрывало
И снесу в потайную каморку подвала:
Там в сто лет не найти
К ней, проклятой, пути!*

*В моих экспериментах с зеркалами
Был странный случай: как-то я вошел*

*В свой кабинет под вечер за делами,
Чтоб не искать их утром, запер в стол,*

*И вот, смотрю – в стекле венецианском
Я в маскарадном виде отражен.
В костюме, как мне кажется, испанском.
Со шпагою – почти что из ножон.*

*Я был в спортивном клетчатом жакете, –
А там – шелка, и буффы. и перо, –
И всё же я – в ботфортах и в колете,
С бородкою, подстриженной остро.*

*Движенья наши повторялись те же:
Недоуменье и потом испуг.
Как долго длилось? Миги долго брезжат...
Всё помутнело и исчезло вдруг.*

*Но перед тем бездонной вереницей
В зеркальной глуби были огоньки,
И отражали бесконечно лица
Испуганные двойники.*

*В зеленой глуби, без движенья,
В прозрачных потайных углах,
Живут бездонно отраженья
В двух параллельных зеркалах.*

*Они таятся там веками,
Пока не вызовешь их ты,
И, как огней болотных пламя,
Они всплывут из темноты.*

*И ты поймешь тогда, что время –
Лишь отраженье двух зеркал,
Где два Ничто играют теми,
Кто попадает в их оскал.*

КАКАДУ:

«КАК В АДУ!»

Попугаи, змеи, скорпии

Припекают, режут, жгут...

Н. А. Некрасов, «Влас»

*Там я был совсем посторонним
И даже как будто прозрачным:
Вот, допустим, кто-нибудь тронет
И, как в воздух – совсем не значит...*

*Эти люди зря суетились,
Совершая то, что не нужно:
Поджидали, чтоб кто-нибудь вылез,
А потом и душили дружно.*

*Гомоздили малярные лестницы,
А в своем деловом разговоре
Уверяли, что будут месяцы
«Без пальта ходить в калидоре».*

*Аж на лбу выступали вены –
Так пузатый скакал и топал.
И тащили бюст «Бетховена»
И с надсадой хрюкали об пол.*

*А с налета броском пугая,
С потолка нещадно орал
Сизо-черные попугаи –
Какаду вороненой стали.*

*И от этого пыльного чиха,
И такого содома голого
Озверелая палачиха
Обрубала ненужные головы.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

АЛЕФ

Алеф – символ множества в математике.

*– «Замечательной красоты комбинация:
Мат внезапный слонем и конями!»
И вот тут собираюсь дознаться я,
Что зовем красотой мы сами, –
И без нас красота – что такое?*

*Говорят – красота в покое,
Говорят – красота в движенье...
Может быть, она в выраженье?*

*– При чем здесь шахматы? Известно,
Что биллионы всех ходов
Возможны на пространстве тесном
Условной битвы игроков.*

*Бессмыслен весь Великий Алеф
Возможностей всего и всех.
Но древний Змий, свой хвост ужалив,
В кольцо сплетает мысли грех.*

*Он соблазняет Прометея
Похитить мысленный огонь.
И вот, над хаосом потея,
Весь в мыле, мат совершает конь.*

*И красота – в любом усилье
Создать сверканье мысли в нас.
Смотри: из угля – черной пыли –
В земле рождается алмаз.*

ЗВЕЗДНАЯ ПТИЦА

(Вашингтон, 1978)

ЗВЕЗДНАЯ ПТИЦА

Звездная птица опустит свой клюв,

Тонкую шею к земле изогнув...

«Стихи», стр. 54

Когда злонравный Сазиттарий

Тугую тянет тетиву...

«Шахматы», стр. 27

Звездная птица, – Лебедь туманный!
Крылья простерла вечное осанной,

Там, где за бездной черных провалов
Время седое бег оборвало.

В клюве ты держишь света волокна:

Фосфором бледным зримый поток на

Малые земли, луны, планеты...
Так вот явилась некогда мне ты

Звездная Птица, лебедь стоокий!
Время настало: полнятся сроки.

Пусть Сагиттарий целит стрелюю –
В светлых волокнах птицею взмою!

ОФИУХ

Из цикла «Звездная Птица»

Я – змиеносец, реком – Офиух,
Змия ношу на восплечиях двух.

Змий этот в небе весьма протяжен,
Лижет сандалии звездные жен.

Он предрекает на тысячи лет
В судьбах змеиный, извилистый след.

Мне – запредельные зренье и слух:
Вижу, что будет, сквозь звездную мгу.

Но преложить ничего не могу,
Змия бессильный слуга – Офиух.

LUNARIA

1. Бессонница

... В часы бессонниц твоих...

Нона Белавина

...Забвения!..

Байрон, «Манфред»

*Под ветвями, как фосфор, лунело,
Застывало и тенью, и пятнами,
И, – расплавясь дымно и бело, –
Письменами совсем непонятными.*

*Оттого, что печальный, далекий,
Сверху месяц висел ущербленный,
И бессонные, острые соки
Источал он в мозгу просверленном.*

*Было поздно, а может быть, рано.
В этот час не ночной и не утренний
Открывало в памяти рану
Меж извилин железом иззубренным.*

*И бессонный олуненный житель
Одного лишь хотел – забвения,
Но ему не давал Усыпитель
Даже самого обыкновенного.*

2. Луна на ущербе

Эрбий и тербий – металлы редких земель.

*Ну, золото солнцу, луне – серебро,
И каждой планете какой-то металл.*

*Металл – это символ: и зло, и добро
Вращеньем планеты вокруг намотал.*

*С планетами просто: себя источай,
Там, в Рыб или Деву попав невзначай.*

*Но так многолика в металах луна,
Из глуби нежданных наитий полна.*

*То серпик чуть видный, невинный и тонкий,
Поведает сказку о лунном ребёнке,*

*То пухнет багровым шарнице затмений,
Вампиров пристанище в конусе тени.*

*Над гиблым болотом свисает на вербе
Удавленник грустный – луна на ущербе.*

*Не светит она серебром полнолуныя:
Украдкой плетет паутину колдунья.*

*И надо такое за полночь скрывать –
Мне призрачным светом ползет на кровать.*

*В металлах есть призраки: эрбий и тербий.
Тебе приношу их – луне на ущербе!*

3. Пепельный свет

*На свиданье с ущербной луною
Выхожу потихоньку на двор,
И меж ней, косоликой, и мною
Возникает без слов разговор.*

*Паутина неяркого света –
Это тихий и страшный рассказ
О душе, заблудившейся где-то
И не там, и не здесь, не у нас.*

*И хочу я прорвать эти сети
И взлететь на свободу, туда,
Где душа в серо-пепельном свете
Пролагает свой путь без следа.*

4. Лунимый

И сладостен, и жутко безотраден

Алмазный бред морщин твоих и впадин...

М. Волошин. Венок сонетов «Lunaria»

*Сквозь крыши, окна и сквозь стены
Течет томительный призыв:
В душе и в море многопенно
Луной вздымается прилив.*

*Пронзая воды светом хладным,
Луна хладит мне синим кровь
Луной любимый! К беспощадным
Томленьям дух свой приготовь!*

*Мой мозг наполнен мглой опала,
И сердце сжалось и упало,
И я, лунимый, одержим
Пронзительным и голубым.*

ПУСТЫРИ

Евгении Димер

*Горькою гарью над городом
Дышит рассветный туман.
Дыму кудрявую бороду
Чешет пустырный бурьян.*

С рыжей водою канавы,

*Рыжий, оплавленный шлак.
Дикие сорные травы
Путают на поле шаг.*

*Сумрак над этой окраиной
С ночи свинцов и жесток.
Радостью светит нечаянной
Розовый бледный восток.*

*В небе телесные розы...
Гулко несут пустыри
Радостный крик паровоза
Голому телу зари.*

ХЛОРОФОРМ

*Я хочу объяснить хлороформ:
Сладковатый бессмысленный шторм
Неожиданных смыслов и форм.
– «Ты пойдешь хвосторогим на корм!»*

*Этот чертик хвостом верть и верть:
– «Осужден ты на казнюю смерть!
Не уйти тебе от судьбы:
Ух! По скату кружёной трубы –
Головленье тебе отрубы!»*

*Я от страха заплакал,
Я от страха заквакал.
Тут вмешался лиловый оракул:
– «Посадить его попросту на кол!»*

*А потом – уж совсем ничего.
Ничего. Только вот и всего.*

КАРТЫ

Бардадым – трефовый король.

Н.В. Гоголь. Записная книжка

А я его по усам! А я ее по усам!

Н.В. Гоголь. «Мертвые души»

Был король Дуродом,
Был король Бардадым,
Короли – Старый Жом
И восточный – Бубным.

Вот по этому самому
Нам заняться бы дамами:
Невпопад ведь ложиться привыкли –
Молодой ли, старик ли...

Вот усатый валет
И большой сердцеед.
Сам он ходит с эмблемою сердца:
«А не хочешь такого вот перца?!»

Загляделась крестовая краля
На его винтовые усы...
– Ну, подумаешь, – нешто украли?

Все на месте остались кусы!

В картах был ералаш:
«А где мой и где ваш?»
Намечался скандал,
По усам кто-то дал.

Но червонный валет
Заметал свой след,
А король Бардадым –
Он напился пьян в дым.

ПРОГУЛКИ ПРИ ЛУНЕ

Татьяне Фесенко

*Я гуляю, и, тонок,
Проклевался из тучи лунёнок.
Вот проходит декада –
А гулять-то мне надо:
И чернеет труба-голеннице,
А за ней не луна, а луннице.*

*На рассвете вхожу в переулок,
Шаг мой звонок, отчетлив и гулок.
А луну покрошили на звезды,
И, как гвоздики, звезды сквозь воздух.
Как от мыла обмылок,
От еды-то объедок.
Вот и светит в затылок
По-над домом соседок
Из-за облачных слюнок*

Непригодный облунок.

ЧИТАТЕЛЯ:

*Читателя не причесывай стихами,
Не корми дешевой печалью,
А – давай ему рвотный камень,
А – бури ему череп сталью.*

*Это будет ему не скерцо
В тоне гаммочки ща-бемоль.
И когда до самого сердца
Полыхнет в нем, как молния, боль,*

*Он поймет ядовитое жало
В происшествиях мира простых,
И твои жестокость и жалость,
– Пронизавшие стих.*

ОТЧАЯНИЕ

Quasi una fantasia

Стоя сидеть!

Сидя бежать!

– Виси в петле, тихо качаясь...

В. Хлебников. «Отчаяние»

А повестка пришла до Ивана Семеныча
(Тух на Глиняной десять),
И соседки судачили до ночи,
Что, мол, жалко, а – надо повесить.
А в повестке лиловым по серому:
«В соответствии с прочими мерами,
С получением сего предписую явиться
В вам известный участок районной милиции
Двадцать третьего мая, в нуль восемь пятнадцать,
Быть одетым прилично, зубами не клацать.
Доложится дежурному без промедления
На предмет удавления».

Почему? Отчего? А решил так компьютер:
– Акакой там был флер? А быть может,я муттер?
Центропуп согласился, Собес не перечил,
А Секретный Отдел так еще и приперчил,
Увязали с милицией, – вот и готово!
И директор по службе совсем ж препятствовал,
А сосед, что напротив, еще позлорадствовал:
«Так и надо таким, право слово!»

Ну, а сам-то Семеныч? Да был он пришибленным,
Но поди и поспорь там с порядком незыблемым.
Только раз вот
в кинотеатре
На какой-то там
Клеопатре
Он завыл и метнулся из зала
И помчался кругом до вокзала.

Чуть не сшиб он девчоночку в фартучке, –
Да куда уже там – ведь билеты по карточке,
А на ней: «Удавить двадцать третьего
На приборе Изметьева,
Укрывать же – не смей его!»

Ну, и что ж? В самый срок, как и велено,
Он уж мялся в несвежей прихожей,
Чистил ноги о коврик постеленный,
А был сам на себя непохожий.
Но его повстречали любезно,
Даже вот угостили вином (полбутылки,
Рацион, как положен, и – крем для затылка).
«Вы теперь разрешите: браслетик железный!
Подождите немножко, – ну, самую малость!»

И еще в животе от вина улыбалось,
А уже потащили обмякшего,
И затылок обрили: «Намажь его!»
Завизжал было он, да уж поздно:
Засверкало в глазах его звездно.
А когда он совсем удавился,
То чему-то в себе удивился.
...Остывать на веревке оставленный,
Удоволен удивленный удушенник,
И висит, тихонько качаясь.
Исполнитель устал: «Не угодно ль вам чаю-с?»

.....
Ну, а я-то чем отличаюсь?

КОКОДРИЛ

*Тихой улицей, в тихом квартале
Я под вечер домой проходил,*

*И с душком из ноздрей, изо рта ли,
– Привязался ко мне кокодрил.*

*Ну, не очень большой, вроде – с кошку,
Колбасой на коротеньких лапках,
А зубатый: куснет где немножко –
Пальца на три отхватит, как тяпкой.*

*За пальто уцепился зубами
И сипит: «А побудь тут со мной!»
Ну, а некогда мне за делами,
И противный – воняет, как гной.*

*Тожже голос гнусавый и гнусный,
И все тянет, канючит: «Присядь-ка!»
А мне мерзок он духом капустным,
А ему я не нянька, не дядька!*

*Ухватил, и вот так не пускает,
И ведь сильный, хоть весь и с аршин.
Да в пальто уже нету куска и
Норовит доползти до штанин.*

*Оглянулся вокруг я и вижу:
Каменюга удобно лежит.
Долбанул я, и вижу, как жижа
Из колбасного тела бежит.*

ДРЕВО

*Во дни тяжелых испытаний,
Когда от жизни я устал,
Ко мне, в туманном одеянье,
Сомненья демон прилетал.*

*Не издевался этот демон
Над чувством свежим и живым,
Не искушал меня ничем он,
Казался другом он моим.*

*Но он ожег мертвящим словом
В душе расцветише цветы
И повелел возникнуть новым
Цветам зловещей красоты.*

*Сомненье возрастит познание,
Но плод того и сух, и мал.
Затем в цветах, как в одеянье,
На древе Змий главу вздымал.*

*И вот, теперь я расцветаю.
Как древо знания в раю.
О, путник! Заповедь простая –
Не приступай под сень мою!*

PAVOR NOCTURNUS

*Стукнет ли костью какой в погребу –
Крик свой придушенный я погребу.*

*Ужас привычный, ночной нетопырь,
Крыльев своих надо мной не топырь!*

*Это тихонько ко мне подползло
Снизу гнилое подвальное зло.*

*В комнате темной из дальних углов
Стелются спрутами волны голов.*

Вот зашипят, подползут и замрут.

Хищно засветит их глаз изумруд.

*Жадно откроет уста нетопырь,
С пола к постели привстанет упырь.*

СОН О ТРУБЕ

Валентине Синкевич

Traume sind Schaume

*Про сны говорят: это – пена.
Но разве пена такой:
Направо, налево – стены,
Иду, и душит тоской.*

*Наверно, сточные трубы
Бывают так наяву:
Цемент и булыжник грубый,
И где-то конец во рву.*

*И я понимаю смутно,
Что все это только – я,
Что каждый шаг – поминутно
Напрасная жизнь моя,*

И что впереди – потемки,

*Что все это – пена и зря.
И плачу я голосом ломким,
Вперед, в потемки смотря.*

*И душит едкая жалость
Ко мне – самому себе,
Затем, что всё, что осталось –
Идти по этой трубе.*

ПИСЬМО САМОМУ СЕБЕ

(Нью-Йорк, 1983)

ПОЛЕТ

1. Плюс

Световой год – расстояние, которое

свет проходит в один земной год.

*А еще биллион световых –
И всё так же темно и пусто.
Где-то сбоку померк и притих
Затуманенный звездный сгусток.*

*Бесконечность: ее не понять –
Так, как будто не сдвинулась с места.
Вверх и вниз – как бездонная падь,
И туман, как фата невесты.*

*По магнитным полям, как рябь,
Паутиною ткутся волокна.
Точно вспахана зыбкая зябь*

И открылись какие-то окна.

*Как река – но не плыть кораблям
В этих черных и гиблых затонах.
Там по гибким магнитным полям
Ходят ангелы в белых хитонах.*

2. Минус

...Сатана и все аггелы его...

*Вот всё выше, всё глубже, всемирней
В бесконечный высокий провал...*

*– «А вот тут у нас живопырня! –
Дежурный аггел сказал,
Открывая вид на планету. –
И другого названия нету!..»*

*Ну, раз нету, так нету, так нету...
А потом добавляет растроганно:
«Ишь, какое кровавое месиво –
Как на кухне сырой бёф-Строганофф!»*

*Но пустое черно. Без дорог оно.
И ни там его нет, и ни здесь его...*

3. Нуль

Тяготение сжимает звезды до нуля до –

черных ям.

*Звезды кругом погасила...
Тянет железная сила
В черный водоворот –
В жадный раскрытый рот.*

*Точно упав с обрыва,
Время свернулось криво:
Было, сейчас – одно.
Это – последнее дно.*

*Всё угасает разом:
Даже желание, разум.
– Ах, не скользи по краям
Черных зазвездных ям!*

НА МОТИВЫ БЛОКА

1. Город

*Без конца, без конца мостовые –
До утра будет этот кошмар...
Смотрят мертвенно окна слепые
На пустынный ночной тротуар.*

*С криком город уснувший молю я
Мне отдать, что я в нем потерял.
Горло в жалобу сжато больную,*

Я продрог, я смертельно устал.

*Ветер гонит меня исступленно.
Я иду, задыхаясь, бегу...
И кричу фонарям я зеленым,
Что я жить, что я жить не могу!*

*Но лишь хлещется ветер безумно
О дома неживые в ответ
Да на камни зловеще-бесшумно
Припадает испуганный свет.*

2. Двойник

*В эту ночь над осеннею грязью
Низким пологом шли облака.
В эту ночь, оборвав наши связи,
Я убил своего двойника.*

*Он молил о пощаде и плакал,
Я смеялся тихонько и ждал;
И когда он качнулся во мраке,
Я вонзил ему в сердце кинжал.*

*Закричав, он свалился на плиты
И прижал мою руку к губам,
И я понял тогда, что убитый
Был такой же, как я, – был я сам.*

*Но, на горло ему наступая,
Я, свободный, жестокий, другой,
Знал, что этой ценой покупаю
Долгожданный холодный покой.*

Я смеялся над нашей борьбою;

*Но когда я взошел на крыльцо,
Я опять увидал за собою
Искаженное мукой лицо.*

АМЕБА

Спирогира – нитчатая водоросль.

Увеличение – х 250.

Живая слизь ползет через нити
Изумрудного леса спирогир.
Не видя, не слыша, химическим наитием
Выпускает отростки в свой микромир.

Малая капля зернистой слизи, но
Голод ее священно велик:
Прозрачная инфузория до смерти зализана,
И новую жертву лижет язык.

И так без отдыха, сна, и без смерти
Ешь, чтобы жить, и живешь, чтобы есть,
Умножая себя в дробильной жертве
И неся нам бессмертья благую весть.

В мир беззащитный ползешь, многоногая,
В мире растений первое «я».
И вижу в тебе я далекое, многое –
Человека и грозный закон бытия.

Мэри Юргенсон-Девернья

КРАСНЫЙ ТЮЛЬПАН

(Перевод с эстонского Б. Нарциссова)

Высокий, прямой,
Красный, как пламя зари,
С шелковым блеском своих лепестков,
К солнцу он был обращен –
Так, как сердце мое к любви.
День так хорош был,
Всё пело, блистало вокруг.

Но вечер пришел
Со слезами, с обманом, со тьмою,
И цветок в темноте закрылся,
Одинокий, холодный и гордый.
– Сомни, раздави его
В пальцах жестоких, –
Ты его не заставишь открыться.

Но утро придет,
Будет утро с новой любовью,
И тогда мой тюльпан откроется снова,
И будет цвести он, и яркий, и страстный,
Как пламя, как кровь, как заря.

И так до вечера – смерти –
Отдаст он всё, что имеет:
Красоту и пламя души
До конца, до последнего вздоха,
До увядших последних листьев.

Красный тюльпан,
Сердце мое!

Мария Девернья

ДЕВУШКА С ПТИЦАМИ

(Перевод с французского Б. Нарциссова)

Миндаль чуть раскосых глаз
И смоль пол платком волос,
И на платье – птиц летящих экстаз
На фоне цветных полос.

Бежит по песку, и следы ее тают
На побережье у водных сверканий.
И, от бега и ветра взлетая,
Обезумели птицы на ткани.

На скалу, запыхавшись, взбежала
И бросилась вниз в набегающий блеск,
И птицы на платье ее не сдержали:
Был крыльев последний отчаянный всплеск.

Так в пене исчезла. А птицы
На платье в зеленой волне
Пытались еще выплывать, шевелиться,
Как будто медузы на дне.

РАННЯЯ ПТИЦА

*Это – летнюю ночью бессонница,
Но всё околдовано сном.
Даже ветер не хочет, не тронется,
И небо – прозрачным стеклом.*

*Оно голубеет, но темное,
С проколом острым звезды.
И которую ночь, уж не помню я,
Изнывают томно сады.*

*А утро шагами котовыми
Подползает, чтоб быть наяву.
Но месяц, гнездясь за деревьями,
Серебром сочится в листву.*

*И туман начинает дымиться,
И, ветки крылом шевеля,
Прозвенела уж ранняя птица
Осколками хрусталя.*

ЖИЗНЬ

*В огороде моем было тесно, но весело:
Огуречная сила плетение свесила
И кормила шмелей пустоцветами,
А шмели изжужжались приветами.*

*Мотылек вытворял пред капустницей
Пируэты и всякие всякости,
Предвещающая червячные пакости,
А она-то, в кокетстве искусница,*

Мотыля приглашала на листья капустные –

*Для потомства в июле единственно вкусные.
И морковки-свекровки со свеклами-Феклами
Упивались земными растворами теплыми,*

*А укроп распушил золотистые зонтики
И листочки свои, разрезные и тонкие,
Где лишь можно ему, меж ботвою просовывал.
И не ведали все, что им жизнь уготовала:*

*То ли в суп, то ли в борщ, а не то во щи.
И огромное доброе солнце-подсолнечник
Языками блестящего желтого пламени
Распускалось по краю тихонечко с полночи,*

*Благосклонно взирая на малые овощи
И шурша им шершаво-широкими дланями.*

ДАЧНЫЕ ПАРОВОЗЫ

(Это стихотворение Посвящается Анне Сергеевне Бушман)

(Es war einmal [\[5\]](#))

ПОЕЗД РЕЛЬСИТ, СКРЕЖЕЩА:

ЖЕ, ЧЕ, ША, ЩА!

*Вот и шипом, и паром, и горьким дымком,
И гудком начинается этот рассказец:
Там, у станции дачной сухим вечерком
В темноте подползал паровоз-двоеглазец.*

*Вылезали усталые, теплые дачники,
Наслаждались прохладой, спешили домой,
Паровозам подобно, курилы-табачники
Папиросой пыхтели в прохладе ночной.*

*А вот в полдень к скрещенью являлся курьерский,
Громыхал и визжал на тугих тормозах,
И гудок у него был и зычный, и зверский,
А потом он скорбел, что «зачах, чах-чах-чах!».*

*Из буфета несло аппетитным и жареным,
Пассажирки же пахли дыханием роз.
И от долгого бега горячий, распаренный,
У перрона страдал от жары паровоз.*

* * *

*Навстречу нашему времени,
В колеса бегущих годов,
Я – слов приводные ремни
На быстрые шкивы мозгов!*

*Нелегкое дело, товарищ,
Ломать одиночества крепь,
Из сердца и сердца сваривать
Стальную гремучую цепь.*

*И вот, я – настойчивый зодчий,
И тот, кто вздувает меха, –
Инженер, и – потный рабочий,
Молотобоец в кузне стиха, –*

*Я должен в словесном железе
Ковать, скрежетать и разжечь,
Затем чтобы пламя поэзии
Прорвало плавильную печь!*

РИСУНОК САЛЬВАДОРА ДАЛИ

*А на эту складскую платформу нельзя:
Понаставлены часовые,
Оттого что грызутся, по слизи скользя,
Там бараньи желудки живые.*

*Так блестят – точно кто-то в воде полоскал...
Раскидались и вяло раздрябли.
Но с глазами, с зубами в белесый оскал,
Синеватые – видно, озябли.*

*А свирепы: ползет и с коротким смешком
Морщит губы, весь слизью облизан.
А другой – синеватым и плоским мешком
С парапета свисает, загрызай.*

*Он сомкнул на провалах глазниц
Опахала печальных ресниц.*

ВЗБУЛДЫБУЙ

*Грязевые пруды, как бельма,
По долине то здесь, то там.
И учуем тяжелую прель мы,
Подходя к прибрежным кустам.*

*А придешь – большеногие птицы
Тут заманят тебя на песок.
А песок-то – пливун, он струится,
Засосёт у сизых осок.*

*Но случайного путника ловит
И в зловонный дурман берет,
И в трясине могилу готовит
Там же серый водоурод.*

*А живущий в глуби бездонной,
Удоволен, из серных струй,
Точно выбросив круглый буй,
На белесые глади лагуны,
Взбулькнув, вынырнет Взбулдыбуй.*

КОШКА

*Бархатным зверь припадает на лапы.
Бархатный зверь – прыжком – мышь...
Разум! Ты звезды, как кошка, цапаешь –
Что жес тобой?– Ты дрожишь?*

*Космос, гиперболы, числа и боги –
Всё тебе надо в мире схватить!
Что же полос какой-то тревоги
Мучит тебя на пути?*

*Вот, наконец, решенье задачи,
Образ, который мучил всегда:*

*Мрак, и кто-то когтями схвачен, —
В этом прошли года.*

*Есть за тобою охота, охотник.
Знай: ты сам себе враг.
Мягкой, кошачьей поступью ходит
Спрятанный в свете мрак.*

ЧТО БЫЛО НОЧЬЮ

...пыльные музьи...

«Отрицательный мир», Б.Н.

Он проснулся до трех и уж знал, что опасно,
Но что надо по дому пойти посмотреть...
И со сна он расслышал, что шепчут безгласно
Шкаф и стулья, что надо ему умереть.

Тишина оказалась тягуче-зловещей,
Против воли его незаметно таща;
Но, впотьмах совещаясь и скрипом треща,
На него озверело набросились вещи.

Он от них в антимира, в зазеркалье, за доски,
Но и там на него озверялись наброски.

ГРОБОСКОП

Жил да был Иван Иванович,

Иногда крестился на ночь...

Игорь Чиннов

*Аггелята играли – крутили
Стробоскоп, а у них – «гробоскоп»:
На вертушке-цилиндре картинки,
А вертушка в коробке с окошком, –
Поверни, запусти, а картинки и ходят.*

*Ну, так вот, аггелята в игрушке
Умирали Ивана Ивановича:
Вот смешно – он сперва шевелился,
А потом и совсем перестал.*

*Ну, игра так игра, а вот за ночь
Неожиданно выкинул номер
Этот самый Иван-то Иванович:
В самом деле он взял да и помер.*

ЛУННАЯ ПАМЯТЬ

Галине Грабовской

*Облетают они, улетают...
Это листья, а может быть – дни.
И туманами в памяти тают, –
Так вот мы остаемся одни.*

*Забываем, теряем, теряем
Мы дороги, года, имена...
Вечерами над облачным краем
Нам безжизненно светит луна,*

*Одинокое солнце больное
Одиноких бессонных ночей.
Пусть. Но в памяти лунной на дно я
Опускаюсь, забытый, ничей.*

ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ

Последняя четверть – для неживых.

Месяц давно уж пошел на ущерб.
Светит над лесом из облака серп.
В ветках холодных безлистого леса
Светит упорно, неярко, белесо.

В душу мне лезет настойчивый свет.
Он говорит мне: «Не надо» и «Нет!».
Месяц ущербный – для тех, кто оттуда
Хочет возврата телесного чуда.

Сонную душу сосет, как вампир,
Месяц и тянет в ущербленный мир.
Холодны страшные глубины пространства.
Время окончено. Есть – постоянство.

СКУЧНЫЕ СТИХИ

То ночь, то день. На черно-белых

Полях борьба – за ходом ход...

«Шахматы», Б.Н.

*Из уже приотворенной двери
Холодит, холодит сквозняком,
И от этого легче потери
И не страшно следить за песком –*

*За песком утекающих дней...
Дни становятся всё холодней,
И длиннее бессонные ночи,
И зазвездные сроки короче.*

*Да, потери оставили метки,
Но игру дотянул я свою:
На доске только серые клетки –
Значит, сыграно с жизнью вничью.*

*Очень долог был пройденный путь:
Вот и надо теперь отдохнуть,
Оттого что одно лишь осталось –
Точно камень тяжелый – усталость.*

КОТ

Аще забуду та, Иерусалиме,

Забвенна буди десница моя...

Псалом 137

*Кота обидели: в коробку
Впихнув, забрали в страшный дом.
И ходит кот вдоль стен, и робко
Он бьет обиженным хвостом.*

*И он с тоской в углы мяучит,
С надеждой лезет под кровать,
И нещеваньем он мя учит
Забвенное не забывать.*

*И вот во мне две строчки будит
Его хвостатая тоска:
«Когда душа тебя забудет,
Забвенна будь моя рука...»*

*Уездный городок, Россия...
Берет за сердце без хвоста
Железной хваткой ностальгия
Меня, двуногого кота.*

ЯНТАРЬ

(На мотивы А. Раннита)

*Ветер и волны взметнулись, вскричали...
Это во мне угасали печали.*

*Нету в груди моей больше теснений,
Знаю, что скоро расслышу я пенье.*

*Ветер кричит, возглашает во здравие,
Камешки катит по жесткому гравию.*

*Дико бросает на берег он пену...
Ах, посмотри! Опустись на колени:*

*Золотом светят янтарные зерна,
Подняты ветром из пропасти черной.*

*Вот и во мне всколыхнул он глубины.
Точно ударял крылом он орлиным.*

*Хлещет до боли в лицо мне порывом.
Так и стою я с молитвой надрывной:*

*Выплесни, дай мне со дна многопенно
Музыку слов янтарем драгоценным!*

*Вот, совершилось! Но я не страдаю:
Божья волна! В твою ночь я впадаю!*

РАЗГОВОР О ПОТЕРЕ

Должно быть, плохо я стихи писал

И вас несправедно просил у Бога.

Н. Гумилев

*Потеря: это означает – нет,
Что больше нет, что всё исчезло...
– И только звук, и только след,
Живущий в памяти облезлой.*

*Да, о тебе известий нет:
Я думаю, что умерла ты.
И лучше так. Шестнадцать лет.
Влюбленность детская когда-то.*

*Ну да – тебя я потерял –
По «независящим причинам».
Когда идет девятый вал,
Естественно терять всё чинно.*

*Причин всегда бывает много,
Но если докопать до дна,
То всех действительней одна:
«Неправедно просить у Бога».*

*Вот тенор в опере поет:
«Пусть неудачник плачет...»
Я сделал как-то глупый ход,
Но это ничего не значит.*

*Безвыигрышных лотерей
Порядок неизменно вечен:
Тяни билетик поскорей, –
И проигрыш нам обеспечен.*

*Мой проигрыш не так уж плох.
Моя небывшая подруга:
Мы были бы – ох, видит Бог, –
Увы, несчастьем друг для друга!*

Во время наших кратких встреч

*Две наших воли фехтовали;
Твоя – негибкая, как меч,
Моя – флоретта гибкой стали.*

*И все-таки... Мы все-таки
В плену своих совсем ненужных
Желаний, – да, мы простаки,
Вернуть «вчера» хотим натужно.*

*– К чему набор неловких строф
И все вот эти рассужденья?
Достаточно плохих стихов
Насочинял на этот денья...*

*А вот к чему: приходит ночь,
И с ней жестокость сновидений:
Тебя нашел: «Уедем прочь!»
Молчишь в ответ... Мы по ступеням*

*Идем к каким-то поездам.
Ты вот сейчас за этой дверью.
И нет тебя. И по утрам –
В стократ отчаянье потери.*

МУЗЫКА

Концерт

*Над оркестром – пущенной в ход машиной,
Блестящей и смазанной хорошо, –
Одичав, метался маэстро, одержимый
Чьей-то страшной и хладной душой.*

*Над оркестром, бесформенный и текучий,
Колыхался композитор-вампир,
В дирижера вселялся и скрипки мучил,
Предвкушая обильный и сладкий пир.*

*Судорогой рук и скачками темпов
Торопил прорыва упругий бурун,
Рыча сквозь медные горла инструментов
Голосовыми связками струн.*

*И когда наконец упырь-композитор,
Расширив несуществующие глаза,
За столб пограничный, за черный пюпитр
Невидимым облаком вылился в зал*

*И сердце сидящего в кресле потрогал
Гобоя нежной губой,
Уступом взбежал до затылка восторга
Холодный и страшный прибой.*

ANDANTE CANTABILE

Два голоса

*здесь –
Ты мне не можешь отвечать.
Что пользы в этом позднем разговоре?
Наложена тяжелая печать
На дверь к тебе, и двери – на запоре.*

там –

В лунном и синем потоке
Голос мой ищет тебя.
Где ты, бездумно-жестокий? –
– Всё я простила, любя...

здесь –
Я здесь с обломанной душой,
Как листья, дни последние роняю.
Закроют скоро мне мой счет большой,
Но горький счет к тебе я сохраняю.

там –
Милый! Разорваны списки,
Все уплатились долги!
О мой далекий и близкий,
Больше себе ты не лги!

МОИМ УЧИТЕЛЯМ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

1. Орхидея

И, тая в глазах злое торжество,

Женщина в углу слушала его.

Н. Гумилев

*Я когда-то был кошкой, большой и пятнистой,
С золотыми топазами чуть прищуренных глаз.
Как змея, я скользил между шепчущих листьев
И с удавом древесным я сражался не раз.*

*В том лесу, где я жил, рос цветок ядовитый.
И ему поклонялись дикари той страны,
Потому что он страшен был, с пастью открытой.
Из которой сочились капли яда — слюны.
После влажного полдня томилось всё, млея.
И, в растеньях ползучих свернувшись в клубок,
Я был точно цветок этой злой орхидея,
В черно-бархатных пятнах золотистый цветок.*

*Я такой же теперь, осторожный и хищный,
И чужой посреди мне враждебных людей.
Но душа обреченно опять ее ищет –
Орхидею-пантеру среди орхидей.*

2

Слухом невольно ловлю

Лепет зеркального лона.

К. Бальмонт

*Кто-то таинственный в белом
Начал невучий рассказ:
«В сумрак ты смотришь несмело
Взглядом невидящих глаз.*

*Нежно струится дрожанье
Тонких невидимых струн.
На пол легли от гераней
Тени неведомых рун.*

*Выйди и встань обнаженной,
Сдайся томлению грез:
Слышишь – целую влюбленно
Лунное золото кос».*

*Месяц прозрачный и белый
Пристально смотрит и ждет.
В сумраке спальни несмело
Кто-то навстречу идет.*

3

Ты оденешь меня в серебро.

И, когда я умру...

А. Блок

*«В этот яростный сон наяву
Опрокинусь я мертвым лицом...»
– Но ведь это обман, что живу:
Я смотрюсь в зеркала мертвецом.*

*Вот, когда-то подругу любил...
Но любовь не нужна мертвецу.*

*Снежный холод концами зубил
Подбирается к сердцу, к лицу.*

*Над снегами морщинистый шар:
Багровеет небесный Пьерро.
Вот и всё: холодящий угар,
И насквозь в волосах серебро.*

4

Рассыпался чертог из янтаря...

И. Бунин

*«Рассыпался чертог из янтаря...»
С берез летят последние дукаты.
Закат тускнеет, медленно горя,
Стволы чернеют в золоте заката.*

*Но скоро ночь: колючий проблеск звезд
И сине-черного Ничто отравы.
И угасает, величав и прост,
Закат – последние минуты славы.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Я в наш дом возвратился совсем уж ночью:
Дом был пуст и незаперт – покинут
(Был за городом где-то: большие участки).
Иногда только в нем где-то в комнатах дальних*

*Появлялся отец мой (давно уж покойный).
Он был очень, и тоже как я, озабочен:
Между нашим и домом соседа
На свободном участке вулкан вдруг прорвался,
Небольшой, но дошел до вторых этажей.
Все, конечно, боялись, что треснет земля
И весь пригород лавой зальется,
И поэтому всё было пусто.
Только кот полосатый остался,
Почему-то со страхом меня избегая,
И, что хуже всего, сам не мог разобрать я,
Что живой или мертвый хожу сам в потемках.*

ДВОЙНИКИ

Памяти Сергея Михайловича Третьякова

и Бориса Анатольевича Нарциссова

Видали ль вы портретных двойников?
– Не идентичных близнецов обычных,
А совершенно посторонних, разных лет?
Я встретил раз таких, – и никакой ошибки:
Один – студент; мы вместе были в Тарту.
Другого – встретил на войне случайно.

Так говорится, что у идентичных
Судьба, болезни, смерть – все те же.
А как у этих, – у «вторых изданий»?

Я думаю, что там судьба сложнее.

Попробую в стихах здесь рассказать
Про собственных – увы! ушедших
Не двойников, а уж скорее тройку.

Конец двадцатых. Сонный Дерпт,
Академический эстонский Тарту.
А там поэты: Цех Поэтов,
И все в очках, и все – Борисы.
Один – весьма потом известный Вильде
(Расстрелян немцами в Париже);
И неизвестный Тагго-Новосадов
(Замучен после в ГПУ);
И ваш покорный – чудом уцелевший.

И ментор старший наш:

Борис Васильич Правдин,
Доцент, поэт, эстет и шахматист.

Писал стихи:

*«Мой пояс стоит два таланта серебра.
Я дочь верховного иерофанта Аммона-Ра...»*

Был в дружбе с Северянином, и Ларионов

Проездом у него гостил:

Потом оригинал «Мужчины

С усами» на стене висел.

Абстрактная картина – из цветных кусочков.

«Усы – вот тут!» – и Ларионов трубкой

В два маленьких кусочка ткнул,

А цвета – что-то вроде шоколада.

Так вот, в числе своих других знакомых

Борис Васильич Третьякова знал,

Точней: в гимназии учился с ним.

И все мне говорил он, что Сережу

Я точно повторял и голосом, и видом, –

Двойник, лет на пятнадцать запоздавший!

Сергей Михайлыч! Старший мой двойник!

– «Рычи, Китай!» – и прочая агитка...
Вы были на неправой стороне.
Вы послужили злу, а зло
Всё тем же платит – тоже злом.
Что думали вы в час последний,
Когда вели вас на расстрел?
Какие мыслеграммы слали?

А через много, много лет,
Уже совсем за океаном,
(Вторым по счету для меня),
Мне мастер шахмат Браиловский говорил:
– «Давненько с вами, Анатолич, не видались:
Вот с Гатчины в семнадцатом году!
А как же – вместе юнкерами были,
И вы не очень изменились!
Ведь вас зовут Борис Нарциссов?..»

Ну, да, зовут. Ну, да, и Анатолич.
Ну, да, и юнкером я был,
Но только в Таллинне, в казармах Тоньди
И этак лет пятнадцать позже.
Опять двойник: кузен двенадесятый.
Что стало с ним? Не вовремя надел
Он золото погон заветных:
Последние минуты перед атакой,
Иль самосуд, иль Бела Кун в Крыму...
Я думаю – недолго был я с двойниками,
Я, – как-то чудом уцелевший.

А как же с общею судьбою –
Как верят – идентичных близнецов?
Как будто тройники такие
Случайны и не связаны ничем...
А отчего во снах бывал я обреченным?
А отчего стихи мои такие?
– Не вы ли, двойники, мне вести слали

Своим томлением предсмертным?
И я за вас впитал паучий ужас
Прекрасной, но жестокой жизни?

Я пробовал шутить: не получалось.
«Ну вот, пишите о любви» –
Мне как-то барышня сказала.
Ответил ей неловко я:

*«Любовь с поэзией в союзе
Мне, видимо, не суждена:
Моей приличествует музе
Кладбище, ужас и луна».*

Спросить бы двойников: уж не они ли
Мне мыслеграммы шлют?..

НОВЕЛЛЫ

ПИСЬМО САМОМУ СЕБЕ

(Адресат неизвестен)

Я сижу в мягком, глубоком кресле перед камином. Красные огоньки бродят по покрытым серым пеплом дровам и углям. Тихое, ровное жужжание звучит у меня в ушах... Так обыкновенно начинались рассказы о воспоминаниях, о прошлом в доброе старое время. Но кресло крыто не кожей и не штофом, а полиадипогексаметилендиамидом в просторечии найлоном, камин — электрический, и дрова — имитация из асбеста, и жужжит не патриархальный самовар, а трансформатор флуоресцентной лампы. Это потому, что прошлое давно прошло, и сейчас уже наступило будущее. И потому я держу в руках не овальный медальон с портретом, писанным акварелью, а старые, надорванные фотографии. Этим фотографиям больше сорока, и те, кто кроме меня изображены на них, давно уже умерли. Я думаю, что скоро настанет и мой черед. В этом кресле никого не будет (пока не продадут), костюмы будут доношены кем-то, получит их из Армии Спасения, а вот эти фотографии порвутся, испачкаются и будут выброшены — не нужны никому.

И я пересаживаюсь за маленький столик и беру не «перо писателя», а настукиваю на клавишах своей едва живущей, тоже старой, пишущей машинки рассказ о том, что когда-то, в прошлом, до этого теперешнего будущего, было жизнью и гибелью этих трех людей на фотографиях. Папирусы клали в ковчеги, моряки засмаливали письма в бутылки. Может быть, линотип лучше донесет мое послание до тех, кому оно будет нужно — в сверх-будущем.

На этом снимке мне восемнадцать лет. Лицо с юношеской лошадиной вытянутостью. Серый френч — оттого, что крахмальные воротнички и галстуки были тогда не по карману. Прозрачное пенсне на носу — с зажимчиками. Зажимы больно терли переносицу с боков — чуть не до кости, но иначе было нельзя — очки некрасивы. Глаза —

широко раскрытые, светлые, со спокойным любопытством: будет всё очень интересно в жизни. А был я тогда без пяти минут студентом, ученье давалось легко, и потому я бросался на всё новое, – что к ученью не имело отношения, но зато занимало очень много времени. Читал запоем, а спортом, как мои сверстники, не занимался, и был длинен и худ, как глист. Влюблялся внезапно, угорело, на долгое время, и всегда без толку и несчастливо: предметы моих влюблений явно предпочитали мне моих спортивных и практичных современников. Кроме того, мои современники были лучше меня одеты и не говорили об умных вещах, а танцевали и потом приступали сразу к делу.

Один раз предмет моего долгого влюбления снизошел и назначил мне свидание открыткой: пойти вместе в кинематограф. Открытка пришла поздно, я разлетелся на квартиру, попал на предметову мамашу, каковая меня облила холодом, а дочери потом очень горячо пояснила, чего делать не надо. А она дочь заявила мне при встрече, что более со мной не знакома. По теперешним стандартам, все трое повели себя глупо, но для меня это было душевной катастрофой. Все остальные неприятности, пережитые раньше, не могли сравниться с этим жгучим чувством потери, и потери непоправимой, ибо характер моего предмета я знал, и был сей характер кремневый. Итак, большая часть моего времени уходила на мысли о несчастной любви, очень немного на науку, а остальное время (достаточно значительное) на мысли о смерти. Причем не столько на представления о том, как, скажем, я буду лежать в гробу, холодный и безучастный, а она, с поздним сожалением, подойдет и т. д., а на спокойный ужас при мысли о том, что я не буду мыслить, что я, такой значительный (поправки на значительность только для себя самого я тогда, конечно, еще не делал), просто исчезну, и не будет ничего – ни меня, ни такого прекрасного мира (поправки на относительность его прекрасности тоже тогда еще не возникало). Положение получилось безвыходное: надо было жить, чтобы потом умереть. А ввиду моей прямо кошачьей живучести, надо было найти выход: и из несчастной любви, и из состояния смертника в камере. Религия? Всё было очень просто в пять лет: перед сном крестился на картонного и очень красивого Ангела-Хранителя над кроватью, а когда в течение дня вел себя не по-джентльменски и был по всем беспристрастным определениям «негодным мальчишкой», то

креститься стеснялся и старался нырнуть под одеяло незамеченным. В таком поведении была твердая уверенность в существовании и ангелов-хранителей, и всего, что из этого существования вытекало. А потом, уже подростку, мне стало как-то ужасающе ясно, что ничего такого нет и быть не может. И вот надо было найти выход. Выход нашелся: ребенком боялся темноты. И этот, скажем честно, страх не прошел и тогда, когда стало ясно, что «ничего нет и быть не может». Бессонными осенними ночами в старом родительском доме, в деревне, когда осенью ветер шуршал голыми ветвями над низкой крышей и отцовский кабинет, в котором я спал, был отрезан от всего живого, я чувствовал, как темнота бесплотно шевелится вокруг меня и радуется моему ужасу. Но моими далекими предками были балтийские викинги. Я больше всего боюсь показать, что я боюсь. Если в этой темноте что-то есть, то надо это «что-то» найти и быть хозяином над этим «чем-то». Ведь это может быть жизнью, хоть может быть и плесневой, как старый погреб, но все-таки жизнью. Значит, что-то может быть за последним толчком сердца, за последним светом, выкатывающимся из глаз, за последней отчаянной мыслью: «Я сейчас, вот сейчас, умираю!..»

О, да, я много читал и слышат много разговоров. Но всё это было отвлеченной теорией. А этот ночной ужас, когда невидимые руки скользят по лицу, нет, скорее по душе, – это уже свой собственный опыт. Но кто покажет, как делать дальнейшие опыты?

Маленькая карточка паспортного типа; это лицо вы заметите из тысячи: лысая круглая голова, горбатый нос, точно клюв, выпуклые глаза – всё похоже на ястреба. Глубокие складки вдоль щек, рот – ижицей, брови — как у черта – углами. Вид очень решительный – и не зря. Вот Гумилева расстреляли, а его не могли изловить больше года, хотя сам Троцкий написал именно декрет о поимке и немедленном расстреле. Но он выбрался через фронт к Юденичу. Потом этот блестящий гвардейский офицер, который танцевал с великими княжнами, должен был подвизаться на последних ролях в эмигрантском театрике. А потом выручило то, что говорить по-русски учился уже говоря по-французски и по-английски. Английский был в моде – молодые и маленькие балтийские республики рассчитывали на Англию: англичане и масло купят, и на войне защитят. Англичане покупали масло и лес, но платили втридешева, а на войне... Но война

случилась много позднее. А пока учили английский. Офицер, инженер и светский лев стал учителем языков. Под его руководством в гимназии я как-то незаметно научился болтать по-английски. Когда гимназия кончилась, он приглашал своих прежних лучших учеников бывать у него, не забывая языка. С языка разговор соскакивал на литературу, с литературы на философию, с философии на смерть. Как-то он сказал: «А вот смерти я никак не боюсь, хоть и не хочу сейчас умирать! На мой вопрос: «Почему?» – ответил с чуть заметной усмешкой: – «Это долго и не совсем легко объяснять тут, при народе, не всем интересно и не все поймут. Заходите завтра номером – поговорим...»

На другой день вечером он сказал: «Я заметил вас давно из многих других. Я знаю кое-что кроме английского и французского, что могло бы заинтересовать вас». Я ответил: «Я боюсь уничтожения моего сознания. Я хотел бы жить вечной жизнью».

Он: Вы можете. Если хотите.

Я: Я хочу. Но как?

Он: Что вы знаете о вашем сознании?

Я: Я штудировал Фрейда. Есть подсознание.

Он: А сверхсознание?

Я: Как его получить?

Он: Нельзя получить того, чем вы уже обладаете. Надо соединиться с ним.

Я: Но каким путем?

Он: Именно путем. Есть Путь. Надо вступить на него.

Я: Как сделать первый шаг? Покажите, и я сразу поставив ногу на этот путь.

Он: Вы не боитесь? С Пути сойти уже нельзя: нельзя вернуться к прежнему а свернувшего в сторону ждет гибель.

Гибель? А что могло быть хуже моей студенческой каморки, где на столе стояла пустая рамка от фотографии и ночью тускло горела над моей бессонницей усталая желтая лампочка «...солнце в шестнадцать свечей...».

И вот, по вечерам, раза два в неделю, я слушал уроки о другом мире, который находился тут же рядом с нами, и надо было только открыть глаза, чтобы его увидеть. Увы, многое, что казалось мне тогда таинственным откровением, я нашел потом в популярных откровениях

дешевых книжек о «йоге» Но кое-что было странным: я заметил, что могу передавать свою мысль другим. Мои глаза не открывались еще ни на какой другой мир, но добавилось какое-то шестое чувство: я просто его узнавать то, чего, по времени и месту я знать никак не мог. И я чувствовал, как от растений течет жизнь, и учился впитывать ее в себя.

Учитель мой жил одиноко и давал уроки в бывшей дворницкой, примыкавшей к дровяным сараям двух больших одноэтажных провинциальных домов: в доброе старое время люди жили, не теснясь, и вместо двухэтажного дома строили два отдельных покойных одноэтажных, да еще оставляли сад позади домов: места было много, и «прочь от назойливых глаз» понималось как неотъемлемое условие комфорта. Раз, поздно, уже глухой ночью, я читал вслух книгу, а учитель делал комментарии. Мне мешали читать сухие, резкие звуки в самой стене, надо мной. Они были как электрические разряды. Дело было зимой. Учитель спросил меня: «Вы не боитесь?» Я немного не понял, – чего? – «А вот этих стуков?» – «Но это от мороза...» Учитель сказал: «Выйдите на двор и посмотрите, есть ли мороз, а потом зайдите за дом и узнайте, что за шум в дровяных сараях».

Я вышел на двор. Была мягкая мглистая зимняя ночь с молочным разлитым светом полной луны за тонким пологом облаков. Только что прошел легкий снежок и всё было покрыто ровным белым бархатом: ни следа. Мороза не было: чуть-чуть, и начнет таять. Всё спало. На дворе – ни души. Я обошел жилую часть постройки и подошел к щелястым дровяникам: для воздуха стены были набиты через доску. В самых сараях была «номерная» система: в середине коридор, по сторонам его двери – каждой квартире дровяник, и двери на запоре, чтобы никто дров не крал; общий вход на замке; хозяйка сама запирает под вечер. Ни звука. Мягкая зимняя ночь с разлитым светом луны. Постоял минут десять, очень хотелось узнать, кто стучит. Пошел обратно, сказал, что ничего не было, и опять – резкий сухой треск в стене. Боялся ли я? Нет, был очень доволен. Но не пришло мне в голову спросить самого себя – а кто стучал? И зачем? Бетховен написал целую симфонию о стуке. Стучат тогда, когда хотят предупредить о чем-то. Но мы не замечаем предупреждений. Я думаю теперь, что мой тогдашний учитель тоже не замечал их в своей не очень долгой, но очень бурной жизни. Не думаю, чтобы он сочинил этот случай. Он рассказал однажды, как еще до войны, в Петербурге,

он вел спиритический сеанс. Народу было много. Ответы чертились на бумаге карандашом – автоматически. Внезапно беспорядочные записи и ничего не значащие обрывки фраз сменились резким знаком: печатью, и он знал чьей. На вопрос – может ли он проявить полную материализацию? – был ответ: «Да, снимите кресты...» После отказа – карандаш в руке расщепился.

И уже не учитель, а его бывший однополчанин рассказал мне, как однажды поздно вечером чернильница под мирно горевшей на столе керосиновой лампой треснула и стекло вдребезги разлетелось на куски. Живший за 15 улиц от учителя его однополчанин понял, что что-то случилось, бросился к моему учителю и застал его в припадке ярости, на грани убийства, с иконой, брошенной на пол: там был роман, очень неудачный и неуклюже скрываемый. Но я тогда ничего не знал об этом.

Ich hatt' ein' Kameraden... Ich hatte... Даже фотографии не осталось. Было это еще в гимназии. Он был двумя классами старше меня. Я переходил, он оставался. Так мы и встретились. Был он довольно нелюдим. Заикался. Мои спортивные сверстники говорили о нем с почтением: «У него бицепсы – во!» И, в самом деле, бицепсы были – во! Он умел делать одно упражнение на турнике, турник был дома в саду, он и делал всё время это упражнение. Местные поэты говорили про него: «Страсть шикарные стихи пишет...» А у меня тоже было две тетрадошки стихов, только отзывы были степенью ниже: «А он всё про анемоны-лимоны пишет!» Это было оттого, что барышням-одноклассницам прочел стихотворение, начинавшееся так:

«Ранним утром в кустах расцвели анемоны...»

Таким образом мы, т. е. я и Витька, встретились сначала формально и разговаривали на «вы», а потом шатались по вечерам по пустому городу и говорили о стихах, а потом я стал бывать у них дома. Дом был старозаветный, местных старожилов, с достатком, и уж если должен быть в городе праведник, чтобы город стоял, то Витькина мама и была такой праведницей. Ее нет давно на свете, и горько мне, что когда ее хоронили, то, как чужой, я стоял за окошком лаборатории и не смел пойти за ее гробом. Но это всё произошло потом. А тогда она кормила меня, гимназиста, отощавшего без папы и мамы в городе, да и приятелю моему, жившему со мной, в кастрюлечку ужин накладывала. И не за эту кормежку вспоминаю ее как праведницу, а за ее

бесконечную доброту и доверие к людям. И была се доброта добротой человека, который испытал тяжкое несчастье в жизни и узнал, что и другим людям больно бывает... «В вашем доме я узнал впервые»... Там и рояль был, и библиотека, и рассказы о встречах в Петербурге. И теперь, вместо ангела-хранителя, побаивался я ее – не огорчить ли чем. Но только побаивался. А вот кого я в самом деле боялся – это Таты. Татьяна была старше Витьки, а и он был старше меня на год-два. Следовательно... Она была на том же факультете, куда и я хотел потом поступить, следовательно – авторитет. Ум у нее был быстрый и насмешливый, а язык острый. Не я один ее боялся. Она была очень наблюдательной и сразу ловила слабые и смешные стороны окружающих. А я очень хорошо знал, что несмотря на свою исключительность (поправка: для самого себя), я был по-деревенски наивен и неловок.

На фотографии я вижу девушку-шатенку, не то что худощавую, а с тонкой костью; у нее узкое лицо, скула обтягивается, нос прямой, северный, глаза внимательно устремлены в книгу. (А глаза были небольшие, быстрые, светло-карие, с искорками.) Самое примечательное в лице – это рот. Лицо мелкое, строгое, – и большой, темно-красный (никаких карандашей), чувственный рот. Она полулежит на диване и читает. На фотографии виден в книге разрез египетской пирамиды.

Насколько я легко выучился болтать по-английски, настолько для Витьки сия грамота оказалась книгой за семью печатями. Впрочем, таких грамот набралось у него тоже около семи. А гимназию кончать было надо: из класса в класс еще туда-сюда – пропустят, но в восьмом классе – выпускные экзамены.

Весною цвели каштаны в аллеях, по которым сто лет назад проходил, грустя, Жуковский и в которых в ночь на первое мая (студенческий праздник), наверное, орал буршикозные песни Языков. А над тихим городом, где бы только и ходить влюбленным парочкам по каштановым аллеям, вместо любовного воркования стон стоял от зубрежки. Зубрили все: и «сколары», и «фуксы», и гордые своими красками «бурши», и просто «дикие». Поясню для непосвященных: сколар – ученик, гимназист; фукс – кандидат на прием в студенческую корпорацию, носит маленькую черную шапочку с козырьком; бурш или «краска» – полноправный член корпорации, или «конвента», носит

трехцветную ленточку через грудь и трехцветную шапочку с цветами своей корпорации. Дикий – студент, не принадлежащий к корпорациям. Опомнился и поправляю: поставьте всюду прошедшее время – носил.

Так вот, пока мы были еще вместе в одном классе гимназии, Витькина мама придумала следующее: я буду приходить по вечерам и заниматься с Витькой по всем грамотам, а она будет кормить меня ужином, а по воскресеньям – обедом. Так прошел один гимназический год, я окончил гимназию и был принят на факультет, а Витька остался. Я продолжал с ним заниматься по-прежнему.

Все было хорошо, и даже Таты я перестал дичиться. Теперь мы были уже «коллеги». Но Витька занимался со мною не всегда. То у него была невралгия, то просто ему было лень, или же ему было надо бежать к очередному увлечению – успехом он пользовался у прекрасного пола очень для меня завидным. И тогда я оставался беседовать с Татой: зимой на том самом диване, что виден на фотографии, а весной на садовом диванчике. За два года я и подрос, и подучился, и посмелел. И, как всякий неофит, я хотел поделиться своей новой находкой – тайной наукой, и слушала меня – Тата. Она умела находить очень веские возражения и спорила так, что и опытному спорщику трудно было с ней справиться. Но как будто мои доводы убеждали ее. И с удивлением и ужасом я замечал, что бледнеет и проходит жгучая боль, причиненная предметом моей любви, и заменяется дерзостным восторгом перед Татой. Должен сказать, что и учитель мой, науке которого я сделал великую рекламу в том доме, был приглашен туда, стал бывать, и был он о Тате самого высокого мнения. Все было хорошо, пока однажды не пришел врач, не выслушал Тату и не произнес приговора: туберкулез. И новая боль вспыхнула во мне: уже не о себе самом, а о Тате. Туберкулез – бич Балтики. Конец приходит скоро. Новыми бессонными ночами я придумал средство: буду передавать свою силу жизни Тате. Повторю опять – живучесть у меня кошачья и кое-чему я научился. Учитель согласился на это. Так началась еще одна весна. Я замечал, как вздрагивала Тата, когда ее настигала волна, посылаемая мною. Ей стало лучше. Может быть, от всего того ухода и внимания, которым мы все ее окружали. Тата заметила мой эксперимент и запретила мне его продолжать. Но раз установившийся контакт продолжался самотеком.

Мы легко читали мысли друг друга. Не надо было много спрашивать: это было любовь. Мы решили, что мы – жених и невеста, но не объявили широко о нашем решении, – только две семьи должны были пока знать об этом. У Таты были свои дома, я должен был помочь ей в управлении имуществом, привести всё в порядок, а затем, кончив университет, начать свое дело. В девятнадцать лет всё это казалось мне вполне осуществимым.

Туберкулез – болезнь предательская. Она обманывает больного, то улучшением, то ухудшением. В тот день Тате было хуже: ее как-то лихорадило. «Посиди около меня, держи меня за руку, положи другую на лоб, я засну...» И вот тогда и произошло то, что незримой цепью сковало нас и для меня сделало невозможным то, о чем умоляли меня мои родители: оставить Тату и не связывать своей молодой жизни с ее, угасавшей. Я уже говорил, что мы часто читали мысли друг друга. Но на этот раз это было не чтение – это было видение. На короткое время мы были единой душой и единым мозгом, и видели и чувствовали одно и то же. Теперь, в настоящем будущем, мы бы сравнили это с двумя ТВ, подключенными на одну волну, на одну антенну.

Вот она, та рукопись, набросанная мною, еще не установившимся юношеским почерком, в тот день поздно вечером, когда я пришел в себя и записал всё пережитое, всплывшее в памяти нас обоих за короткий миг болезненного забытая Таты. Бред? При температуре самое большое 37 и две-три десятых? Сон? Но мы видели его вдвоем. Фантазия? Но мы никогда не писали об этом раньше. И потом, и сон и бред бессвязны. Но всё виденное было последовательно и связно в нашем видении. Пусть все убедятся сами в этом. Я видел смуглую гибкую девушку – Тату? И да, и нет: у нее были глаза Таты. Человек растет и меняется – не меняются только глаза. Я видел самого себя – с коричневой кожей, с черной длинной бородкой совком, жесткой от смолы. Я был одет в белую льняную ткань, на голове у меня был полосатый клафт. Я ходил по серым каменным плитам между круглых толстых колонн, покрытых росписью. Я чувствовал прохладу переходов и беспощадно-жаркое солнце снаружи. Но в этой чужой стране я был у себя, дома. Мне не надо было говорить на другом языке: я просто думал одновременно на всех, без слов. Я видел себя стоящим на страже у врат. Я видел совсем близко от своих глаз золотисто-карие глаза девушки, я шел, отупев от горя, за похоронным

шествием, и я видел себя пишущим свое последнее послание – кому? Не самому себе ли? И я был тот же самый и совсем другой. Точно кто-то подсказывал мне слова, которые я записывал. Теперь я всё рассказал бы иначе. Но пусть за меня говорит тот другой, давний. Я переписываю с желтой ломкой бумаги, которой не касался сорок лет.

ПАПИРУС АМЕНОФТИСА СКРИБА

Я, Аменофтис, окончу этот папирус и положу его в агатовый ковчег к тем гимнам, которые любила Налаат.

Я положу на ларец печать с закланием, да не запятнают руки святотатца моего послания. Эта печать будет из золотисто-коричневых камней, в которых застыли искры солнечного света, – из камней, похожих на глаза чужестранки Налаат.

Я, Аменофтис, воин по рождению, был начальником стражи, охранявшей Врата Шести Окрыленных Сфинксов, и жил во дворце Владыки Двух Египтов. Врата вели ко внутреннему двору храма, и я с высоких ступеней смотрел, как жрецы в льняных одеждах свершали обряды среди толстых, покрытых письменами колонн.

Я понимал надписи на стенах оттого, что был сам скрибом и умел сам изображать знаки. И знаками я записывал слова, которые хочется петь, а не говорить. Когда я стоял на страже, я как бы слышал их, в то время как думал о покрывале Изиды, об угле Сириуса, прожигающем черное небо, о голубых и белых лотосах в теплой воде Нила и о той девушке, которая станет сестрой моей – возлюбленной.

Один мой папирус прочитал жрец трижды великого Тота-Ибиса. У него был тонкий изогнутый нос ястреба и светло-ореховые глаза. Однажды он остановился против меня, и когда я склонился и вытянул руки в знак почтения и приветствия, он сказал: «Следуй за мной, и ты узнаешь то, что знают немногие. Ибо теперь ты готов узнать это».

И я стал читать старинные свитки, познав силу чисел и с башни наблюдал течение светил. Я чтил своего наставника, и он заменил мне отца, уже отошедшего в край закатный.

В одно утро, когда ладья Ра только что вышла в бирюзовый океан и когда тень от пирамиды далеко ползла по пескам и лицо Великого Сфинкса было как бы из красной меди, я вышел на гладкие плиты двора, чтобы, как обычно, воздать хвалу восходящему солнцу.

И да будет оно семь раз благословенно за то, что оно осветило в то утро лучом своим! Ныне пронзенный острой и невыносимой скорбью, всё же я говорю – да будет благословен тот миг движения времени! Но тогда я впервые не произнес хваления солнцу оттого, что громче крика лебедя в моем сердце раздалась тогда песнь красоте женщины.

В толпе пленников, присланных полководцами вместе с обильной добычей и дарами из Сирии, я увидел тонкое и бледное, с коричневатозолотыми глазами, лицо девушки. И велики были страдания и мольба, которые я прочитал в этих глазах.

И хотя малы были сила и значение стража врат, но через несколько лун я сам разорвал веревку на шее девушки. Я подхватил упругое тело в свои руки и унес девушку к себе. Я положил ее на мягкие шкуры абиссинских зверей и сам принес тонкие ткани, благовония и воду для омовения.

Мне говорила потом Налаат: «Я видела, как пламя охватывает город и как вбегают воины другого цвета кожи, чем наши. Мои братья были убиты на пороге дворца. Далее милосердная тьма покрыла мои глаза. Но очнулась я, царица, связанной пленницей... О, как тяжел был путь по пустыне! От мучительной жажды рот чернел и трескался, и жгуча была боль от песка, попадавшего в раны от бича. Мои глаза нестерпимо болели от блеска солнца и высохшей соли озер...»

И я, как безумный, прижимал к своим губам маленькие ноги. Я оклеветал погонщика, бывшего Налаат, и он умер под плетью.

И теперь, когда я приходил с раскаленных ступеней врат в длинную прохладную комнату с колоннами и стенами из розово-серого камня, Налаат танцевала для меня. Она походила на тонкий тростник, который склоняется по течению реки и шевелит листьями от слабого ветра. И танцы Налаат были непохожи на танцы наших девушек.

Я уходил охотиться на зверей, называемых по звуку их крика Маау. Их шкуры желты, как пески, среди которых они живут, а в кисти на конце их хвоста находится роговой коготь. Перед тем, как броситься на добычу, они бичуют себя хвостом по гладким бокам, чтобы

прибавить себе ярости. И, выпуская стрелу, я знал, что глаза Налаат блеснут, когда я положу перед ней золотистую шкуру.

Я проводил всё время с Налаат и забыл своего учителя.

А сейчас, когда я рисую эти знаки, мои глаза наполняются слезами и сердце исполняется скорбью, теснящей дыхание, и душа охватывается бессильным гневом, который заставляет людей впиваться зубами в руки. Ибо я начинаю повесть о смерти Налаат.

Да будет проклят тот миг, когда барка моя отчалила к Ону, городу, называемому на чужом языке Гелиополисом! Горе мне! – Я мог бы задержать стражу, защитить копьем и дротиком вход, пока Налаат не скрылась бы в тайнике, сделанном мною в толстых стенах. И да будет проклят тот день, когда я вернулся, ибо я услышал, как с криком отчаянья мой слуга говорил:

«Господин, за эти дни фараон, да пребудут в нем сила, жизнь и здоровье, сильно занемог. И жрецы сказали, что для его спасения нужно сжечь человеческое сердце перед статуей бога... Господин, не беги – уже поздно! Ты был пять дней в отлучке, а уже на второй день жребий пал на госпожу! Ее затворили в подвале с каменным ложем посередине, на котором жертва проводит ночь перед приношением. Утром, с толпой я пробрался в храм. Там, где колонны расходятся в круг, стоит жертвенник из черного камня. На нем лежала твоя Налаат. Она не была связана, но не могла пошевелиться, ибо ты знаешь силу чар устремленного глаза жреца! И только губы ее – я видел – беззвучно шептали что-то. Четыре серебряных курильницы стояли по углам жертвенника и струили дым, который одуряет. Протяжно пели жрецы. А когда они смолкли, над Налаат склонился и занес каменный нож жрец Тота, твой... Господин, что с тобой? Ты падаешь?..»

Черные покровы унесли меня в Страну Молчания, и мой двойник Ка покинул меня. Властный голос призвал его обратно, и я увидел глаза жреца Тота, имени которого я не смею назвать. И потом я покорно следовал за ним в шествии последней ладьи Налаат к ее гробнице, ибо она была все-таки царского рода. А также фараон пожелал смягчить мое горе.

Но теперь, ночью, путы на моей мысли порвались, и острое горе снова влилось в меня ядом. И двойнику Налаат, уныло блуждающему в переходах гробницы и снова возвращающемуся к смотрящей эмалевыми глазами мумии, эту повесть о великой любви и великом

страдании пишу я, Аменофтис, ибо я сcribe и умею изображать знаки четырьмя родами красок. Папирус мой будет лежать в агатовом ковчеге. Но двойники читают знаки в темноте гробниц. Когда я окончу, я поднимусь на самую высокую четырехугольную башню, с которой учился я наблюдать течение светил. А утром рабы, и воины, и каменщики закричат: «Вот, Аменофтис, страж врат, в темноте остутился с башни и лежит бездыханный».

Ибо, если Ра не послал мне смерти за богохульства, я сам не хочу жить в этом мире слепой жестокости. Да ведет везде и всегда дух Налаат мою гневную душу!»

* * *

Теперь, когда тот выход, который я искал, нашелся, я не думал о нем больше как о выходе. Одно дело – читать в книжке, что бывает перевоплощение. Другое дело – самому ощутить эту свою прошлую жизнь так, как ощущаешь стул, на котором сидишь. Для нас троих всё увиденное было несомненной реальностью. Да и многое другое совпадало: когда мне было пять лет (см. выше, об ангеле), была у нас и прислуга. В наш уездный городок приехал «кинематограф» – тогда еще они ездили из города в город... Всюду были расклеены афиши: «Дочь египетского царя»... Что такое египетский царь – я знал хорошо по книжке Закона Божия: толстые колонны, опахала из перьев, пестрый полосатый плат вокруг тяжелого, властного лица и кругом – окарачь ползающие подданные. Дочери или какое-то сходное женское сословие были на картинке на заднем плане и особого интереса не вызывали.

Прислуга Вася (от «Вассы») была в кинематографе, пришла и, захлебываясь от восторга, рассказывала: «И вот взяли ее и бросили в Нил: да, вот так волны и бегут, и бегут, а она еще плывет, а потом и не видно больше!..»

И тогда случилось нечто неожиданное прежде всего для меня самого: «потомок викингов», в общем, никогда не ревел, а только злобно куксился; а тут он бился в горькой истерике, и бился долго, пока не выбился совсем из сил. И в пять лет я испытал то же жгучее чувство непоправимой потери, которое дошло до меня из папируса

Аменофтиса сcribe – папируса, оставшегося какой-то тончайшей пленкой в глубине памяти совсем других – или тех же самых – юноши и девушки из провинциального тихого городка.

Как-то в кинематографе Тата шепнула мне: «Видишь? Вот такие же самые окна – узкие, двойной арочкой, были у нас во дворце...»

Я сказал уже, что виденное было несомненной реальностью для нас троих. Двое были мы – я и Тата. А третий...

Глаза выпуклые, как у ястреба. Горбатый нос хищной птицы. Мы – т. е. я и Витька – были еще в гимназии. Как-то вечером Витька вел сестру через заснеженный парк. Под зеленоватым фонарем кто-то приподнял шляпу. И Тата не могла забыть этих глаз. «Витяйка, кто это был?..» Потом она их припомнила.

Я должен был рассказывать всё о себе учителю. Я рассказал про папирус. Он, как показалось мне, немного смущенно сказал: «Ну вот, здравствуйте!..»

В Петербурге он делал опыты с глубоким гипнозом. Одна из его спящих подопытных неожиданно назвала его – он не говорил, каким именем. Вопросами он установил место: Египет, и время – по-видимому, начало 18-й династии, при первых Аменохотепах. Кем он был – он так и не сказал нам.

Но теперь отношение мое к нему было двойственным: ведь он был ее убийцей. Пусть тогда, в прошлом, но все-таки... Обращали ли вы внимание, что мир все-таки двойной? Вот люди ходят по улице, приходят в дома, здороваются, пьют чай, все сидят чинно на стульях. А в воздухе сверкают и скрещиваются невидимые клинки... Клинки были в руках Таты и учителя. Нападала Тата и отбивала – меня. Она заметила быстро то, что я, по молодости лет, и не подозревал: учитель вдруг как-то уставал, отлучался куда-то на минуту и возвращался с блестящими глазами, оживленный и полный интереса ко всему.

– Скажи, он дает тебе принимать что-нибудь? – спрашивала не раз Тата.

– Ну, раз перед моим докладом намешал какие-то капли и порошок – чтобы я не робел перед публикой...

– Не смей больше никогда у него ничего принимать...

С учителем дело становилось всё хуже и хуже. Он стал явно опускаться. При полной загруженности уроками – сидел без денег: не было дров. Топил свою дворницкую керосиновой лампой. Бывало,

заснет, а лампа закоптит. Проснется, а на нем самом и на всем кругом на палец толщины жирной копоти. И книги на полках стали черноватые и пахли керосином. Я стал избегать его. И раз он попробовал взять меня под гипноз – под предлогом интересного опыта. Я понял его намерение, но не мог отказаться – я все-таки не хотел открытого разрыва. Но в ушах у меня еще звучало Татино: «Не смей поддаваться!» Женщина отбила последний выпад клинка и победила. Я ушел от него и не приходил больше. Так я и сошел с Пути. Сначала ничего не произошло. Вообще всё шло, как будто, по-прежнему, и не по-прежнему... Я проводил свое свободное время с Татой. Это был теперь третий год нашего знакомства. Но как изменилось то, что я чувствовал по отношению к ней! Я не дичился, не обожал безмолвно издали, а требовал теперь ее исключительного внимания к себе – потому что всё мое внимание было теперь сосредоточено и собрано на ней. Котла приходили Татины подруги – я дулся и сидел молча в углу, считая минуты, когда уйдут.

Люди ошибочно считают, что чувства их вечны. Люди клянутся в любви «на всю жизнь», в ненависти «до гробовой доски» На самом деле даже два-три года большой срок для чувств. И даже год – очень большой срок до двадцати одного года.

Мне запомнился сон, виденный мной в то время: я сижу один в своей студенческой комнате. Все двери закрыты. Кто-то стучит в дверь – отпираю: пусто в коридоре. Стук глуше и дальше – за выходной дверью. Отворяю: никого. Стук раздается внизу, на лестнице, – едва слышно.

Просыпаюсь с бьющимся сердцем. В голове назойливо повторяются стихотворные строки:

*Боль неизвестной потери
Смутно мне сердце тревожит.
Кто-то стучится за дверью.
Хочет сказать – и не может.*

Этих стихов никому не показал и никому не сказал про этот сон. Но не был ли этот стук отзвуком тех стуков – в стене?

За это время мы совсем разошлись с Витькой. Может быть, он ревновал к сестре. Эта семья была на редкость спаянной. Может быть, он хотел дать мне почувствовать мое настоящее место в чужой семье. Тата не могла не заметить этого. Может быть, это было первой трещиной. Второй – моя ревность: я ревновал Тату ко всем и ко всему. Зима в тот год была жестокая. Как-то, возвращаясь домой с разгоряченным горлом, я застудил его. Сначала было больно глотать, потом заболела голова, потом я метался в жару на постели своей студенческой комнатухи с дикими болями в легких. Голос у меня пропал, а моя квартирная хозяйка, рыжая и очень глупая молодуха, была вдобавок глуха. Так прошло несколько дней. Тата почему-то не заинтересовалась, куда я пропал. Наконец, собравшись с силами, я написал записку и кое-как растолковал хозяйке, куда ее доставить. Пришла мать Таты. Она несколько дней провела у моей постели и выходила меня, пока мне не стало лучше. Тата посылала приветы. И долгие недели я просидел один, сиплый, подавленный потерей семестра, небритый и злой. Татина мать присылала мне обед – то с сиделкой (в доме был разбитый параличом дядя), то с Витькой, который сразу же уходил. Раза два была Тата. Она явно торопилась уйти. Из ее слов – коротких и как бы нехотя – я узнал, что в городе появились новые люди, которые теперь бывают у них, среди них один доцент университета. Но ей некогда, надо идти, а то что же люди подумают?

Когда, наконец, солнечным и радостным маем я пошел на свое место в лаборатории, я с ужасом увидел, что вся моя очень дорогостоящая стеклянная посуда была растащена дорогими коллегами. Мой семестр пропал, и мне предстояли большие платежи – за других. Совершенно подавленный, я пришел к Тате. Как раз перед моей болезнью, на Рождестве, мы решили, что нашу свадьбу надо устроить в июне. Придя, я увидел, что Тата была как-то рассеяна, точно ждала чего-то или кого-то. Несмотря на то, что наш разговор совершенно не клеился, мне нужно было упомянуть про предложенную свадьбу, так как семестр кончался и мне надо было ехать в деревню к родителям. Тата ответила как-то мимоходом: «Свадьбы не будет». На мое вполне беспомощное: «Но как же? Ведь

ты сама хотела...» Тата, с облегчением, быстро: «Когда любят, то так не смотрят. Мне совсем чуждо твое отношение к людям».

Я сделал самую естественную вещь для человека в таком положении, вещь естественную, но далеко не лучшую: я начал умолять Тату переменить свое решение. Тата вытянула вперед сложенные ладонями руки и, не глядя на меня, сентенциозно сказала, уже на «вы»: «Я удивляюсь, неужели профессора в университете должны вам всё повторять по два раза?»

Еще несколько дней я бывал у них в доме, пытался поговорить с Татой, но не мог: всё были гости, в том числе новый приезжий доцент. А потом я ушел. И когда через год умерла Татина и Витькина мама, то не мог я идти – чужой и ненужный – за ее гробом и молча смотрел, как гроб провезли по главной улице, мимо окон нашего института.

Что произошло в Тате? Послушалась голоса благоразумия? Нет, всё что угодно, но не это. При всей нашей близости, Тата осталась для меня загадкой. Конечно, у Бунина есть строки:

*...Для женщины прошлого нет:
Разлюбила – и стал ей чужой...*

Ну, разлюбила – это понятно. И, конечно, мы оба собирались сделать глупость. Загадкой остается – как она полюбила и как она разлюбила: точно в одну минуту.

Что было дальше? Дальше были целые жизни, короткие и длинные. Тата лечилась в Швейцарии, потом вышла замуж за доцента. Домами и землей стал управлять Витька и забросил свои стихи и рояль. А и то и другое у него было с талантом.

Человек с ястребиным носом и блестящими глазами хищной птицы вскоре после нашего разрыва умер от гангрены легких: нельзя безнаказанно мешать втягивание колючего горького порошка в нос с упражнениями на Пути.

Моя жизнь, отделенная от встреч в прошлом, стала моим настоящим. Мне некогда было думать о прошлом. Дни были как будто безоблачны. Но дни были сочтены: сначала поднялись тяжелые тучи с

востока и закрыли нашу страну, потом пришла гроза с запада. Это был пестрый калейдоскоп смерти, страха и голода. Еще раз вывезла кошаच्या живучесть.

В середине войны я узнал – умерла Тата. Все-таки туберкулез не дает пощады.

Я сижу в глубоком найлоновом кресле перед электрическим камином. Тихо жужжит флуоресцентная лампа. Я окончил повесть о прошлом. Своему далекому двойнику в сверхбудущем я посылаю ее, как моряк бросает засмоленную бутылку в море. Медленно кладу я три фотографии обратно в конверт и надписываю: «Сжечь после моей смерти». Моя рука не может их уничтожить. Почему? Ведь это же прошлое, а я уже в будущем. Но, всё равно, не могу... Там... в далеком прошлом я любил и ненавидел Налаат-Тату. А теперь... А теперь я прошу Владык рождения и смерти:

«Там, в будущем, когда мы снова должны будем прийти сюда и, беспомощные и незнающие, будем снова пытаться жить, дайте нам с Налаат пройти мимо, не заметив друг друга!»

НАДЯ? КОГДА БУДЕТ НАДО, НАЙДЕТ...

Было это еще тогда, когда то место называлось Эстляндской губернией и все ездили не так далеко, как теперь. У деда был старый дом с целой системой садов и палисадников при узловой железнодорожной станции. Нас, внуков, посылали иногда из губернии Петербургской (что было совсем под боком) к деду. Было, конечно, интересно ездить: желтые вагоны с мягкими сидениями и с запахом апельсинов и каменноугольной гари, и дом со старинной мебелью и таинственным чердаком, но были и свои неудобства: дед был строг и крутоват, а у меня с детства характер был неудобный: склонный к одиночеству, фантазии и к желанию многое делать именно по-своему. Так что там надо было быть поосторожнее, что мне удавалось не всегда. А дед был общительный, гостей любил, и гости наезжали часто. В одно из наших пребывания там наехала в гости семья Скворцовых – дедовых сослуживцев. Что там взрослые делали, мне в моем пятилетнем возрасте оставалось неизвестным и мало интересным, известно было только то, что мне, как предположительно хорошему мальчику, подарили коробку мармелада – коробочка голубая с хорошим мальчиком на картинке. У Скворцовых было две девочки: Вера и Надя. Вера была постарше намного, и ее я не помню, а вот с Надей мы подрались, и она расцарапала мне нос (из-за перевеса в возрасте на два года). Причины не помню, по-видимому, из-за сравнения мармеладных коробок, у нее – розовая с хорошей девочкой на картинке.

Нас разняли, из-за присутствия гостей мне не попало, и для примирения нас с Надей посадили на подоконник и снимали, – коробки в руках, и я отворачивался вправо, чтобы царапина на носу не вышла. Фотография осталась и пережила войну, гражданскую войну, бегство из России теперь уже не в Эстляндскую губернию, а в Эстонию к деду, и дальнейшее беженское житье. Надя на фотографии была худенькой девочкой с темно-русой головкой и мрачным видом – последствием нашего недоразумения. Фотография хранилась где-то в

пакете, была почти забыта и разве что служила семейным напоминанием: «А характер у тебя скверный: помнишь Скворцовых?»

Вспомнили их опять у деда в Эстонии: в зиму 20-го года прибыли они, как оптанты, из России.

Я был тогда уже подростком, не по летам длинным и не по летам любопытным и жадным до впечатлений – в нашей очень скудной беженской жизни. Характер же изнутри оставался прежним: склонным к мечтательности и одиночеству – из-за преувеличенной стеснительности.

Скворцовы, пока не устроились, оставались на той же узловой станции, где жил дед, ютились все вместе в тесной комнатухе, и мы бывали у них, и они у деда, и разговоры были обычные беженские: «Ах, что-то будет?..»

Вера только что вышла замуж, была она какая-то белесая, точно заспанная, по-моему некрасивая (т. е. не походила на красивые картинки), но мое пятнадцатилетнее любопытство щекотало: «Замужем... Значит...»

А Наде было семнадцать лет, и она совсем походила бы на красивые картинки, если бы не широкая кость, уж очень пушистые брови и статное, плотное сложение. Она была с лица очень цветная: яркий румянец, нежная, светлая кожа, блестящие серо-голубые глаза и каштановые волосы – так и падали волной ей на плечи.

Мама-Скворчиха и Вера очень любили пощебетать – там слово вставить было трудно. А Надя всё молчала. По-моему, за эти пару месяцев я с ней слова не сказал. Я-то был стеснительный, а она смотрела и молчала. Мамаша Что-то говорила про жениха для Нади – будто военный и много старше нее. Мне это что-то не понравилось, но меня никто не спрашивал, что я могу о таких делах думать, да и Скворцовы уехали куда-то и я о них больше ничего не слышал.

Далее дел было много: и гимназия, и университет, и военная служба. Были у меня всякие романы, и женился я, как следует, и сын появился, и о Наде я не только не думал, но даже и о фотографии позабыл. Дед и бабка давно умерли, и дом с садами и палисадниками были в чужих руках, и жил я в столичном старом-престаром Таллине с каменными башнями и островерхими кирками, и делать на узловой станции было мне нечего.

А потом началось: и Эстонию занимали то те, то другие, и война, и бегство – опять! Думать было некогда, думать надо было быстро – как бы уцелеть. В конце концов мы оказались на беженском – дипийском дне в Германии. И вот однажды, по всяким дипийским делам, подходит ко мне статная молодая девушка, так лет девятнадцати, и говорит: «Вам привет от моей матери – вы помните Надю Скворцову?» Тогда вспомнил. Такой, какой она была той зимой двадцатого года. И дочь была точным повторением, и даже звали ее тоже Надей. То же имя? Но ведь бывают же Ивановы Ивановичи!

Знакомство наше было недолгим: она куда-то уехала через несколько дней и больше о ней я ничего не слышал. Меня несколько поразило и задело, как она со мной разговаривала: коротко, ясно и точно тоном приказа. Правда, положение мое стало дипийским, то есть нулевым, но все-таки был я тогда уже сильно за тридцать, уже к сорока, повидал всякие виды, а она была существом хотя и милым с виду, но все-таки вдвое моложе меня.

Но забыть ее мне пришлось опять, и очень основательно, из-за дел последующих и дальнейших. Надо было существовать, и не одному, а с семьей, и надо было думать о будущем в местах чужих и столь отдаленных. Пришлось оплавать семь морей, пока не удалось приплыть в гавань со статуей в венце с длинными лучами и с каменным факелом в руке.

Тогда жизнь стала делиться на периоды по месту жительства, и в остатке деления были отставка, пенсия, садик с розами и немного хороших друзей.

Так вот, у этих друзей должны были собраться гости в этот зимний вечер. Жена должна была попасть туда из города, а за мной, в наш маленький загородный домик, друзья хотели заехать и взять меня с собой.

Уже смерклось и падал снежок: всё стало пушистым. Я был один и не включал света: люблю снежные сумерки. Из окна моей верхней светёлки-кабинета были видны и улица, и наша калитка: подъедут – успею сойти вниз. И тут я услышал, что по снегу с прищептыванием подкатил автомобиль. Я стал быстро спускаться по лестнице, но успел еще заметить, что автомобиль был не тот, которого я ожидал: это был голубой грузовичок с кабинкой – подъехал и откатился в сторону. И тогда пропел свое «динг-донг» звонок. Странно – кто бы это мог быть?

На всякий случай осветил портик и одну дверь открыл, а стеклянную держу на запоре: времена теперь пошли такие!

На ступеньках стоит юноша в вязаном сером лыжном костюме: рейтузы и фуфайка. Из-под вязаного колпачка выбиваются длинные волосы, падают наперед; показалось мне даже, что у него каштановая борода – ведь сейчас бороды носят как раз такие юнцы. Не могу себе представить – кто это. Может быть, сын прислал кого-нибудь из своих студентов?

На румяном от холода лице ласковая улыбка. Глаза светятся от радости. Не могу ничего понять. Чистый и сильный голос говорит: «Здравствуй!» Открываю стеклянную дверь. Мне щекочут шею шерстяные рукава, мягкая, нежная щека прижимается к моей, меня касается девичья грудь. «Не узнал? Я – Надя...» Да, это она – и ей всё семнадцать лет. Сон? Но из двери несет холодком – закрываю. Но рукав шерстит, но рука – теплая. «Я тебя отыскала — я здесь от аэроплана до аэроплана. Постой, не спрашивай, я сейчас всё объясню сама! Ты помнишь, как ты читал в толстой старой книге на чердаке у деда про бессмертных – Старца Горы, рыцаря Валька? Там была ерунда — они пили какой-то эликсир. Этого не надо: это всё не так!»

Да, помню, читал – тогда, когда мы встретились...

«Ну, да, во второй раз! А ты помнишь еще, как в нашу первую встречу я тебе расцарапала нос? Ты был такой злючка – за дело! А как со мной это случилось? Это бывает, как миллионный выигрыш в лотерее: тоже один на миллионы. Какая-то сила выбирает одного – или одну и делает бессмертными. Но это тоже не так, – это происходит так: я прихожу и ухожу, или – перехожу. Я просто помню всё, всё та же. Ты же должен понять!»

Да, я начинаю понимать. Тогда, в детстве была она – или ее бабка. Цепь – от матери к дочери. В Средние Века их бы сожгли.

Но почему она так рада видеть меня? Ведь я не хранил по-рыцарски памяти о ней?

«Ах, ты не представляешь себе, как я одинока! За всё — и за это – надо платить. Вот я и плачу одиночеством. Ведь все вокруг меня уходят и я их теряю. Я вижу столько людей и они все мне чужие. Вот сейчас только ты один тут остался!»

Это началось тогда – с того детства. Я сначала не понимала, что такое со мной происходит. Это росло постепенно. Я молчала. Тогда,

после войны, я не уходила – я перешла Я нашла тебя. Но ты был тогда таким пришибленным и неловким, и мне жалко было видеть тебя таким. Я ушла».

– Ты говоришь, что ты должна на аэроплан. Куда ты должна лететь? Дай я сделаю тебе чаю – погрейся и поешь!

«Да, дорогой! Только времени мало, и дорога трудная, и я должна позаботиться о вещах – я скажу шоферу... Жди меня – я вернусь!»

Хлопает дверь, звякает калитка, хрупко удаляются по снегу шаги. Машинально я ставлю чайник на огонь, собираю посуду на стол.

Кто она сейчас? Костюм дорогой, куда-то летит – видно, что средства – не вопрос. Что ей старик не у дел?

У дверей опять движение, звонок звонит весело и долго: «Ну, мы за вами! Собирайтесь скорей – незачем тут чаи гонять: у нас получите! Там уже все в сборе и только вас ждут!»

А как же Надя? Придет, и дом будет пуст и темен? Но ей семнадцать, а мне?.. И, кроме того, мне немножко страшно: «Я уйду и прихожу...» Ну, уйдем – она будет помнить, а я?

«Я сейчас, сейчас! Только вот загашу огонь под чайником!..»

Надя? Когда надо будет, она найдет. Времени впереди много. На ковре, перед дверью – талый снег. И я не уверен теперь – кто его оставил.

Снежок падал весь вечер. Когда мы вернулись, перед домом была ровная и тонкая снежная пелена.

Следов не было.

ЧЕГО НЕ СЛЕДУЕТ ДЕЛАТЬ С ЗЕРКАЛОМ

Всё то, что будет описано дальше, произошло от застенчивости и стеснительности. Ход событий в этих случаях бывает таков: застенчивость производит одиночество, одиночество производит скуку, скука требует развлечений, а в одиночестве таковые обращаются в эксперименты, а этих-то и не следует делать, если не знаешь – как.

Застенчивым был человек по имени Александр Браун, химик лет тридцати, на службе в лаборатории, росту видного и наружности приятной (шатен с серыми глазами), холост, адрес – небольшая квартирка на боковой улице. А застенчив он был до того, что, спрашивая на почте марку, краснел на обе щеки. В университете это не мешало: профессора считали вполне нормальным, что студент на экзамене смущается, а с коллегами можно было вступать в разговоры в самых крайних случаях; в лаборатории же, которой он заведовал, был всего один химик, именно он сам, да еще два ассистента-лаборанта. Это были мужики уже за сорок, в жизни разочарованные («мало платят»), довольно угрюмые и хорошо знающие свое дело. Они утром здоровались, а к вечеру пытались улизнуть и без «до свидания». На анализы заполнялись формуляры, дальше дело шло в канцелярию, а с директором встречаться приходилось редко: директор считал лабораторию за необходимое в расходах зло и, поскольку дело шло, был занят делами денежными. Так что пыткой стеснительности Брауна не истязали.

Братьев-сестер у Брауна не было; со смертью родителей и остальная родня как-то рассосалась. Знакомых домов у Брауна не было, а знакомых – очень мало, и то как-то вне дома: больше на улице. На танцевальные вечера Браун не ходил: не мог себя представить делающим что-то ногами с серьезным лицом. Еще существенный пункт: женщины. Было две знакомых барышни – тоже уже под тридцать. Одна хорошая, но некрасивая, с толстым носом; другая – поменьше, – так: носик, кудерки и маленькие быстрые глазки. Сказать правду, у нее были тайные виды на Брауна, и потому она и пыталась чаще попадаться ему на глаза: была она библиотекарем. Конечно, при

таком досуге дома Браун сидел и читал, и читал всякое разное. Понятно, что по контрасту со своей жизнью он предпочитал фантастику. Натолкнулся он и на модные тогда теософию и йогу. Не то чтобы поверил, но счел вероятным. Но ход событиям дала здесь все-таки женщина: носик с кудерками.

«А послушайте, Александр, не сидите дома как медведь в берлоге. Вот вы мне нужны, и не отговаривайтесь, что вы заняты: я ваши занятия знаю!

Тут у одних моих знакомых хотят устроить спиритический сеанс, и для этого необходимо семь пар. И я очень хочу там быть, и у меня нет пары!

Да бросьте стесняться – там больше будет людей, которые совсем друг друга не знают: придут для пары!»

Да и в комнате темно будет и никто на вас смотреть не будет! И молчать всем положено, кроме хозяина дома: он-то и есть главный маг-медиум!

Ну, приходите, сядете за стол, стол покрутится, а потом домой пойдем!»

Если женщина захочет. Поэтому в назначенный вечерний час оба они явились на место. Квартира главного йога-медиума была не роскошной, но большой и хорошо обставленной. После весьма невнятных представлений друг другу гости чинно расселись парами за большой овальный стол в гостиной. Этот себя уважающий стол и не собирався крутиться или стучать своей толстой точеной ногой – был стол с весом, да еще четырнадцать человек на него облокотились. Посему хозяин сымпровизировал «Уйджу» или «Уйя» – кто как в незнании называет дощечку на трех штифтах; дощечка (или планшетка) формой в виде сердца: на остром углу штифт-указатель. Главный йог и его визави через стол кладут свои пальцы на дощечку и Уйджа (французское «oui» и немецкое «ja») и дают ей ползать по большому куску картона, на котором написаны по кругу буквы алфавита, а также выведены слова: «да» и «нет». Есть еще и цифры от 0 до 10-ти. Дощечка ездит по картону и указывает остановками на буквы, каковые и записываются тотчас же. Лампы при этом притушиваются, а незанятые участники сеанса соединяют руки: крючком мизинец за мизинец. Цепь разрывать не положено.

Так всё и было устроено. Барышня с кудерками крепко держала Браунов мизинец и иной раз выразительно его пожимала. Браун на всё смотрел с любопытством. Про такое он читал раньше, и в самом деле интересно было проверить – что выйдет. Но сначала выходила ерунда: так, как будто пробуют шрифт пишущей машинки. Задавали вопросы, но получалась невнятица или что-то ни к селу ни к городу. Барышня с кудерками спросила: «Кто меня любит?» В ответ вышло: «Бурбонкс». Барышня обиделась, но смолчала. Но потом вдруг стали появляться короткие связные фразы. Но толка от этих фраз тоже было мало. «Я хочу знать – счастлива ли она там?» Ответ: «Далеко, далеко...» «Что будет со мной в будущем году?» – «Остерегайся несчастливых дней».

Дошла очередь до Брауна. А он, как в телефон: «Кто говорит?» Ответ: «Мы. Привет отсюда. Пиши».

В общем, на этом и кончили сеанс. Хозяйка принесла чай с печеньем, поговорили еще немножко, хозяин-йог был явно смущен и говорил, что этот метод еще нужно вработать.

Браун проводил свою даму домой, а сам всё думал: «Что это означает: "Пиши!"?»

После этого в его жизни произошли следующие события: 1. Из мастерской был изъят треугольный кусок полудюймовой фанеры; ничего не подозревавший механик («нужно в лаборатории») придал куску более правильную форму и подходящий размер (как раз положить в портфель) и просверлил в вершинах этого треугольника три дырочки. 2. Дома в хозяйстве Брауна нашлись три довольно длинных гвоздя, каковые были вбиты по шляпку в просверленные дырочки. 3. Напильником, похищенным (временно) из лаборатории, были затуплены острия гвоздей – так, чтобы не рвать бумаги. 4. В писчебумажном магазине был приобретен кусок белого картона, и дома на этот картон были нанесены пологой дугой буквы алфавита, а под дугой – цифры; Браун догадался еще пририсовать жирные точку, запятую и оба знака; в углах картона были выведены слова: «да» и «нет», – словом, был скопирован комплект уйджи, – будем называть ее просто планшеткой.

После ужина Браун притушил свет и сел за свое произведение к его разочарованию, сначала, так на полчаса, не произошло ничего. Потом руки устали, начали слегка дрожать, и прибор медленно пополз по листу. К удивлению Брауна, сразу же получилось: «Мы тут. Мы

хотим говорить». Браун задал мысленно вопрос: «Кто вы?» Тогда треугольник вдруг пополз очень энергично и сразу получилось: «Это я. Говори со мной!» На вопрос: «Кто ты?» – ответ: «Я была женщиной». Браун: «А теперь?» – «Теперь я – воспоминание». «Где ты?» – «В зеленом мире». – «Можно ли мне тебя увидеть?» – «Ты должен научиться видеть. Надо долго смотреть». – «Но как же?» – «Тебя научат». Далее треугольник остановился: разговор был окончен. Запись Браун сделал потом, больше по памяти, благо фразы были короткими.

Как и большинство людей, Браун забывал свои сны сразу же, когда просыпался: точно кто-то проводил мокрой губкой по грифельной доске. Но бывали и яркие сны, которые оставались в памяти: вот он бродит по большому городу; он смутно помнит расположение главных улиц, так как когда-то раньше бывал в этом городе; но чем дальше, тем больше он запутывается, теряет направление, плутает и просыпается. Или сны о какой-то глубокой древности: он с другими учениками стоит у парапета высокой башни, и старец, благообразный и важный, с длинной седой бородой, объясняет ученикам движение светил. Вспоминался также какой-то старый дом, до того дряхлый, что дерево крошилось.

В ночь после своего первого опыта с планшеткой Браун увидел себя перед высокой глухой стеной: ни окон, ни дверей. Но ему нужно сквозь эту стену пройти; он прижимается к стене и как-то входит в нее, точно растворяется. Вот он на другой стороне: перед ним зеленоватое пустое пространство – еще шаг и он опустится в пропасть. Но голос – женский голос – говорит ему в ухо: «Я с тобой. Пойдем вместе!» Тут он просыпается, а в ушах еще звучит шепот: «Пиши!»

В лаборатории всё думал об этом «пиши». Кому? Ведь адреса нет. Вот дети перед Рождеством пишут Санта Клаусу и пускают свои письма гореть в камине.

Планшетки вечером не брал: эти отрывистые фразы только сбивают с толку. «Пиши!..» Кому? Самому себе? Но в памяти невольно всплыло название: «автоматическое письмо». Об этом он где-то читал: медиум сидит и пишет. Но сам-то он. Браун, не медиум... Но что если попробовать?..

Вечером уселся поудобнее, положил руку с автоматическим пером на лист бумаги, стал ждать. Сначала Ничего не происходило: рука

лежала спокойно на бумаге, немного устала. Потом что-то заходило в пальцах и перо вывело волнистую линию. И дальше вдруг незнакомым почерком: «Я здесь. Сиди и пиши!» Мысленный вопрос: «Кто ты?» Ответ: «Когда-то мы были вместе. Я опять хочу быть с тобой». Вопрос: «Но где и как?» – «В моем зеленом мире. Сядь перед зеркалом и жди: потом стеклянная стена откроется». – «А дальше?» – «Дальше я тебя поведу». Это было всё.

Браун подумал: «Интересу ради надо сделать опыт». В комнате было большое зеркало. Когда-то на прежней своей квартире Браун поставил большое зеркало над полкой камина: и комнату украсило, и пространства стало больше. На этой квартире камина не было, но Браун, который умел немного плотничать, прикрепил зеркало к стене над маленькой приступочкой: получилось совсем нарядно.

Вот перед этим зеркалом он и сел, не двигаясь и напряженно всматриваясь в зеленоватое отражение комнаты. Так прошел, может быть, час – тогда Браун заметил, что он больше не сидит на стуле, а подошел вплотную к стене и пробует ее руками – нельзя ли пройти – совсем как во сне. Часы стали бить, и тогда Браун заметил, что проснулся и сидит на том же стуле.

«Ну, конечно, глупости!» – подумал он и отправился в спальню. В эту ночь он увидел ее во сне. То есть сказать «увидел» было бы неверно: он не видел никакой фигуры, а она стояла рядом, совсем рядом, и говорила в ухо. Это было совсем осязаемым, хотя и невидимым присутствием. Ходят же люди рядом, друг на друга не глядя. Так было и тут. Разговор был о зеркале. Она говорила:

– «Напрасно ты прервал свои опыты: еще немножко и ты был бы вместе со мной!»

– «Но я просто спал!»

– «Есть разные сны: есть и такие, в которых происходят события».

– «А что такое сейчас: просто сон или событие?»

– «Из этого сна будут события».

– «Почему я не вижу тебя в виде женщины?»

– «Мы не имеем ваших форм – мы так же отличаемся от вас, как шар от круга».

– «Когда же мы были вместе?»

– «Очень давно: ты уже забыл! Но ты вспомнишь в зеркале».

– «Должен я повторить свой опыт?»

– «Да, конечно. Опыт твой чуть не удался. Не бойся – я буду рядом с тобой».

Весь следующий день Браун был очень рассеянным и едва не загубил очень нужного и ответственного анализа.

Вечером уже по привычке начал после одиннадцати ложиться спать, снял пиджак и уже начал расшнуровывать ботинок, как вдруг решил: «Надо попробовать с зеркалом. Всё равно, спать не хочется: хочу увидеть: кто она?»

Как и в прошлый раз, устроился поудобнее на стуле против зеркала и начал опять напряженно смотреть. Часы убрал в прихожую, чтобы не били и не будили. Он не мог сказать – сколько прошло времени: в зеркале определенно возникло какое-то движение. Вот он сам встал и подошел к стене. И вот рядом с ним возник какой-то облик: такой, как будто видимый краем глаза. Браун рванулся к этому облику, но развязанный шнурок застрял между стеклом зеркала и подставкой. Браун сделал резкое движение, шнурок оборвался и застрял под стеклом

* * *

В лаборатории утром было смятение: секретарша стала требовать результаты вчерашнего анализа, дело было спешное. Лаборанты с недоумением отвечали, что химик, обычно такой аккуратный, еще не пришел. Директор выразил крайнее неудовольствие и велел передать Брауну, чтобы тот немедленно явился по приходе. Но Браун не пришел и не явился. На следующий день директор отправил из лаборантов на квартиру Брауна. Дверь оказалась на замке и на стук, вернее стуки, никакого ответа не было. С этим лаборант и ушел. Директор был свиреп и терялся в догадках: «Уехал? Тогда выгнать немедленно. Запьянствовал? то же самое! Болен?» Позвонили по всем госпиталям и больницам – такового пациента не было нигде. В полиции еще раз просмотрели все несчастные случаи – ничего похожего. Тогда стали действовать средством испытанным: полиция и домашняя хозяйка со вторым ключом. Но в квартире было пусто. В спальне нашли снятый пиджак с деньгами и документами в бумажнике. Посреди комнаты

перед зеркалом стоял стул – но стоял мирно, без следов борьбы. Все окна были на задвижках. Куску белого картона с буквами и цифрами, найденному на столе, не придали значения: какая-то игра. Глазастый полицейский заметил оборванный конец сапожного шнура, застрявший под зеркалом, но даже не упомянул его в протоколе. В полиции протокол положили в ящик незаконченных дел и на этом дело закончили.

Теперь спрашивается: каким образом автор узнал всё, что происходило по вечерам в запертой квартире Брауна? Тут автор должен покаяться: согрешил экстраполяцией. Но экстраполяции дозволены в науке при наличии каких-то отправных данных. У автора такие данные были. Во-первых, он был в приятельских отношениях с библиотекаршей и знал сам Брауна по обществу химиков. Библиотекарша рассказывала и плакала. Во-вторых, и полиция, и директор поручили автору просмотреть бумаги Брауна и доложить результаты.

Тут автор должен еще раз признаться, что он согрешил: из жалости к полиции доклад им свелся к формуле «на нет и суда нет». В-третьих же, автор осведомлен о том, чего с зеркалами не следует делать.

Евгений Витковский

**КАНОПУС И НАРЦИСС
(Послесловие)**

Отвяжись, я тебя умоляю!
В. Набоков. К России

Мы уж и слова-то такие давно позабыли («оптант», «лимитроф»), а иных без поэта Нарциссова не знали бы вовсе – они сами ему придумались и проскользнули в его стихи: «кокодрил», «южас»... Да и памятная «драконограмма» – определенно не то, что хотелось бы читать уединенными вечерами, беседуя с Музой Дальних Странствий – и ни с какой другой музой, хотя колокольцы Эдгара По иной раз в поэзии Нарциссова и слышны. И если на тихой улице, в тихом квартале привяжется к вам небольшой, с кошку, но зубатый и мерзкий *кокодрил*, столь же страшный, как трясущийся после пересечения границы *оптант* ; если вцепится он вам в пальто ли, в штанину ли (вот уж и куска таковых как никогда не бывало), – тут только и заорать набоковское «Отвяжись, я тебя умоляю!» и хряснуть по колбасному телу этой мумифицированной мерзости, приползшей из средневекового ночного кошмара, по этому предку обыкновенного крокодила, коего вроде бы как лекарство вешали под потолок в тогдашних аптеках и продавали в сушеном виде на унции. Что он такое — теорий много, но в поэзии Бориса Нарциссова он поныне есть и пребывать останется.

Русского поэта Бориса Нарциссова создала Эстония, сберегли США... но имя и дух его поэзии даны совсем иной землей. Вот и начнем с нее – с Австралии.

Русский язык в его литературном оформлении из-за четырех волн эмиграции, из-за спазм, которыми обуяла русских поэтов та самая романтика, заслужившая от Ивана Елагина реплику: «*Я бы ноги ей переломал, этой самой Музе Дальних Странствий* », обрел значение

мирового. И возник незначительный пока что вопрос о том, кто входит в число лучших русских поэтов Южного Полушария, Южной Африки, Австралии, Новой Зеландии, Южной Америки. Не так уж мало занесло в эти края русских поэтов. Некоторое время в 1923 прожил в Австралии поэт Скиталец (С. Г. Петров, 1868-1941). Павел Павлович Булыгин (1896-1936) из расположенной почти на экваторе Эфиопии, озабоченной ожесточенным сопротивлением войскам Муссолини, перебрался в Парагвай, находящийся уже довольно далеко к югу от экватора. Кровоизлияние в мозг оборвало жизнь этого единственного значительного поэта «русского Парагвая», но русским поэтом он оставался и в Южной Америке: «За облака я часто принимал / Сквозные контуры Синая. / Я русскую деревню основал / В лесах глухого Парагвая»... Да, было и *так*, и *там*. Были русские поэты и в Чили, и в Аргентине. Бразилия на четыре десятилетия стала «резиденцией» почти нищего, но уже сейчас бессмертного Валерия Перелешина (1913-1992), а количественно наибольшая русская колония стеклась в относительно спокойную и далекую Австралию. Однако где она, поэзия русской Австралии?..

На страницах «Антологии русских поэтов Австралии» (1998) имени Бориса Нарциссова нет. Нет и поэта, пианиста и... орнитолога Константина Халафова (1902-1969), последние два десятилетия проведенного на том же «зеленом материке». Нет, правда, там и наиболее, видимо, значительного на сегодняшний день поэта русской Австралии: Юрий Михайлик, одессит, с 1993 года живет в Сиднее. Кто есть? Клавдия Пестрово?.. Некоторый талант у нее был, конечно.

Можно бы и еще десяток имен назвать, если не три десятка, хотя прочно, с 1952 года и до самой смерти, пришедшей через сорок лет, крупнейшим из русских поэтов Южного Полушария нашей планеты безусловно оставался Валерий Перелешин в Рио-де-Жанейро. Но это «совсем другая история», нас же интересует, по причинам миграции русского населения в послевоенные годы, более ранний период. Именно тогда, в первые годы после окончания войны и вплоть до 1953, когда удалось переехать в США, на роль «Первого поэта Южного полушария» мог бы претендовать с наиболее серьезными творческими основаниями именно Борис Анатольевич Нарциссов. Хотя размышлять ли было тогда на подобные темы ему, химику, поэту без единой книги?

А путь назад, в Эстонию, был закрыт: Эстония вновь стала частью СССР.

Моя переписка с ним, что греха таить, пропала в диссидентские 1980-е годы: опасно было, хотя я вроде бы и занимался только эмигрантской поэзией, стараясь сделать для нее всё, что было возможно, – чувствовал, что еще на моем веку эта поэзия дойдет до станка Гуттенберга не во Франкфурте, а в Москве. Но что поделаться: Саша Богословский тоже занимался лишь Борисом Поплавским, а три года получил, и жизнь ему эти отнятые годы определенно сократили – сейчас его уже нет «по эту сторону», как сказал бы именно Борис Анатольевич. Спасибо Ю. П. Иваску в США: с Нарциссовым он меня связал, и тот на основные мои вопросы успел ответить, хотя смерть стояла у него на пороге. И одним из вопросов, заботивших меня, был такой: принято было считать, что никто не отразил в русской поэзии Австралию так глубоко, как это удалось Нарциссову; я чуть ни наизусть выучил его довольно большое собрание стихотворений «Звездная птица» (Вашингтон, 1978) – и не видел там Австралии. (Сборники поэта были расположены в этой книге необычно – и, как теперь вижу, неудачно: от последнего к первому.)

Борис Анатольевич почти рассердился (жаль, письмо цитировать могу лишь по памяти): как это так – нет Австралии? Одно из последних стихотворений первого его сборника (Стихи, 1958) ясно было озаглавлено «Timeless Land» – «Страна Вневременья», а эти слова уже давно служат постоянным поэтическим обозначением Австралии! Правда, из-за путаной композиции сборника я этот заголовок прозевал, да и не знал я ничего про «постоянное обозначение». Но прочее мог бы и впрямь заметить: стихи об эвкалиптах, о звезде Канопус (ведь и впрямь в навигации это Южная Полярная Звезда, из Москвы ее не увидишь), о том, «как попадают в Бисбен» («...Ах, совсем, как в Австралии, в Квинсленде – Брисбен!»), и много-много другого. Австралия действительно оказалась мрачноватой, но чуть ли не главной музой Бориса Нарциссова.

Второй музой была – что вполне предсказуемо – его фамилия, так раздражавшая Валерия Перелешина, что он несколько раз сочинял на нее не особенно удачные эпиграммы («...а если псевдоним у вас такой – / Тем более я выбрал бы другой!»). Между тем имя Наркисс (Нарцисс) по святым не особо-то и редкое – к примеру, это имя одного

из семидесяти апостолов, – и если родился ты с такой фамилией, с чего менять ее в поэзии? А поэт ко всему еще и цветы любил – и неустанно разводил их у себя в саду, в предместье Вашингтона. «Так подходила к поэту, любящему цветы, его цветочная фамилия!» – писала в некрологе ушедшему Нарциссову в 1982 году Валентина Синкевич.

Третьей музой его был некий бесформенный Южас (см. с. 294 данного издания) – лучше и не представлять себе, что это такое. Лев Толстой якобы сказал по поводу повести Леонида Андреева «Красный смех»: «Он пугает, а мне не страшно». Зато спрятанный на темном чердаке в сборнике стихотворений «Шахматы» крик слепого мальчика «Южас!» – это то, что вовсе не предназначено пугать. Но читателю хоть немного, а страшно.

Между тем жизнь поэта где-то всё же начинается. Если по старой карте, то родился Борис Анатольевич 14 (27) февраля 1906 Года в с. Наскафтым Кузнецкого уезда Саратовской губернии. Отец будущего поэта работал там ветеринарным врачом, мать же Бориса, Валентина Кирилловна, урожденная Янсон, была наполовину эстонкой – и вот эта не особо значительная четвертушка эстонской крови спасла жизнь семьи Нарциссовых. В 1913 году семья переехала в Ямбург Петербургской губернии; осенью 1919 года вместе с отступающей армией белых Нарциссовы оказались в Эстонии – и достаточно просто, если верить анкетам, *оптировали* для себя эстонское гражданство. Основания к тому были: родным языком мать семейства как-никак считала эстонский. Но с сентября 1921 года Борис Нарциссов учился в Тарту все-таки в русской гимназии, которую окончил тремя годами позже. Времена совсем не располагали к гуманитарным наукам, разве что в свободное время, и юный Борис поступил на естественно-математический факультет университета в Тарту; он с отличием окончил его и был оставлен при университете, как мы сказали бы, в аспирантуре. Так сложилось, что на всю жизнь поэт стал инженером-химиком: в ожидании войны большой спрос имелся разве что на врачей, однако куском хлеба поэт Борис Нарциссов с этого времени был обеспечен на всю жизнь. И получил возможность понемногу войти туда, где чувствовал себя куда более комфортно, – в храм литературы.

Не очень рекламируя свои занятия, он писал стихи еще в гимназии, а с 1928 года вступил в Юрьевский цех поэтов; в том же

году появились в печати первые его стихотворения. О «Цехе поэтов» Нарциссов оставил уникальные поэтические мемуары – длинное стихотворение «Двойники», попавшее в его посмертный сборник. Вот его описание: *«Академический эстонский Тарту. / А там поэты: Цех Поэтов, / И все в очках и все – Борисы. / Один – весьма потом известный Вильде / (Расстрелян немцами в Париже); / И неизвестный Тагго-Новосадов / (Замучен после в ГПУ); / И ваш покорный – чудом уцелевший. / И ментор старший наш: / Борис Васильич Правдин, / Доцент, поэт, эстет и шахматист»*. О судьбе Правдина Нарциссов не сообщает ничего; она отчасти загадочна: в 1944 году, с приходом советских войск, Правдин... вышел на работу, как будто ничего не случилось. Участвовал в создании большого эстонско-русского словаря, в 1954 году отправился на пенсию, умер в 1960 году в Тарту, там и похоронен... Может быть, «берегли для процесса». Тогда все сходится: после смерти Сталина таким людям была прямая дорога на пенсию. Но до Нарциссова, которому едва ли светила подобная участь, эти сведения могли не дойти. Один лишь автор стихотворения, визионер Нарциссов, мог бы ответить, почему он промолчал. Мне и угадывать не хочется. Ибо Россия – тот же кокодрил: вцепилась в душу тебе – так уже не отвяжется.

Так вцепилась в 1940 году советская власть и в Нарциссова: химик? офицер? Быть тебе отныне советским офицером, расстрелять потом успеем (эта мысль даже не особо скрывалась). Но на фронте всякое бывает. В 1943 году Борис Нарциссов угодил в немецкий плен. Не курорт, но и не концлагерь: Нарциссов снова (и вполне правдиво) мог доказать, что родина его – Эстония, а к СССР он отношения не имеет. Немцы хозяйственно отправили одного эстонца, химика к тому же, на сланцевые разработки на его родину – в Эстонию (правда, к этому времени они уже почти проиграли войну). В 1944 году «эстонец» Нарциссов оказался в Германии, потом – на территории, занятой союзниками (во французской зоне), ну, а дальше (1950-1953) была Австралия, дальше были эвкалипты и звезда Канопус почти точно над Южным Полюсом, были новые стихи... и в конце концов, пересекши три океана, добрался Борис Анатольевич до последней родины, до США – там тоже были нужны химики. Зашуршали стихи, и через тридцать лет после первой публикации у Нарциссова наконец-то вышел поэтический сборник «Стихи» (Нью-Йорк, 1958; 96 стр.; 300

экз.). Поэту было пятьдесят два года, но его творческая биография только начиналась. Даже в поэтическом переводе он успел оставить след – в первой же его книге был неординарный перевод «Улалум» Эдгара По, позднее перевел он кое-что с эстонского, но не очень много: он не хотел терять свои *поэтические* годы.

Последующие четыре сборника Нарциссов выпустил так, что стало ясно: это – не написанные только что стихи, это то, что скопилось в душе и в письменном столе за годы «печатного отсутствия» в литературе. Второй сборник «Голоса» (1961), наполненный эсхатологическими и отчасти оккультными мотивами; третий, «Память» (1965), с его фантастическим присвоением двойной фамилии ночному небосводу – г-н Мигуев-Звездухин, – понемногу стал выдавать поэтические пристрастия Нарциссова: его любимым поэтом оказался Бунин, столь назойливо непопулярный по обе стороны границы среди сторонников хоть «парижской ноты», хоть социалистического реализма. Здесь Нарциссов неожиданно близко сошелся во мнениях с В. В. Набоковым, с творчеством которого «цветочный поэт» сходил часто (хотя бы в одной любви к шахматам). Только жизнь человеческая коротка для того, чтобы успеть что-то, кроме самого главного. А для Нарциссова главным была литература, не только поэзия, но порой и проза; можно лишь пожалеть, что времени на новеллистику ему почти не хватило. Четвертый сборник Нарциссова «Подъем» (1969) и выпущенный уже после выхода на пенсию (1971) сборник «Шахматы» (1974) закрепили за Нарциссовым место одного из самых заметных поэтов русского Зарубежья. Но собрать пять сборников на одной полке по силам лишь тому, кому их сам автор подарит, а это дело почти разорительное. Интерес к Нарциссову рос, но росли и его годы, пора было собрать из своего творчества что-то итоговое.

Этим «итоговым» стал немалый том его стихотворений «Звездная птица» (Вашингтон, 1978), начинавшийся разделом «Новые стихотворения» и продолженный всеми пятью изданными до того сборниками. Двадцать лет «книжного» присутствия в русской литературе и отстоящая от нее в прошлое на тридцать лет дата первой публикации его стихов недвусмысленно говорили: перед нами творческий отчет за полвека серьезной работы.

...Однако том, выведший Нарциссова в первый ряд зарубежных поэтов, стал последним, вышедшим при его жизни. Валентина Синкевич в некрологе вспоминала, как сказал он ей в одном из последних телефонных разговоров: «Пожелайте мне самой скорой смерти». Поэт не был религиозен, но и в смерть в общем понимании тоже не верил: «я точно знаю, что это не конец» – Смерть была для него избавлением от болезни и от болей, смерть сулила ему встречу с родными и близкими, уже ушедшими за ее порог.

Ему нимало не был страшен голый и слепой мальчик на пыльном чердаке, кричащий одно кошмарное слово «южас», да и жуткий призрак гавайского вулкана Мауна Кеа, «белая дева», представлялся рядовым явлением. В отличие от действительно страшенького Юрия Одарченко, Нарциссов не пугался цепляющихся к нам по ночам в темных и хлороформных переулках «кокодрилов»: было это всё, было раньше, как и встречающийся у него «размахай» – ближайший родич тех размахайчиков, которых так любил рисовать на полях рукописей Георгий Иванов. Нарциссов знал силу своей волшебной фамилии: нарцисс, окропленный лучами звезды Канопус, лишает сил всех небритых вампиров, всех чудовищ Антарктиды, и нет у них власти над тем, кто нарциссом властно укажет на шахматную доску и прикажет играть. Полагаю, не одно нечестивое чудовище в подобной ситуации либо сбежало от Нарциссова, шепча с конца к началу текст первой попавшейся молитвы, а то и хуже: повиновалось, село за столик и послушно проиграло свою партию и то, что заменяло ему душу.

Уже после смерти поэта (в ночь с 26 на 27 ноября 1982 года) вышла еще одна тонкая книга – «Письмо самому себе» (Нью-Йорк, 1983). Книга оказалась недоставаемой в темные годы андроповского правления и никому не нужной в годы Перестройки. Я был озабочен изданием четырехтомника русской эмигрантской поэзии первых двух волн («Мы жили тогда на планете другой». М., 1994—1997), собирал материалы, и «посмертный Нарциссов» был мне отчаянно нужен. Адрес вдовы поэта, Лидии Александровны, мог измениться, но ведь мог остаться и прежним. Я рискнул написать ей письмо обыкновенной почтой (до интернета было еще далеко-далеко) и через некоторое время вынул из почтового ящика пакет. Там было не только письмо от Лидии Александровны, но и нужная книга она лежит сейчас передо мной, на ней теплый автограф и дата: «Июль 1990». Эта чудесная,

пусть и недописанная, книга открыла нам другого поэта: именно она кончается стихотворением «Двойники», без которого непредставим самый мир русской «лимитрофной», русской эмигрантской поэзии.

Времена хоть и не канатом, но всё же связывались. А ведь Лидия Александровна Нарциссова (1913-2004), урожденная Горшкова, дочь стеклопромышленника, прожила после этой даты еще 14 лет. Она знала, что стихи мужа возвращены России. И терпеливо ждала отдельного издания его произведений в России. Счастливая супруга, мать, бабушка и прабабушка знала – год-другой значения не имеет. Спасибо вам, Лидия Александровна, за разрешение на издание этой книги!

Мы не так уж сильно запаздываем. Да и думается, что это издание — не последнее.

...А кокодрил?..

... да ну его в темный переулок. Пусть живет как может, если уж прицепился, если уж без него русскому человеку не выстоять, не выдюжить, дом не построить, строфу не дописать.

Октябрь 2009

notes

Примечания

НЕНИЯ — похоронная песня или причитание полуэпического, полулирического характера у древних греков и римлян. Возникнув из причитаний по умершим родственникам, Н. (название возникло в Фригии, в Малой Азии) стала обычной принадлежностью пышных похорон, где ее пели уже наемные плакальщики. У римлян Н. исполнялись под аккомпанемент тибии (род кларнета). Н. начинала главная плакальщица; ее песню подхватывал хор. Тексты Н. до нас не дошли. Как плачи (см.) других народов, античные Н. несомненно содержали преувеличенные похвалы покойнику и бессвязные сетования; недаром античные писатели называют эти песни «нелепыми и нескладными».

Ведогони — души, обитающие в телах людей и животных, и в то же время домовые гении, оберегающие родовое имущество и жилище. Каждый человек имеет своего ведогоня; когда он спит, ведогонь выходит из тела и охраняет принадлежащее ему имущество от воров, а его самого от нападения других ведогоней и от волшебных чар. Если ведогонь будет убит в драке, то человек или животное, которому он принадлежал, немедленно умирает во сне. Поэтому если случится воину умереть во сне, то рассказывают, будто ведогонь его дрался с ведогонями врагов и был убит ими. У сербов — это души, которые своим полетом производят вихри. У черногорцев — это души усопших, домовые гении, оберегающие жилье и имущество своих кровных родичей от нападения воров и чужеродных ведогоней. ЮЖНЫЕ славяне так называли незримых духов, сопутствующих людям до смерти. Во время сна они исходят из человека и охраняют его имущество от воров, а жизнь — от неприятелей или других, недобрых, ведогонов. Между собою эти духи дерутся, и ежели в драке ведогон убит, то и человек, хозяин его, вскоре умирает. Ведогонь — по верованиям черногорцев и сербов, живущий в человеке дух, который во время крепкого сна может покинуть на время тело и странствовать по белу свету; то, что В. в это время видит, после пробуждения от сна кажется человеку сновидением. Ведогони могут даже драться друг с другом, и если чей-нибудь В. в драке погибнет, тогда и человек уже более не просыпается и умирает. Польские крестьяне говорят, что душа покидает человека, на время — во сне или навсегда — при смерти, в виде мыши. Когда мышь возвращается назад к спящему человеку, тот ее глотает и только тогда просыпается. На берегах Адриатического моря существует подобное же поверье; здесь В. является домовым гением, оберегающим родовое имущество и жилище. Не всякий человек имеет своего В., но только тот, который рождается в сорочке. В некоторых местностях Сербии ведогонем называется кровожадное мифическое существо, тождественное с вампиром. Стихийный первоначально характер ведогоней виден из того, что, по сербскому поверью, когда поднимается буря, это значит,

что ведогони дерутся. В Белоруссии до сих пор верят, что каждый мальчик получает при рождении сестрицу — сорку, а каждая девочка — братца, братака, которые остерегают их от несчастий и искушений. Поскольку люди всегда норовят дурные свои поступки и побуждения как-то оправдать, то и приписывают их этим духам, которые то же самое, что ведогоны древних славян. Ведогон (сербск. и черногор.), по народн. поверью дух, живущий в человеке могущий во время сна покидать тело. Не всякий имеет своего В., а лишь родившийся в сорочке. Порой В. смешивается с вампиром, волколаком. Удача, как уже было сказано, представляла собой главную ценность, которой мог владеть человек (или род). Удачи - а не счастья или материального благополучия - просили у богов; Удачу берегли как ценнейший их дар; на приобретение или улучшение Удачи были направлены многие магические технологии. Нередко такие технологии были связаны с персонификацией Удачи в образе божества, связанного с конкретным человеком. Такой персонифицированный аспект Удачи назывался на Северо-Западе фетч (др.-англо-сакс. fetch), фюльгья (др.-сканд. fylgja) или ведогон (слав.); эти традиционные представления были позднее заимствованы и христианством, где персонифицированная Удача превратилась в ангела-хранителя.

3

Земля без времени (англ.).

4

Калевы богатыри, герои.

5

Однажды... (нем.).